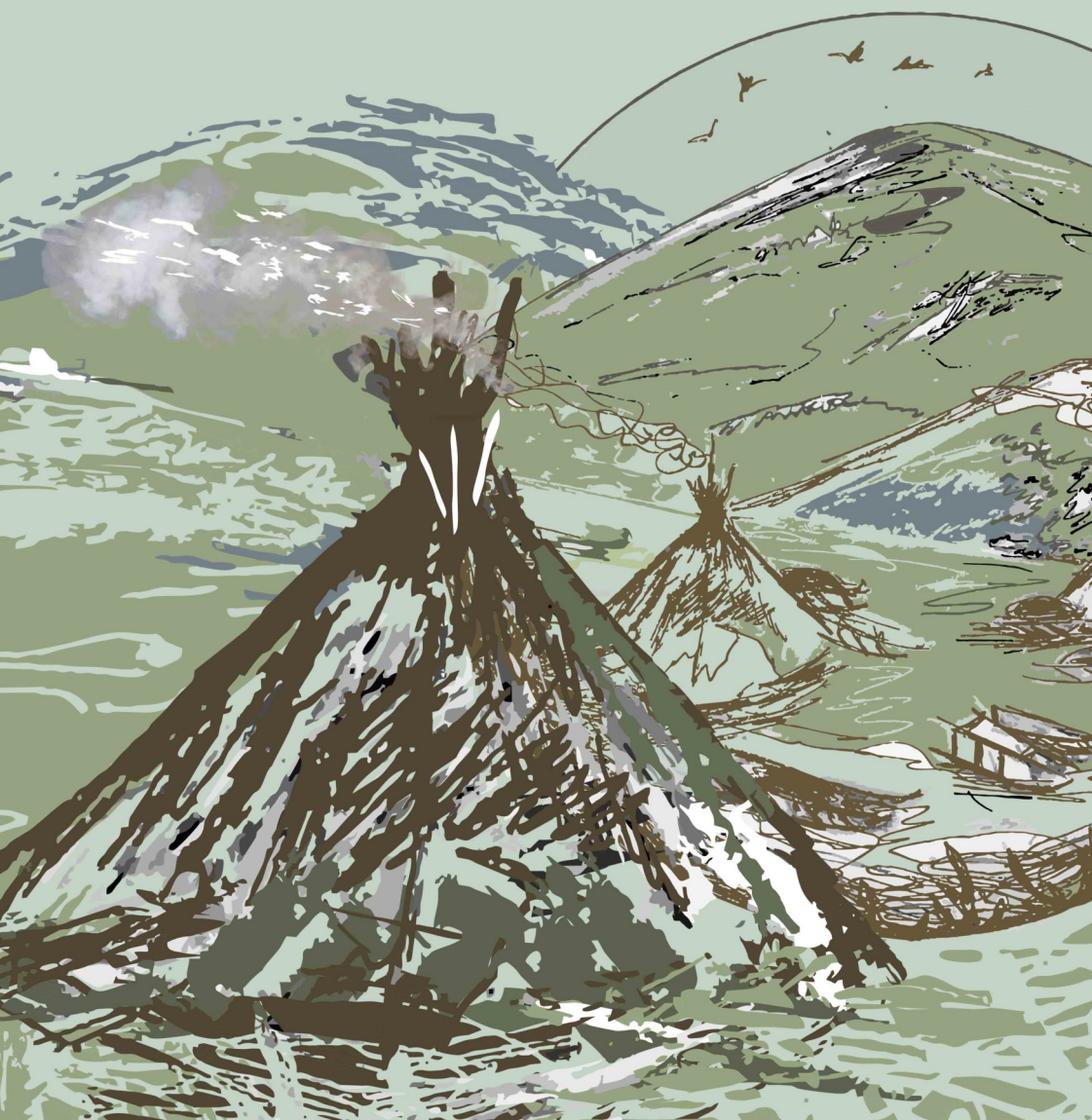

Сергей Пасхальный
НА КРАЯХ «КРАЯ ЗЕМЛИ»

Сергей Пасхальный

**На краях
«края земли»**

Салехард
2021

ББК 63.3(2Рос-6Яма)
УДК 908
П19

Пасхальный С.

П19 На краях «края земли» / С. Пасхальный. – Салехард: АНО «Ямал-Медиа», 2021. – 336 с., ил. – ISBN 978-5-6046107-0-1

Замысел издания состоит в том, чтобы пробудить в читателях интерес к отдельным периодам жизни Ямала, оглянуться назад и увидеть историю глазами современника. Композиционно содержание книги выстроено как увлекательное путешествие по ямальской земле в составе экспедиций на Хадыту или в северные поселки, на остров Белый или на Юрибей... Начинается это путешествие в Яр-Сале, к которому автор не раз возвращается и мысленно, и в действительности. Таким образом, районный центр становится звеном, крепко связывающим все края «края земли», что в итоге создает и удерживает структурную целостность повествования. В книге присутствует удивительное сочетание точных научных наблюдений и художественного взгляда на мир.

Книга издана по решению редакционно-издательской комиссии ЯНАО.

ISBN 978-5-6046107-0-1

- © Пасхальный Сергей, текст, фотографии, 2021 г.
- © Ямальский районный краеведческий музей, фотографии, 2021 г.
- © Жан Роше (Jean E. Roche), фотографии, 2021 г.
- © Марек Йохец (Marek Jochec), фотографии, 2021 г.
- © Селицкая (Сафарбекова) Гульнара, иллюстрации, 2021 г.
- © АНО «Ямал-Медиа», 2021 г.

От автора

Как-то так получается, что чем ближе подходишь к жизненному итогу, тем больше хочется вернуться в молодые годы, пройти их, что ли, вспомнить... Не случайно многие люди начинают писать мемуары. Но эта книга – не мемуары. Это – моя жизнь на Ямале, как я ее сейчас воспринимаю, какой она видится из XXI века.

Набор очерков о моих экспедициях, описания природы, заметки о птицах, изучению которых я посвятил свою жизнь, рассказы о моих коллегах, с которыми разделял тяготы полевого быта, и о жителях северного края, помогавших в работе.

Желание написать серию очерков, посвященных Ямалу – моей второй малой родине, появилось уже давно. Представлялось, что это будут своего рода зарисовки природы, недавней истории и жизни людей. Или, скажем, фотоснимки мест, в которых побывал, и событий, в коих принимал какое-то участие.

Тем более что я всегда с жадностью прочитывал воспоминания о нашем крае своих земляков или посетивших его исследователей – зоологов Бориса Михайловича Житкова и Варвары Ивановны Осмоловской, топографа, этнографа и путешественника Владимира Петровича Евладова, инспектора рыбоохраны Евгения Лебедева, историка Вадима Гриценко, писателя Георгия Метельского, журналиста Анатолия Омельчука и всех других, решивших рассказать о ямальской земле. К этому списку надо добавить и научные работы, авторы которых посвятили годы жизни познанию истории и географии, растительности и животного мира Ямала, изучению его археологических и этнографических особенностей.

Мои ямальские впечатления частично уже реализовались в немногих опубликованных газетных статьях. Почему не хочется на этом останавливаться? Просто я ду-

маю, что эти впечатления помогут старожилам оживить подзабытое, снова обратиться к памятным событиям, вернуться в давно знакомые места. Вспомнить небольшой поселок, факторию, речку... Увидеть стремнину ледохода на горной реке и залитые половодьем просторы безбрежной поймы Оби... Вдохнуть полной грудью соленый свежий бриз Карского моря и Обской губы, тонкие запахи расцветающей июньской тундры, пряный осенний аромат увядающей карликовой березки и багульника, дым костра и тепло родного дома... Почувствовать вкус малосоленного щокура, душистого бульона из куропатки, строганинки из муксуна и оленины, моченой морошки и рассыпчатой пунцовой брусники...

И еще я хочу рассказать о Ямале тем, кто живет здесь не очень давно, – приехал на работу или, хотя и родился здесь, еще молод и не так много сумел повидать. Этот край суров, красив и разнообразен, его есть за что полюбить, прикипеть к нему сердцем. К тому же за последние десятилетия здесь многое поменялось, так что не все и знают о не столь давних временах, таящих немало полезного и поучительного.

Конечно, не мог я обойти вниманием и такую тему, как законы существования и развития северной природы, от понимания которых во многом зависит сохранение Ямала, разнообразия его растительного и животного мира. Нам ведь не безразлично, будет ли человек и впредь с должным участием оберегать живую природу, осваивая природные богатства территории. А знания о земле, на которой живешь, ее географии, климате, флоре и фауне, обычаях и традициях местного населения, которые вкраплениями входят в мои рассказы, – неотъемлемые составляющие грамотного и рачительного хозяина этой земли.

В общем, надеюсь, что книга может быть интересна и старожилам Ямала, и его «новоселам».

Теперь о названии этой серии очерков. Я представлял, что будет именно серия, и постарался, чтобы она оказалась не слишком скучной. Надеюсь, это более или менее получилось. А выбирая объединяющее название, остановился на следующем: «На краях «края земли». Почему так? Да на поверхности объяснение – все наверняка знают, как переводится Ямал с ненецкого языка: «Я» – это земля, «мал» – край, конец, окончание. Этот полуостров, таким образом, – край земли. За годы жизни здесь мне довелось побывать на некоторых его географических краях – побережьях Карского моря и Обской губы, острове Белом, в дельте Оби, на Полярном Урале, у южной границы округа...

Кроме того, «край» в русском языке означает не только некий последний предел, за которым что-то прекращается, но и определенную территорию. Вот и я понимаю это слово еще и как обозначение того или иного, быть может, особенного места нашей страны. Так что довелось побывать мне, если быть точным, не только «на» краях, но и «в» краях Ямала.

Название серии очерков мне понравилось еще и потому, что иногда (не часто, врать не буду, но бывало) ситуации в поездках, экспедициях возникали тревожные, если хотите – неоднозначные, опасные или крайние. И тут, как ни крути, название к запискам само прилипло, не оторвешь...

Итак, мы на краях «края земли», а я ваш проводник... В путь!

Но прежде хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в подготовке книги. Мой соратник по ямальским странствиям Виктор Георгиевич Штро поделился своими дневниковыми записями и фотоматериалами, помог освежить в памяти многие события экспедиционной жизни. В пере-

НАЧАЛО

воде и трактовке ненецких географических и других названий большую помощь оказали директор Ямальского районного музея Зоя Прокопьевна Сафарбекова и школьный товарищ Александр Вадетович Евай. Зоя Прокопьевна поспособствовала также в получении фотографий из архива музея и уточнила некоторые исторические данные. Для иллюстрации моих поездок использованы, кроме авторских, фотографии, сделанные участниками этих экспедиций – Виктором Георгиевичем Штро, Вячеславом Федоровичем Сосиным, Михаилом Григорьевичем Головатиным, Жаном Роше и Марекон Йохецем, за что я им весьма признателен. Часть фотографий с видами ямальских поселков взята из открытых источников в Интернете.

Рисунки для книги любезно согласилась выполнить Гульнара Селицкая (Сафарбекова), выпускница Ямальской школы-интерната села Яр-Сале, а полезные исправления в текст внес главный редактор газеты «Время Ямала» Валерьян Александрович Якимов. Он же, Зоя Прокопьевна Сафарбекова и Юрий Андреевич Кукевич прислали очень приятные для меня отзывы на мою работу.

Заместитель главы администрации Ямальского района ЯНАО Галина Александровна Матвеева нашла в своем интенсивном рабочем графике время на подготовку ходатайства об издании книги, за что я ей очень благодарен.

Особую признательность хотелось бы выразить губернатору ЯНАО Дмитрию Андреевичу Артюхову, директору департамента внутренней политики ЯНАО Сергею Владимировичу Климентьеву и главному специалисту отдела медиапланирования этого департамента Татьяне Леонидовне Носоновской, которая выполняла основные задачи по контактам с автором.

Благодаря этим людям и стала возможна публикация книги. Огромное всем спасибо!

Мой ранний Ямал

Детские воспоминания странным образом состоят из фрагментов, которые, казалось бы, мало связаны логически друг с другом. И не совсем понятно, почему запомнились именно эти моменты, а не другие. Но так получается, что мое знакомство с Ямалом началось с череды событий, на которые я повлиять никак не мог, потому что, как говорил один известный литературный герой, «был еще крайне мал».

Моя мама в конце 1950-х годов, по тогдашнему выражению, «завербовалась на Север», то есть поехала туда по договору работать. Коэффициентов районных и северных надбавок в ту пору еще не было (из-за чего потом народ на Крайний устремился), но трудовой стаж считался, если не ошибаюсь, год за полтора. А кроме того, мама моя уже ничего к тому времени не боялась – что ей этот Север? Она прошла всю Великую Отечественную от Ленинграда в июне 1941-го, когда ей было всего 17 лет, до Маньчжурии, когда Квантунскую армию разгромили, отсидела после войны в сталинских лагерях в нынешней Республике Коми... Боевая операционная медсестра. Такие люди всегда и везде были в цене.

Вот и она решила поработать в далеком и неведомом краю. Я пока остался с бабушкой, но в 1963-м подошло мне время идти в школу. Мама с папой приехали за мной в ныне заграничную Эстонию, мы вместе навестили любимую отцом Кубань – и в путь, на Север!

Не уверен, что помню дорогу до небольшого тогда поселка Лабытнанги, но могу сказать точно: локомотивом был паровоз, может быть, один из тех, что сейчас стоят на постаментах в поселке Харп и в Салехарде. Не знаю...

Но паровоз был – ясно помню! Как говорят в спецучреждениях Харпа и Лабытнанги, «зуб даю!».

В Салехарде тоже воспоминания моментами, как фотовспышки. Первая – мы в городе (я потом по фотографиям понял, что это было на улице Республики у городской администрации, исполкома тогда, что ли...) возле оленьей упряжки. Всё в снегу, скорее всего, ноябрь... И потом – аэродром. Детали стерлись. Меня тогда больше интересовал самолет. Большой такой. Или мне показалось? Может, это был легендарный Ли-2? Конечно, тот самолет имел немало от американского прообраза, но всё же он был наш, советский, двухмоторный, надежный работяга полярной авиации тех времен. Но летал ли он в 1963 году в Яр-Сале? По словам одного моего одноклассника, эти самолеты в поселок стали курсировать позднее, когда удлинили посадочную полосу аэродрома. А может, «Шаврошка»? Такие еще тоже могли работать.

Вот... А из Салехарда в Яр-Сале он нас домчал успешно. Да, тогда, в 60–80-х годах прошлого века, малая авиация на Ямале была и работала. Кроме Ли-2, трудился потрясающе надежный и универсальный Ан-2 (на колесном шасси, лыжах и поплавках). Вертолеты, конечно, тоже стали появляться, но потом всё поменялось (здесь отступлений делать не буду, как-нибудь позже, по случаю...).

В начале 1960-х годов Яр-Сале был типичным небольшим северным посёлочком с населением около двух с половиной тысяч человек. Почти весь одноэтажный, с тремя зданиями в два этажа – райисполкомом, Домом культуры и одним жилым домом. Я пошел в школу, тоже одноэтажную, – ту самую, о которой расскажу позднее в очерке, посвященном школьной поре и нашим учителям.

Занятия наши в свободное от учебы время были простыми и полезными для здоровья. Одеты в полушубки или телогреечки, в валенки и меховые рукавицы, мы боксировали возле наших домов, согреваясь в тридцати- и со-

рокаградусные морозы. Позже играли в «войнушку», рыли в снеговых наносах «блиндажи». Прошедшая страшная война была еще совсем рядом с нами, с нашими мамами и папами, в их воспоминаниях, к которым они, правда, не очень любили обращаться. Хотелось думать о жизни и хорошем будущем.

Да, зимы тогда были весьма суровыми – мама рассказывала, что до моего приезда в поселок им иногда на работу приходилось добираться в метель, держась за протянутые веревки, чтобы с пути не сбиться. Поселок ведь расположен на бугре посреди низины и ветрам, кои на севере не редкость, очень доступен. Но человек ко всему привыкает, и к ветрам, и к холодам, тем более что одевались мы хоть и не модно, но по-северному тепло.

Приехав в Яр-Сале, мы поселились в одноэтажном бараке рядом с районным Домом культуры (судьба или случай?). Барак был типичный – длинный коридор и входы в квартиры по его сторонам. Нам сначала досталась однокомнатное жилье – кухня и комната метров на пятнадцать площади. Позднее к ней присоединилось соседнее помещение. По тем временам очень неплохо. Отопление, конечно, было печным – дровишки и уголек, удобства – на улице.

Но имелось в этом доме одно очень хорошее место – тамбур, в котором располагались по сторонам деревянные ящики с крышками – лари. А в них (тут советую умерить ваши аппетиты!) стандартно лежали: туша северного оленя высшей категории (в два пальца сальца сверху) или половинка ее, сердце, печеночка, почки и языки его же, мороженые щокуры и муксуны и, конечно, доски с пельмешками и котлетками... Вы, может быть, думаете, что эти лари запирались на кучу замков? Нет, тогда в Яр-Сале и квартиры-то закрывались либо на замок без ключа, либо на палочку в пройму дверной ще-

колды, либо вообще на лопату, подпирающую входную дверь, чтобы обозначить, что хозяев нет дома. Такие были времена. И это – правда! Жили все примерно одинаково, достаток почти у всех был один и тот же.

В один из отпусков наша семья «на юга» не уехала, и я остался в поселке. Было задание – каждый день утром ходить к соседям, которые тогда держали корову. Вот я у них литр молока и брал. Правда, к молочному так и не привык. Тогда это был, в некотором смысле, дефицит, причем надолго – вплоть до конца 1980-х, хотя и ферма к тому времени уже появилась. А в 1960-х годах иногда на самолетах привозили здоровенные шайбы, этак в полметра диаметром, не меньше, замороженного молока. Но всё-таки это была для севера некоторая экзотика.

Совсем рядом с нашим жилищем, в районном Доме культуры, располагалась библиотека, куда я регулярно заходил за книгами. И читал их целое лето подряд, вдохновляясь рассказами о путешествиях и географических открытиях. Похоже, в этом была определенная закономерность, связанная с местом жительства, так сказать. Поселок – не то, что большой город, здесь живешь бок о бок с природой, точнее, оказываешься почти погружен в нее. И не случайно с каждым годом это погружение всё больше и больше увлекало, интересовало и звало открывать новое.

Летом мы с друзьями регулярно выбирались на рыбалку, сначала в основном за ершами, которых ловили на донки или, как мы их называли, закидушки, потом начали осваивать сети. Весельные лодки стали любимым транспортным средством, хотя по весне, в половодье, когда вся пойма у села затапливалась, мастерили и плоты из подручных бревен и досок. На берегу реки, у костра проводили все светлые ночи, пекли в золе кар-

тошку и потрошенных подсолненных ершей, обмазывая их глиной.

В теплые дни выбирались на Ярсалинский сор и купались на мелководе. Тогда на его берегу еще сохранялись песчаные холмы, или сопки, покрытые местами зарослями ольшаника, карликовой березки или ерника, брусникой, мхом и лишайниками. А песчаный пляж не был завален всяким мусором, хотя жители регулярно собирались здесь на праздники – День молодежи, День медицинского работника или рыбака и, к сожалению, не всегда за собой прибирали... Однако позднее на месте сопок появились взлетно-посадочная полоса аэродрома и по соседству свалка, нетронутая тундра всё дальше отодвигалась от границы поселка, а пляж оказался совершенно загублен.

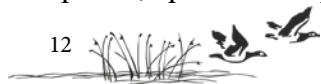
Все вылазки на рыбалку или походы в тундру постепенно приучали к полевой жизни. Стало интересно узнавать названия растений, рыб и птиц, постигать азы выживания в природе – ориентироваться на местности, грести и управлять моторной лодкой, обустраивать бивуаки, ставить палатку, находить топливо и воду, разводить костер и кашеварить, разделывать рыбу и дичь, решать банные вопросы... В общем, осваивать всё то, без чего нельзя обойтись в экспедициях, когда на недели и месяцы оказываешься вдали от благ цивилизации.

Да вот хотя бы ягоды и грибы. Помню, в детстве мы считали, что одна из обычных тундровых ягод – это волчья ягода. В спелом виде она крупная, красная и растет на стелющихся по песчаным буграм плетях с сетчатыми овальными листьями. Оказалось, что называется эта ягода арктоус и она совсем не ядовитая, хотя вполне безвкусная. Точно так же стали хорошо известны морошка, брусника, голубика и черника, красная смородина и водяника. Ядовитых грибов, кроме очень редких мухоморов, тоже не водилось.

Стали мне знакомы и почти все местные рыбы. На удочки, кроме ершей, иногда удавалось поймать язей, щучек, плотвиц или, скорее всего, похожих на них ельцов, иногда налимчиков, окуньков и даже пыжьянов или очень редких пескарей. Конечно, узнал и муксунов, щокуров, сырков, нельму, которых добывали рыбаки. Довелось видеть у плашкоутов здоровенных осетров, сидящих на поводках-куканах, и отведать все северные рыбные деликатесы. Смешно вспоминать, как однажды, когда я попал на больничном катере «Здоровье-3», где отец служил капитаном, в Лабытнанги, кто-то принес нам целое ведро черной икры. Я попробовал ложку, но мне не понравилось, попросил купить лимонад – в Яр-Сале этой «вкуснятины» не было.

Что касается птиц и зверей, то с ними знакомство началось позднее, хотя и поселок, и его ближайшие окрестности в те годы, особенно весной, представляли собой самое благоприятное место для наблюдений за пернатыми. Конечно, я их видел, но пока еще мало о них знал, хотя встречал в апреле и мае серых ворон и крупных чаек – халеев, стайки черно-белых пуночек, или, как мы их называли, «снегирей». Видел стаи пролетающих к своим гнездовьям гусей и уток, а ближе к концу мая – многочисленных пестрых куликов, деловито снующих по болотам в поселке, на его окраине и по берегу Ярсалинского сора.

Первым стимулом обратить на птиц больше внимания, наверное, стало решение отца доверить мне после пятого класса выстрелить из ружья. Мы вышли на край застройки (тогда это было проще), установили мишень, и после инструктажа я под отцовским присмотром сделал свой первый выстрел. Для мальчишки это было очень интересно – как раз в эти годы мы с ребятами не раз заглядывали в хозяйственный магазин в центре поселка, где

подолгу рассматривали висевшие по стенам ружья, даже нарезные – карабины и «мелкашки», разложенные на витрине патроны, гильзы и прочую ружейно-охотничью амуницию и мечтали попробовать это богатство в деле!

Но самостоятельно я начал охотиться только с седьмого класса с нашей старенькой, но надежной курковой одностволочкой «Иж-18». Увлеченным охотником я не стал, но в работе мне это пригодилось. Дело в том, что зоолог, проводя определенные виды исследований, должен добывать животных. В одних случаях для пополнения научных коллекций, в других для изучения строения, физиологии, питания и прочих особенностей биологии видов. А иногда животное надо добыть, чтобы точно установить его вид, – по внешним признакам сделать это порой весьма сложно. Конечно, со временем научные методы менялись, сейчас новые технологии позволяют получать большой объем информации, не нанося вреда животным, но тогда мы подобными возможностями не располагали.

А охотиться можно было прямо рядом с поселком. Такие вольности. Добычей обычно бывали одна-две утки, чаще шилохвости, свиязи, чирки-свистунки или нырки – морянки, хохлатые чернети. Попадались и кулики из тех, что покрупнее, – кроншнепы, веретенники, турухтаны. По осени начиналась пора белых и тундряных куропаток, а изредка и зайчишка встречался.

Природа иногда сама приходила в дом неожиданным образом. В те времена воду по поселку развозили на лошадках. Летом железная бочка с прорубленным на боку отверстием устанавливалась на двухколесную телегу, зимой – на сани. Чтобы вода по дороге не расплескивалась, дыра в бочке закрывалась брезентовой тряпкой с прибитым к ее краю полешком для плотного приле-

гания к емкости. Зимой возчик набирал воду ведром из проруби, дома ее снова ведрами перетаскивали в бочки, установленные в квартирах или подъездах. Нередко в этой воде оказывалась и мелкая рыбешка. Дело в том, что зимой на Оби наблюдается такое явление, как замор, или, по-местному, «загар». Случается он ежегодно в середине зимы, в январе – феврале. Причина кроется в том, что восточные притоки Оби приносят из многочисленных на правобережье болот воды, насыщенные гуминовыми веществами, которые придают характерный желтоватый оттенок. При окислении этих веществ происходит резкое снижение концентрации кислорода. Говорят: «Вода горит». Она становится мертвой – нет кислорода, нет и жизни. Летом реки освежаются, а зимой этому мешает ледяной панцирь на водоемах.

Рыба из Оби начинает уходить всё дальше в низовья, а потом и в Обскую губу, до мест, куда заморные воды не успевают добраться к весне, до широты поселков Новый Порт, Мыс Каменный. А часть рыбы убегает в уральские притоки Оби, в которых вода остается еще достаточно богата кислородом – помогает ее освежение благодаря многочисленным ручьям и сохраняющимся даже в морозы полыньям на стремнинах горных рек.

Но та рыба, которая убежать не успевает, начинает в середине зимы задыхаться и выходит к местам, где хоть немного лучше дышится. А это немногочисленные проруби – рыбацкие или те, из которых набирают воду. Вот так рыбешки и попадают в ведро, а потом и в бочку с водой.

Существовал и такой промысел даже. На реке рядом пробивали две большие проруби, или майны, а между ними – канавку, через которую специальной лопатой с дырками прокачивали воду. Рыба поднималась к месту с освеженной водой, где ее, уже довольно вялую, и подхваты-

вали сачком. Не вполне гуманный способ лова, но такова уж была повседневность тех времен.

Однажды, когда я уже ходил почти каждый день в школьный «живой уголок», мне домой принесли белую сову. Попала в капкан. Может, предназначенный для песка, а скорее всего, специально выставленный охотником на высоком шесте, чтобы ловить сов и ястребов-тетеревятников, которые похищают иногда добычу промысловиков. Мы с моим другом Санькой Тихоновым понесли совушку в ветлечебницу, к доктору Юрию Георгиевичу Кеерту. Спасти лапку не удалось – кость была перебита, и уже давно. Но операция вышла непростая – когти на здоровой лапе были острейшими, мышцы железными. Оперировали в кожаных перчатках, затем вкололи антибиотики, витамины и унесли птицу в одну нежилую квартиру. Первые два дня кормили из шприца куриными яйцами с лекарствами, пинцетом захватывали в рот мясной фарш. Но потом она ожила, стала щелкать клювом, брать кусочки мяса и хватать принесенный ей снег. В общем, воскресла. Прожила она у нас до весны, а в апреле мы отнесли ее в окрестности поселка. В природе птицы с одной лапой выживают, этому есть много свидетельств. Надеюсь, и наша не пропала.

Вот так наша жизнь в Яр-Сале всегда была рядом с северной природой. Теперь, по-моему, нет вопросов, почему один парнишка из маленького северного поселка вдруг решил заняться орнитологией.

Воспоминания о школе

Впрочем, была и другая причина, и заключалась она во влиянии обычной сельской школы. Рядовой для той поры школы, где работали прекрасные педагоги, происходила

интересная и разнообразная жизнь. Там были получены знания по математике, физике и химии, которые помогли поступить в университет и успешно учиться. Уроки литературы и русского языка формировали тягу к изложению своих мыслей, подготовке сообщений о научных находках или написанию таких, как эти, заметок. Биология и география обнаруживали многообразие окружающего мира и увлекали возможностями новых открытий. Спортивные занятия закаляли физически. Да что ни возьми, всё рано или поздно оказывалось в жизни нужным: мастерить что-нибудь, делать зарисовки, чертить, ориентироваться по небесным светилам... Ну, а песня нам всегда строить и жить помогала. Так что без воспоминаний о школе, о моих учителях и школьных друзьях, о нашей учебе, увлечениях никак не обойтись в рассказе о земле ямальской.

История школьных лет запечатлелась в виде причудливого сочетания разных эпизодов. Таковы уж особенности человеческой памяти: что-то осталось в ней надолго, что-то всплывает иногда размытыми картинками, фрагментами имен, событий, а иное и вовсе скрыто наслоениями последующих впечатлений.

В 1963–1966 годах начальная школа размещалась в одноэтажном доме барачного типа в центре поселка, неподалеку от места нынешней, современной роскошной школы. В помещениях стояли классические двухместные парты того времени – с наклонной столешницей, в которой были углубления для чернильницы, перьевой ручки, карандашей, и откидными крышками перед скамейкой со спинкой. На стенах – классная доска, портреты известных людей и учебные плакаты. Всё скромно и даже аскетично.

Первый мой педагог, Клавдия Александровна Андрианова, считалась учительницей строгой, но справедливой.

Мне особенно запомнились уроки чистописания, на которых надо было тщательно выписывать буквы и их элементы в специальных прописях, скрупулезно соблюдая форму, наклон букв и нажим на ручку. Перьевые чернильные ручки были весьма коварны и нет-нет да капризничали, цепляли бумагу, оставляя ненужные помарки, а то и кляксы... Тогда жди замечания и на пятерку не рассчитывай!

В пятом классе мы перебрались в другое здание школы – рядом с тем местом, где от расположившегося на высоком мысу поселка начинался деревянный мост к причалу на реке Малой Юмбе. Тоже одноэтажное деревянное, но попросторнее. Здесь особенно запомнился приуроченный к Дню космонавтики школьный праздник, главным организатором которого стал учитель физики Юрий Васильевич Шмаков. Все классные комнаты были радиофицированы и превратились в космические корабли, а ученики стали экипажами этих межпланетных странников. Все готовили сообщения о событиях на кораблях, о том, что происходит в окружающем космосе, и передавали новости по радио другим участникам полета. Энтузиазм был непередаваемый!

В этом же здании позднее размещался и «живой уголок» – совершенно уникальное для того времени и места школьное объединение: и клуб по интересам, и зоопарк, куда классами ходили на экскурсии, и место встречи друзей. Конечно, знаний о содержании животных нам не хватало, но тогда обращались к книгам, учились. И все нам помогали. А сами ребята с увлечением занимались этим делом: кормили животных, чистили клетки, заготавливали корма. И никакой обязательности, дело сугубо добровольное, хотя далеко не всегда приятное и уж точно не для белоручек.

Вскоре в Яр-Сале недалеко от сохранившегося до сих пор Дома культуры началось строительство новой школы, еще более просторной, с большими окнами, спортзалом и водяным отоплением, заменившим печное. Учащиеся активно помогали в ее строительстве, носили, например, опилки для утепления полов. Да и позднее мы всегда участвовали в хозяйственной деятельности: высаживали деревья, выезжали для заготовки угля и дров на берег Юмбы, куда в период навигации выгружали топливо с приходивших судов, делали в классах уборку. Никогда это не считалось зазорным или тяжелым – это ведь для всех нас было нужно: уют, чистота и тепло в школе.

Регулярно перед занятиями проводилась так называемая «линейка» – общешкольное построение, на котором наш директор, бывший фронтовик Николай Николаевич Почекуев, сообщал важные для всех новости и напутствовал на прилежное учение.

В школе помимо уроков было удивительно много разных мероприятий: и спортивные состязания, и вечера отдыха, и праздники. Работали кружки по интересам, которые вели как учителя, так и родители; все они были бесплатными. С воодушевлением ребята включились в военно-спортивную игру «Зарница», и у окраины поселка возле снежных крепостей после марш-бросков разыгрывалось нешуточное боевое сражение «красных» и «синих», экипированных и вооруженных деревянными автоматами и снежками.

В сентябре в спортзале, украшенном золотистыми листьями увядающего лета, проводился традиционный Осенний бал. В декабре здесь устанавливалась большая елка, шли утренники для малышей, а в кульминацию праздника начинался Новогодний бал. К 23 февраля все готовились к проведению смотра строевой выучки, к 9 мая

репетировали театрализованное исполнение песен военных лет. А еще – пионерские и комсомольские собрания, где обсуждались насущные вопросы школьной жизни, выпуск стенгазет. В 1970-х годах в школе появились вокально-инструментальный ансамбль и духовой оркестр, но подробнее об этом чуть позже.

В общем, жизнь кипела. Не знаю, как всё успевали делать? Учителя, по-моему, вообще не следили за тем, сколько времени они проводят в школе, а ведь еще была работа воспитателями в интернате, классное руководство, дополнительные занятия с отстающими учениками, проверка тетрадей, подготовка к урокам, семьи, наконец... И на зарплату никто не жаловался, насколько я знаю, работали, делали свое дело на совесть.

Думаю, что именно поэтому у нас остались самые лучшие воспоминания о наших школьных учителях, не только как о преподавателях, давших основы знаний, но как об искренних, честных, трудолюбивых людях, истинных педагогах, которые не просто учили, но воспитывали своих подопечных. Мне хочется вспомнить многих из них.

В моей судьбе, конечно, исключительную роль сыграл Геннадий Александрович Бронских – удивительно инициативный учитель биологии. Не случайно четыре выпускника нашего совсем небольшого класса связали свою жизнь с биологией, медициной и фармацевтикой. Мой жизненный путь был определен, судя по всему, еще в 1970 году, когда я пришел в школьный «живой уголок». Все годы учебы Геннадий Александрович поддерживал во мне интерес к биологии, науке в целом, находил какие-то совершенно неожиданные контакты с учеными. Благодаря ему после девятого класса я попал и в первую свою серьезную экспедицию на Южном Ямале. Так

что биофак Уральского госуниверситета, дальнейшая работа в коллективе филиала Института экологии растений и животных в городе Лабытнанги и ежегодные экспедиции на просторах родного Ямала были предопределены, похоже, уже в школьные годы.

Геннадий Александрович до сих пор поддерживает связи со своими воспитанниками, радуется нашим успехам и, как прежде, живо интересуется научными находками, сенсационными открытиями, в общем, держит руку на пульсе времени.

Особо надо сказать о преподавателе русского языка и литературы Тамаре Васильевне Ивановой. Считаю, что она служила нам своеобразным духовным «маяком». Дискуссии о литературных героях всегда выходили далеко за рамки анализа произведений того или иного писателя. Как-то так получалось, что мы начинали примерять на себя «одежки» книжных героев, искать черты сходства с ними, будь то Григорий Печорин, Пьер Безухов или Павлик Корчагин. И ведь искренне входили в атмосферу сопереживания, понимания героев книг. Не случайно сочинения по этим произведениям получались не для оценки, а от всей души. Помнится, размышляя о романе «Война и мир», исписал полную школьную тетрадку от корки до корки... А Саша Евай так вообще получил признание как автор наилучших сочинений. Не сомневаюсь, что обаяние Тамары Васильевны во многом определило и выбор Зоей Федоровой (Вейтко) профессии педагога-литератора. Вот такая у нас была учительница литературы!

Математика – предмет, прямо скажу, непростой, требующий абстрактного, отвлеченного мышления, и не каждому дается. Для меня сложнее оказалась алгебра, легче и, как мне казалось, понятнее и нагляднее – геометрия. Но в том, что основы этих наук прочно вошли

в базис сознания, конечно, заслуга учителей. Математику в нашем классе в разные годы вели Владимир Иванович Рочев, Вячеслав Федорович Востриков и Виктор Николаевич Холопов.

Один из учеников Вячеслава Федоровича, Саша Бобриков, проявлял особые успехи в трудных дисциплинах и буквально на голову превосходил всех в классе по математическим способностям. Вячеслав Федорович дополнительно занимался с Сашей, рекомендовал ему книги для изучения, учил думать и анализировать. В старших классах Александр готовился в университет под руководством наставника и с его подачи учился в заочной математической школе. Так что на матмех МГУ он поступил без проблем.

Сашу, как и многих других учеников, Вячеслав Федорович увлек занятиями спортом, ходил с ним на охоту. Навыки военного дела мы тоже перенимали от Вячеслава Федоровича. Человек он был мужественный, спортивный, любил рыбалку, охоту. И его трагическая гибель была воспринята нами как несправедливая и горькая утрата.

С Виктором Николаевичем Холоповым меня и моих друзей помимо уроков связывали и другие интересы, прежде всего музыка. Очень запомнились вечера, когда у него дома мы слушали на хорошей аппаратуре и обсуждали очень популярные в те годы композиции рок-групп Beatles, Deep Purple, Led Zeppelin, Pink Floyd... А кроме того, Виктор Николаевич являлся участником школьного вокально-инструментального ансамбля – его стихией были ударные инструменты.

Музыка для меня и моих самых близких товарищей в последние школьные годы и позднее стала почти второй жизнью. И ключевую роль в этом сыграл наш

преподаватель Виктор Андреевич Гаркалин, человек удивительный и увлеченный. Энергией он обладал абсолютно неумной, кипучей, работу свою любил страстно, а владел, насколько я мог видеть, всеми доступными музыкальными инструментами.

В районном Доме культуры Виктор Андреевич собрал взрослый коллектив музыкантов-любителей, работавших в разных поселковых организациях. Например, в этом ансамбле тогда играли хорошо известные в Яр-Сале врачи – Эдуард Грачевич Парсомьянц и Виктор Семенович Немойтин. Такие были времена: участие в художественной самодеятельности являлось делом обычным для многих жителей поселка.

Позднее в школе Виктор Андреевич стал вести кружок игры на гитаре. Я и мои друзья, Володя Черепанов и Саша Тихонов, записались в него и стали постигать азы игры на этом инструменте. В конечном счете все участники кружка вошли в состав школьного ВИА, названного нами сначала в шутку «Зеленый горошек», а затем уже официально «Школьник». Руководителем, музыкальным продюсером и учителем, конечно, был Виктор Андреевич. Становление и развитие ансамбля пришлось на 1972–1973 годы. В разное время в него входили, кроме названных участников, «дядя Ваня» Мингалёв, Алекс Ахметов, Коля Джюра, Саша Кугаевский.

Особую гордость мы испытали от участия в конце 1972 года в окружном смотре художественной самодеятельности в Салехарде и областном в Тюмени, где завоевали звание дипломантов. Так что возвращение в поселок накануне нового, 1973 года, буквально с «корабля Ан-2» на новогодний бал, стало всеобщим праздником под новые танцевальные мелодии.

С тех пор осталось увлечение песнями Владимира Высоцкого и многих бардов того времени – Булата Окуджавы, Юрия Визбора, Юрия Кукина, Александра Городницкого, Ады Якушевой и других.

После окончания школы нашим классом жизнь ансамбля не прервалась, в нем играли Володя Черепанов, Саша Тихонов, Сергей Кондратюк, Саша Баталов, Коля Гаврилец, Сергей Ильченко, а потом всё новые и новые ребята. В последний состав группы, которой мне довелось руководить, уже работая в школе в 1979–1981 годах, вошли Марина Толстова, Лена Банникова, Света Вайтенко.

Так хорошее начинание Виктора Андреевича Гаркалина надолго прижилось в школе. А ведь он организовал в ней еще и духовой оркестр. И, кроме многих участников ВИА, в нем играли и Саша Евай (большой барабан), и Слава Салиндер. Мне, например, достался бас, или, как его еще называют, геликон – такая здоровенная медная труба, надеваемая через голову на манер солдатской шинельной скатки. Геликон был извлечен из каких-то старых запасников, изрядно побит временем, но после тщательной чистки заблестел и зазвучал солидно.

Вообще, с инструментами тогда было непросто, и для ВИА многое приходилось добывать с известными сложностями, тем более в таком отдаленном небольшом поселке. Но всё постепенно доставали, покупали – школа в этом всегда помогала. Виктор Андреевич рассказывал даже необычную историю о том, как один инструмент – красивую и звучную электрогитару – во время гастролей на Севере ему подарил сам Иосиф Давыдович Кобзон. Вполне возможно, что так оно и было...

История прошлых веков и лет буквально оживала перед нами на уроках Анатолия Степановича Матросова и Элеоноры Борисовны Чумаковой. Элеонора Борисовна,

кстати, стала автором слов песни о Яр-Сале: «Есть поселочек маленький на далекой земле, словно камешек аленький, Яр-Сале, Яр-Сале...», которую исполнял наш ВИА.

Александра Ивановна Евстигнеева преподавала географию. И, судя по всему, настолько занимательно, что я перечитал буквально все до единой книги знаменитых путешественников в районной библиотеке. Потом, когда пришлось замещать в школе вакансию учителя географии, хотя образование было непрофильным (биология, химия), это мне сильно помогло.

Уроки физкультуры в старших классах вел Николай Гаврилович Шемякин, мы особенно любили играть в волейбол. И были рады узнать, что впоследствии он стал директором школы в ее новом, совершенно невероятном облике, который невозможно было даже представить в далекие 1970-е.

С благодарностью вспоминаю я и уроки труда, которые проводил Егор Феофанович Швец. Все приобретенные навыки работы с деревом и металлом не раз пригодились и дома, и на рабочем месте, и в дальних экспедициях.

Вспоминаю учителя рисования Геннадия Алексеевича Пуйко. Сам я не отличался художественными способностями, но один из его учеников, Леонид Лар, стал очень известным и своеобразным мастером. Когда я уже работал зоологом, мне довелось расспрашивать Геннадия Алексеевича об особенностях северной природы, которую он воспринимал со своей позиции живописца. Вообще, у ненецкого народа чувство прекрасного и умение передать его на бумаге или в каком-либо изделии очень развито. Рисовать, по-моему, умеют все поголовно!

Разную поддержку мы получали от многих школьных учителей и работников. Например, Людмила Давыдовна Ташкевич, преподававшая физику, помогала нам в издании

школьной стенгазеты, поскольку знала технологию журналистского труда, сотрудничая с районной газетой «Правда тундры». Добрыми словами вспоминаем мы Юлию Степановну Асташову, которая возглавляла в те годы районный отдел народного образования и напутствовала нас на выпускном вечере при вручении аттестатов об окончании школы. В школе нередко работали семьями. «Боевыми подругами» наших учителей-мужчин были Нина Константиновна Бронских, Лидия Ивановна Матророва, Анастасия Васильевна Пуйко...

Вот какие школьные преподаватели нас учили. И, уверяю вас, если такие же педагоги у ваших детей, этому молодому поколению очень повезло!

Воспоминания о школе я хочу завершить коротким рассказом об одноклассниках. Конечно, в разные годы я учился со многими ребятами – одни приходили в класс, другие уезжали с родителями в иные города и селения. Но к окончанию школы в 1973 году в нашем десятом классе было всего семнадцать выпускников. Кто-то с первого класса оставался с нами, другие влились в наш маленький, но дружный коллектив позднее. Вспоминаю их с теплотой, хотя знаю о жизненном пути не всех тогдашних мальчишек и девчонок.

Александр Вадетович Евай окончил Тюменский инженерно-строительный институт (ТИСИ), начинал трудовую деятельность мастером, позднее перешел на комсомольскую и партийную работу, шестнадцать лет возглавлял ассоциацию «Ямал – потомкам!», три раза избирался депутатом Государственной Думы (Законодательного Собрания) ЯНАО.

Станислав Николаевич Салиндер после окончания Тюменского медицинского института выбрал спе-

циализацию хирурга-уролога, стал Заслуженным врачом РФ и не изменяет этой профессии до сих пор.

Александр Николаевич Бобриков окончил математико-механический факультет МГУ и в последние годы работал в отделе компьютеризации на Волжском автотомоколе. Владимир Леонтьевич Черепанов свое любимое хобби школьных лет – радиоэлектронику – реализовал в профессии после учебы в вузе Нижнего Новгорода, работал в системе «Газсвязь» в городе Лабитнанги. Служба в пограничных и специальных войсках стала призванием Сергея Анатольевича Кондратюка; позднее он возглавил Союз ветеранов спецвойск в Москве.

Дильбар Сафатович Мамеев после окончания ТИСИ был приглашен на работу в Ямальский райком комсомола, занимал должность второго секретаря райкома партии. Позднее он получил второе высшее образование в Московском финансовом институте и с головой погрузился в проблемы налоговой инспекции. Евгений Шарко после учебы в Салехардском зооветеринарном техникуме вернулся в родной поселок.

Успешно сложилась судьба и у наших девушек. Зоя Федорова (Вейтко) окончила Тобольский пединститут, выбрав для себя путь педагога, а Нина Евдокимова (Новикова) после учебы в Ульяновске – фармацевта. Обе они сейчас трудятся в Яр-Сале. Лена Шпилевая (Сухинина) высшее образование получила в Тюменском сельскохозяйственном институте. Сейчас она руководит одним из предприятий в Краснодарском крае. Лена Салиндер тоже окончила Тюменский сельхозинститут и вернулась в Яр-Сале. Галя Ширяева после получения медицинского образования работала в Республике Коми.

К сожалению, мне почти ничего не известно о судьбах Тани Абрамовой (Мачитовой), Люды Ольшевской,

Риммы Фазыловой и Володи Попова. Но, надеюсь, и у них всё сложилось хорошо – во всяком случае, «коэффициент успешности» у выпуска Ямальской школы-интерната образца 1973 года выглядит неплохо.

С моими друзьями мы ходили в походы, на рыбалку и охоту, работали в «живом уголке», выпускали стенгазеты, готовились к праздникам, занимались спортом, музыкой. Мы влюблялись, страдали, мечтали и верили в счастливое будущее, в то, что всё в жизни получится, мечты сбудутся. Впереди была неведомая и немного пугающая взрослая жизнь.

ХАДЫТА

Хадыта, или Хадытаяха, – это река на Южном Ямале к западу от поселков Яр-Сале и Панаевск, начинающаяся в расположенной севернее тундре и впадающая в большой Воронковский сор напротив Салемала. Если быть точным, то во избежание тавтологии называть ее надо или река Хадыта, или Хадытаяха, поскольку «яха» в переводе с ненецкого собственно и означает, что она – «река». Похожие гидронимы на карте Ямала не редкость, типа Большая Хадата, Ер-Хадыта и другие. Все они говорят о том, что в этих местах растет ель, соответственно, та, о которой пойдет речь, – просто Еловая речка.

Но в этом и ее отличительная особенность, привлекающая в свое время внимание уральских экологов. Дело в том, что на переходе от тайги к тундре, то есть в зоне лесотундры, доля ели в составе древесной растительности по мере продвижения к северу уменьшается. Ее всё больше замещает лиственница, а потом и она исчезает. Смешанные лесные массивы с елью сохраняются в основном по

долинам рек с более мягким климатом и особым гидрологическим режимом. Один из таких лесных участков находится в долине Хадыты, делая ее уникальным местом, где можно наблюдать непосредственное соприкосновение и взаимопроникновение элементов таежной и тундровой растительности и животного мира на небольшом пространстве.

На уникальность территории в конце 1950-х годов обратил внимание известный уральский ученый, основатель Института экологии растений и животных в городе Свердловске академик Станислав Семенович Шварц. Его очень привлекали проблемы функционирования природных сообществ в Субарктике, приспособления животных к существованию в суровых условиях Севера. К тому времени в округе был создан стационар как база проведения научных исследований, а Хадыта выбрана в качестве одного из полигонов для таких работ в полевых, то есть экспедиционных, условиях.

Зоологи нашли здесь много типичных лесных видов. Среди птиц это красношейная поганка, ястреб-тетеревятник, глухарь, дятлы, клесты, снегирь, чечевича, из млекопитающих лось и полевки – экономка и пашенная. Водятся тут даже земноводные – остромордая лягушка и небольшой хвостатый тритон, сибирский углозуб. Я уж не говорю о насекомых и растениях, этих «южан» целая коллекция.

Мне посчастливилось побывать в этом месте еще в 1972 году, что и определило всю дальнейшую жизнь. «Зачинщиком» оказался мой учитель биологии Геннадий Александрович Бронских, который, заметив интерес ученика к живой природе, стал налаживать контакты с разными научными организациями, чтобы вовлечь меня в общение с биологами. Так он вышел на руководство стационара в городе Лабытнанги, и ему сообщили, что

одному из сотрудников Института экологии на полевой сезон нужен помощник.

В результате в конце мая я улетел из поселка, добрался до стационара и там познакомился с моим будущим начальником и наставником, ныне известным уральским орнитологом профессором Вадимом Константиновичем Рябицевым. Тогда он только второй сезон работал на Ямале и как раз на Хадыте. Предыдущий год начался у него не очень удачно – после выезда из Салемала к месту работы добраться удалось только до поселка Пуйко: началась распутица, его помощники, помогавшие с заброской, не рискнули ехать дальше. До ледохода пришлось пережить в заброшенном селении. С едой возникли проблемы, с дичью тоже оказалось плохо – пришлось даже использовать в пищу подстреленных ворон.

Но в этом году всё сложилось удачно. Нас забросили вертолетом на факторию, которая, как и река, тоже называлась Хадыта. На ней жил и работал факторщик Володя Гринин с женой и маленьким сыном Андрюшкой. Встретили они нас радушно, определили на постой в пекарне, расположенной в том же доме, где жила семья Володи.

Кроме этого здания, на берегу реки располагались банька и большой старый дом с прибитым над входом названием «Кафе», сделанным из кусков толстых березовых веток. Был также большой склад типа амбара с продуктами и разным товаром. Вот и вся фактория. Посетителей в это время года здесь было мало – перекочевка (каслание) оленеводов со своими стадами оленей к местам отёла важенков и на летние пастбища заканчивалась. Лишь изредка появлялись местные жители на упряжках оленей, чтобы запастись продуктами перед дальней дорогой.

Наша работа пока тоже сводилась к обычным бытовым делам и подготовке к основной части полевого сезона. Весна в том году выдалась многоснежная, затяжная,

и, казалось, зима никак не желает сдавать свои позиции. Время от времени мы с командором впрягались в санки, брали двуручную пилу, известную в народе под названием «Дружба-2», и отправлялись в соседний лес на заготовку дров. Напиленные сушины потом волокли по глубокому снегу к избе, чтобы в доме было тепло и уютно, а печка и банька не скучали без дровишек.

Вадим Константинович иногда занимался изготовлением чучел из пока еще немногих добытых птиц, которые нужны были для пополнения институтской научной коллекции и для его работ по изучению поведения птиц в качестве «провокаторов». Позднее часть «изделий» выставлялась на территориях таких же или близкородственных видов птиц, чтобы проследить их реакцию на появление чужаков, нарушивших границы хозяйских владений. Надо заметить, что Вадим Константинович таксидермией, то есть искусством изготовления чучел, владел мастерски. Я, конечно, познакомился с технологией этого дела, но так никогда и не приблизился к его таланту.

Еще у нас были два занятия на случай плохой погоды или свободного времени. Командор взял с собой небольшой кассетный магнитофон, что по тем временам было достаточной редкостью. К нему были кассеты с записями голосов птиц и песнями популярного тогда барда Юрия Кукина. Мы регулярно слушали голоса пернатых, Вадим Константинович произносил их русские и латинские названия, так что к началу основных работ я уже знал большинство местных птиц, стал узнавать их песни и позывки. И параллельно запомнил почти все песни Кукина. Осенью предыдущего года я стал ходить в школьный кружок гитаристов, интерес к этому делу был немалый. Так что пополнение репертуара оказалось очень кстати, и остался он в моей памяти на десятилетия.

В это же время у нас появился неожиданный дружок – горноста́й. Через какое-то небольшое отверстие в углу комнаты он проник в нее, сначала очень осторожно, затем совсем осмелел, стал забираться даже на подоконник, а иногда мы замечали его с добычей. Дело в том, что на складе фактории хранилось немало продуктов: крупы, сухари, галеты, печенье, пряники, которые привлекали непрошенных нахлебников – грызунов. Не тех, что обычно живут рядом с человеком, то есть домовых мышей и крыс, а местных полевков, коих на Хадыте в естественных условиях водится несколько видов.

Они сильно донимали хозяина фактории, и Володя часто ворчал, что эти «мыши» скоро попортят все припасы. Горноста́й, а точнее семья этих зверьков, был грозой полевков. Этот небольшой хищник из семейства куньих известен своей отвагой. Есть сведения, что он может даже напасть и убить глухаря, который в несколько раз его крупнее. А тонкое длинное тело позволяет горностаю, как и его ближайшей, более миниатюрной родственнице ласке, проникать в норы грызунов и не оставлять им надежды на спасение. К нам же он совершенно привык – мы его не трогали, не пугали, а звери и птицы всегда это чувствуют.

Мы уже стали уставать от вынужденного сидения на месте, даже организовали символическое сожжение соломенного чучела «сатаны», чтобы ускорить приход тепла. Кажется, помогло... Теплый южный ветер знаменовал начало пролета птиц, стал оседать снег, появились проталины, а на реке и озерах – небольшие участки воды.

Полетели белолобые гуси, речные, а потом и нырковые утки, зазвенели голоса певчих птиц – овсянок-крошек, варакушек, дроздов-белобровиков, пеночек – весничек, таловок и теньковок. В тундре по проталинам пели

лапландские подорожники и краснозобые коньки, на буграх возникали турниры турухтанов, в небе проносились хищные чайки – поморники. Жизнь закипела как по мановению волшебной палочки.

Открылась охота. В один из дней мы с Вадимом Константиновичем выбрались на соседнее с факторией озеро Взлётное (зимой на него садились «кукурузники», потому и Взлётное) и добыли несколько уток. Весной они всегда бывают очень упитанными. Сварили из них суп с домашней лапшой, которую приготовила жена Володи. Это была пища богов!

У нас началась повседневная работа. Наносили на карту участки, на которых пели птицы разных видов, искали и описывали гнезда, которые потом посещали, чтобы проверить их состояние. Вадим Константинович уходил в дальние маршруты по тундре проводить учеты численности птиц или из небольшой палатки наблюдал за их поведением у гнезд. Я проверял гнезда и заносил данные в гнездовые карточки. Если шеф работал в палатке, мы иногда встречались, говорили о делах, варили на маленьком примусе чай и пили его с пряниками, которые в этих условиях казались невероятно вкусными.

А вскоре и на реке начался ледоход – была почти середина июня. Еще через несколько дней на факторию из Лабытнанги пришел и первый теплоход «Зоолог» с большой группой научных сотрудников. Жизнь забурлила с новой силой. В «кафе» были организованы лаборатория, столовая (она же кают-компания) и «гостиница». Специалисты в десанте были разными – и геоботаники, изучавшие растительный покров района, и энтомолог, постигавшая законы развития комаров, и специалисты по млекопитающим и птицам. Как я сейчас понимаю, все молодые, увлеченные и преданные своему делу люди. А один из них

был такой мощный мужик, практически скала. Потом мы с ним познакомились: Юрий Михайлович Малафеев.

Но наибольшим авторитетом среди прибывшей команды пользовался профессор Николай Николаевич Данилов. Он естественным образом сочетал глубокие научные знания, широкий кругозор, жизненную мудрость, простоту в общении, скромность и очень уважительное отношение к людям, вне зависимости от их общественного статуса или «научного веса». От него я узнал о существовании рядом с факторией токовища весьма редкого небольшого кулика – родственника бекасов дупеля, за которым Николай Николаевич наблюдал не первый год. За все последующие экспедиции мои встречи с этой птицей можно пересчитать по пальцам одной руки.

С катером на факторию привезли и моторные лодки, так что появилась возможность передвигаться по реке, обследовать новые места на Хадыте, добираться до береговых обрывов с колониями ласточек-береговушек, до ручьев, в устьях которых ставили небольшие сети, чтобы кормить трудовой народ. Моторы в те времена были весьма капризными, нет-нет, да и забарахлят. Николай Николаевич нередко посвящал короткие периоды свободного времени тому, что возился с моторами, чинил, приводил их в чувство.

Особенно памятливы вечерние посиделки на фактории, когда заканчивались работы и все собирались в кают-компанию. Часто к этому времени пекли целый таз оладушков, кипятили чайники и заваривали настоящий индийский чаек, тот самый, «со слоном». Сейчас вроде тоже есть в продаже и цейлонский, и индийский, и «со слоном», но уверяю вас, ни вкуса, ни аромата, ни цвета – суррогат какой-то...

За столом начинались беседы, рассказы, слушали иногда по радиоприемнику и «Голос Америки» даже, хотя никаких диссидентов среди собравшихся не на-

блюдалось. Однако больше всего меня, да и других слушателей, увлекали рассказы Николая Николаевича. О фронтовых буднях, послевоенной жизни, о знакомых ученых... В общем, получался своеобразный доверительный курс лекций обо всем, что нас волновало.

Так что эта первая экспедиция оказалась для меня и важнейшей профессиональной подготовкой, и школой жизни, и знакомством с интереснейшими людьми, посвятившими свою жизнь изучению природы Ямала.

За порогом родного дома

Я вернулся с Хадыты и задумался. Почему человек временами так стремится покинуть свое более или менее уютное гнездышко и оказаться в условиях, казалось бы, не таких комфортных? Выбраться на рыбалку, охоту, пойти за грибами или ягодами, просто развести костер у реки, смотреть на языки пламени, слушать плеск речной волны и шум склоняющихся под напором ветра древесных крон... Похоже, это наше глубинное, генетическое чувство связи с природой просыпается – зов предков, охотников, собирателей, странников на просторах нашей планеты.

Вот и я всегда отмечал особенное состояние души, смену менталитета моих друзей, приезжавших на Ямал из московских или других цивилизованных квартир. Они просто впадали в нирвану, когда уходили сюда от шумных и суетных городов, людской толчеи, гула машин и вони горелого бензина.

А мне было проще: я открывал дверь своего родного дома, и за его порогом начинались мои первые экскурсии, потом экспедиции возле поселка Яр-Сале...

Дальше не обойтись без отступления в такую область знания, как топонимика, и к ней нам придется обращаться не раз – она помогает видеть в названиях мест, рек, озер их смысл, значение. Ну, хотя бы Яр-Сале (на картах разного времени пишется и Ярсале, и Яр-сале, неважно). Это – сухой, песчаный мыс. Салемал – последний, или крайний, мыс на Оби перед началом дельты реки, Салехард – город на мысу, Тарка-Сале – мыс на слиянии двух рек. Всё просто.

Яр-Сале находится в очень интересном, с точки зрения специалиста-орнитолога, месте. Это важнейший пункт на пути миграции птиц в долине великой Оби и весной, и осенью. Поэтому его окрестности, а в прошлые годы и сам поселок привлекали к себе множество пернатых. Так что наблюдения за ними можно было начинать сразу за порогом дома, а если быть точным, то даже прямо из окна. Тут и там между домами везде попадались травянистые полянки, пятна болотцев и лужи с обильным кормом для птиц – семенами трав, личинками комаров и других насекомых. Этому и человек помогал, поскольку «удобрения» тогда щедро поступали в окрестности жилья. У домов, вдоль деревянных тротуаров шныряли белые и желтоголовые трясогузки, коньки и разные кулики – фифи, турухтаны, бекасы, над лужами висали полярные крачки и малые чайки.

Знакомиться с природой можно было почти везде, хотя постепенно выяснялось, что некоторые места особенно интересны и богаты живностью. Конечно, это – пойма сразу за краем поселка, то затопленная весной или при нагонных северных ветрах, поднимавших уровень воды в Оби даже летом, то зеленеющая в середине лета, то покрытая увядающим желтым одеялом осок и злаков осенью. Тут всегда попадались какие-нибудь редкие по-

сетители. Иногда вдруг встретятся далекие арктические гости, пестрые и крикливые кулики – камнешарки, либо нечастые здесь утки – кряквы, либо ондатры, или водяные полевки, которых с насиженных мест выгоняют большая вода или поиск новых «квартир».

Особо надо отметить некоторые значные места – конюшню, коровник и звероферму. Сейчас их уже в поселке нет, но именно здесь пролегали маршруты моих любимых экскурсий. У конюшни и коровника всегда были россыпи сена, а значит, и семян, высыпающихся из трав. Это привлекало сюда мелких птиц: пуночек, рогатых жаворонков, овсянок и чечеток – и разных грызунов. А за ними прилетали охотиться небольшие и шустрые северные соколки – дербники и молчаливые, тихо стелющиеся над землей на своих мягких крыльях болотные совы.

Окрестности зверофермы были еще интереснее. В этом месте появлялись первые пуночки, вороны и чайки, благо им было чем поживиться здесь в голодное весеннее время, а совсем рядом начинались безлюдные просторы поймы, тундры и Ярсалинского сора, где они могли спокойно отдохнуть или повывяснять отношения с соплеменниками и конкурентами.

Вороны и чайки к середине весны кучковались на замерзшем сору, у первых промоин, образуя свои «клубы по интересам». Временами сюда прилетали могучие орланы-белохвосты. Добывать пищу у песцовых и лисьих клеток на звероферме, так называемых шедов, им было несподручно, и в ход шли пиратские приемы. Заметив летящую с кормом ворону, орлан снимался с места и настигал неудачницу, вынуждая бросить кусок, который тут же подбирал. Но серые плутовки были не так просты и порой скопом набрасывались на хищника и обращали его в бегство. Опасность подстерегала орлана еще с одной сто-

роны – в самый неподходящий момент в предвкушении трапезы могла появиться его подруга. А самки у хищных птиц крупнее самцов, да и не пристало властелину неба женщину обижать. Приходилось уступать, немного недовольно поклекотав.

Обретались у кормного места и другие завязые разбойники – сизые чайки и поморники. Более крупных чаек – халеев – я за этим занятием, по-научному клептопаразитизмом, почти не замечал. А вот сизые очень часто, обычно группой атаковали ворон, летевших в пойму реки с добычей, и почти всегда успешно. Потом разборки начинались между участниками «организованной преступной группы». Короткохвостые поморники, так те вообще специалисты по охоте на мелких птиц. Что уж говорить про весну, когда с пропитанием туго – приходится выбирать между «хорошими» и «плохими» манерами.

Здесь же у зверофермы, на сору часто появлялись лебеди-кликуны, а позднее гуси и разные утки. Заглядывали и редкие гости с юга – озерные чайки, грачи, галки, поползни. О разных интересных птицах порой мне рассказывали работники зверофермы.

В общем, хорошее было место. Понятно, что времена меняются, на смену натуральным мехам приходят новые синтетические материалы, которые почти им не уступают по своим свойствам, а в чем-то и превосходят. К тому же синтетика – она из неживой нефти или газа, а шкурка – с живого зверька. Да и труд звероведа не сахар.

Ближние походы, конечно, не могли пролегать мимо протоки Малой Юмбы, которая полукольцом охватывает поселок с юга, востока и севера. Вообще-то так мы называли не только основное русло, которое берет начало на развилке с Большой Юмбой и ниже по течению с ней снова соединяется, но и небольшую протоку, начинаю-

щуюся из Ярсалинского сора и впадающую в саму Юмбу. На карте она обозначена как Вары-Хадыта, то есть Крайняя (она действительно в окрестностях Яр-Сале самая южная из трех рек со второй частью названия «Хадыта»). В эту часть реки вливается и Караванка, в устье которой было излюбленное место для мальчишек, ловивших ершей. От села недалеко, а ты на природе: июньская ночь светла и тепла, над костром в жестянке закипает вода для чая, то и дело оживают сторожки донок и скользкие колючие рыбки пополняют улов...

Почему «Караванка», не знаю. Какие караваны, кто и когда здесь водил, неведомо. А вот название «Юмба» мне более или менее понятно – это река, по берегам которой есть земляные бугры, скорее всего, речь идет о каких-то сухих буграх, на которых можно остановиться даже при довольно высокой воде. И таковые на ней имеются. Плавали, знаем...

Все эти протоки «кормовые», то бишь рыбные, потому что выходят из обширных систем соровых озер, в которых и нагуливаются после возвращения с зимовальных угодий в Обской губе, после вонзевых ходов, стада драгоценных сегов: муксуна, щокура, или чира, пыжьяна, сырка, или пеляди, – и других рыб. Не случайно еще в царской России придельтовая часть Оби служила важнейшим рыбопромысловым местом, откуда продукция шла на знаменитейшие ярмарки – Тобольскую, Ирбитскую...

Но для меня и, надеюсь, для моих земляков и ровесников памятные и более скромные места за порогом дома. Рядом с поселковым причалом на Юмбе есть небольшое кругленькое озерко – Пекарское. Рядом была старая пекарня, потому так и назвали. Насчет птиц озеро ничем не выделялось, но зато осенью, когда вставал лед на нем, Пекарское становилось центром притяжения ребятишек и поселковым хоккейным стадионом.

Амуниция была, как говорится, «с миру по нитке» или «у кого что есть». Из обуви обычно валенки, коньки без ботинок – от «снегурок» для фигурного катания до хоккейных «дутьшей» и беговых «ножей», или «норвегов». Коньки к валенкам крепились веревками, надежнее – капроновыми. Натяжку веревок обеспечивали деревянные закрутки. Из формы «особой популярностью» пользовались фуфайки, шапки-ушанки и меховые рукавицы. Ключки, естественно, ручной работы, handmade... Но игры шли всерьез, временами совсем как между канадцами и «Красной машиной».

А на другом берегу Юмбы виднелась небольшая бревенчатая избушка, известная как Пороховушка. Это был склад для запасов пороха и охотничьих боеприпасов, вынесенный в целях безопасности подальше от домов и мест пребывания людей. К 1970-м годам его уже не использовали, а берег реки тут был сухим, удобным для прогулок и поиска птичьих гнезд, что меня и привлекало. Кроме того, тут же в понижения заходили узкие речные заливы, где привольно чувствовали себя подъязки, ельцы и плотвички.

В один из летних дней, когда мы с приятелем рыбачили на заливах, начала надвигаться гроза. Клев вдруг стал просто бешеным, у нас закончились достаточно дефицитные дождевые черви, но азарт был велик, и мы стали насаживать комаров, добывая их прямо на себе. И рыба брала! Невероятно! И вдруг всё стихло. Пока собрали удочки и добежали к лодке, с неба ливануло так, что через минуту мы уже промокли до нитки. И такими мокрыми, но довольными пришли со своим уловом домой. А что? Добытки, кормильцы...

Совсем недалеко от Пороховушки на другом берегу реки было и еще одно важное для рыболовов место – озе-

ро Лебединое. Лебедей, правда, я там ни разу не видел, но, вероятно, они когда-то здесь гнездились или просто оставались на отдых. Лебеди-кликуны на Оби ведь до сих пор вполне обычные птицы. Больше это место любили крачки, отважно защищавшие гнездо и птенцов, скромные камышевки-барсучки, шныряющие в чаще ивовых кустов, звонкоголосые дрозды – белобровики. Мы же сюда приезжали накопать наживки на следующую рыбалку.

К западу от села, в тундру начинались и другие первые вылазки от дома. Примерно в четырех километрах от жилья в Ярсалинский сор впадает небольшая тундровая речка, Малая Хадыта, как мы ее называли, а по карте – Ябта-Хадыта (возможно, Тонкая или Узкая, а может, и Ябто, то есть Гусиная, если на карту название занесено не совсем точно). Но, значит, как я уже говорил, и Еловая река. Елок по ней немного, но есть также лиственницы, березы, рябины, в нижнем ярусе растительности – можжевельник, шиповник. В общем, такая полоска смешанного леса по долине реки в окружении тундры.

Сюда мы любили в школьные годы ходить осенью в походы. От поселка не очень далеко, дорога по берегу Ярсалинского сора не тяжела – иди себе по песчаному пляжу почти весь путь, и всё. Можно по тундре, мимо озера Песчаного с небольшим ненецким кладбищем на соседнем бугре. По моховым низинам в августе желтеет спелая морошка, повыше на склонах бугров вызревают голубика и брусника. Невольно по пути витаминчиками побалуешься.

Но сама Малая Хадыта речка хоть и не широкая, но глубокая. Так просто через нее не переправишься. Поэтому в один из походов нашей группе пришлось разделиться. Я пошел на своей незаменимой дюральке «Неве» на веслах через сор и далее к переправе через Хадыту, а остальные ребята пешком по берегу. У реки все встретились, успешно

форсировали водную преграду, благо что «Нева» была на редкость надежным и грузоподъемным суденышком.

Поход получился запоминающимся, отдых – целебным, усталость – трудовой. На этом я покину «места у дома» в надежде, что вернусь к ним опять. Вперед – в новые маршруты!

В дельте Оби. Пейзаж с птицами

Привычно, по-северному, смял «Беломорину» крестом, отвернулся от ветра, прикурил...

Ну, вот я и в дороге. Позади обычная и неизбежная толчея посадки на теплоход – наш старенький и такой привычный ОМ-341.

Нас оказалось на нем не так уж много, но без пассажирского азарта посадки не обошлось – кто быстрее и лучше устроится... Я добрался до сидухи возле окна, а значит, до элитной! Теперь можно было расслабиться – выйти покурить и посмотреть на окрестности.

«Омик» вываливался на просторы Оби, оставляя под правым боком салехардский берег. Догорела папироса, я пробрался через еще не успокоенные на места вещички попутчиков и подумал: я же хотел об этом написать – о Салехарде, Оби и вообще о том, как я люблю эту землю, как приятно мне возвращаться сюда после нескольких лет отсутствия в качестве студента.

Блокнот со словами песни долго искать не пришлось:

*Катит вдаль свои воды родная река.
Мне не жаль, пусть несет она дальше меня.
Я пою, и к тебе моя рвется душа –
Обь моя, удивительно ты хороша!*

Как потрясающе точно и нежно найдены эти слова. Обский вальс – настоящий северный гимн нашей реке.

Если бы мне удалось сделать то же, так же сказать о нашей земле, о том, что я ее люблю, хотя родился совсем в других краях, я бы считал, что слова на бумаге рисуно не зря. Попробую...

* * *

С величием, достойным царственной реки, двумя последними размашистыми изгибами она врывается в Заполярье и, словно изнемогая под тяжестью вод, рассыпается рукавами проток и затихает в просторах залива.

Там впереди ждет меня родное местечко – дельта реки, место ее гибели в водах Обской губы и превращения из сибирской красавицы в ледяную царевну Карского моря.

Дельта Оби – своеобразное и во всех отношениях интересное место. Она являет собой причудливое и неразрывное сплетение земли и воды, тундры и пойменных лугов, густых зарослей кустов и илистых отмелей. Здесь родной дом живности – водной, сухопутной и такой, которой для существования необходимо и то, и другое. В дельте Оби богатое и разнообразное, по нашим северным меркам, птичье население. Экспедиционные дороги не однажды приводили меня сюда. И всякий раз встречи оставляли глубокий след.

Дельта, впрочем, как вся нижеобская пойма, – нелегкий край для работы. Комарья в июле тут бывает столько, что кружку горячего чая выпить порой целая проблема: пока сдуваешь с поверхности слой одних «камикадзе», как тотчас же новые легионы искристо-серой пылью валются в кипяток, оборвав победную свою песню...

Я пытался пить чай под накомарником – сложная оказалась процедура, и курить тоже – как-то незаметно и очень быстро в сетке накомарника появляются дырки...

А прогулки здесь даже в «золотой» сезон, в конце августа или начале сентября, трудно назвать отдыхом. Хотя кое-где вдоль протоков тянутся сухие, поросшие разнотравьем и редким кустарником гривки, а местами встречаются пружинистые, но вполне проходимые куски моховой тундры, по большей части пешая вылазка на острова в дельте – серьезное испытание.

По высокой воде вообще далеко не уйдешь без лодки – всё затоплено. Однако и после спада вешних вод любителя побродить подстерегают илистые пльвуны, заросшие хрупавшим под сапогами хвощом, заболоченные луговины с циклопическими травяными кочками, пожухлые распластанные стебли которых укрывают коварные провалы, затопленные водой. Общеизвестна труднопроходимость джунглей и мангровых болот, но наши обские ивняки им если и уступают, то какую-то малость. Как говорится: пошел – иди, но гляди в оба!

Тем не менее места эти мне кажутся очень привлекательными, прямо-таки домашними. Причина в том отчасти, что в здешних краях прошли многие годы жизни, они – то самое «свое болото», которое положено хвалить. Впрочем, даже на беспристрастный взгляд плюсов наберется не так уж мало. Летом и зимой масса протоков служит прекрасными дорогами. Удобных мест для бивуака хоть и не изобилие, но у каждого из них найдется вода и куча хвороста или с весны застрявшего в кустах плавника; реки богаты рыбой, а вся пойма – дичью. На тундровых островах в сезон обилие грибов, морошки, по кустам прячется красная смородина. На постоянно удобряемых речными наносами островах пышно разрастаются злаки, осоки (значит – сено-

косы), кустарники, несмотря на достаточно суровый климат района. Всё это, что называется, базис, осязаемая материя...

Я отвлекся, вспоминая дни работы в дельте, свои прогулки и встречи с птицами. Тут очень просто всё – я видел эти места из окна моего дома, дельта была моим соседом, другом, да не знаю, как еще сказать, но мне кажется, что каждый житель поселка Яр-Сале, если он хотя бы немного с природой связан, с поймой и дельтой Оби знаком не понаслышке. Вот возвращение из отпуска... После жаркого черноморского пляжа встречает тебя родной пейзаж, ждет скорая встреча с друзьями, охота, рыбалка, работа. Но это всё впереди, а пока деловито урчит дизель и оставляет в кильватере судна пенную струю обских вод.

Хорошо в тихую погоду стоять на палубе теплохода и наблюдать, как далеко-далеко над гладью вод таинственными призраками вырастают черные точки, приобретают причудливые очертания и сливаются в непрерывную цепочку кустов. Одинок маячит в невесомой пустоте верхушка бревенчатой вышки или мачта встречного судна, а на западе отстраненно проплывает неблизкий крутой берег, превращаемый миражом в незнакомую чересполосицу желтых и коричневых пятен...

Свежим сентябрьским днем, укрывшись от пронзительного ветра за выступом надстройки, словно замороженный глядишь и не можешь оторваться от непрерывной череды пенных гребней волн, бегущих навстречу кораблю. Лениво шевеля крыльями, будто приклеенные, висят за кормой чайки, терпеливо поджидая, когда струей воды от винта вынесет на поверхность рыбешку или с палубы бросят за борт что-нибудь съестное. Протянет вдалеке косяк гусей, черными мухами сорвутся с воды турпаны, и снова лишь редкие бакены напоминают о непрекращающемся движении...

Так выглядит дельта на просторах разливов (где-нибудь возле острова Лебендига или устья Наречинской Оби). Небольшие протоки хоть и судоходны, но местами так узки, что теплоход буквально подминает их под себя – впереди вода стремительно сбегает с берегов, а сзади вспухает грязным валом, врываясь меж кочек и кустов на берегу. Вздрагивают, отряхиваются от брызг мокнущие в реке ивы, недовольно покачивают вслед ветвями.

Для постоянного проживания человека дельта Оби всё же малопригодна, главным образом потому, что в половодье почти все кусочки суши затапливаются. Едва ли не единственное существовавшее в этих местах поселение, поселок Пуйко, очень сильно от того страдало. В 1960-е годы жизнь здесь постепенно угасла, люди переселились. Мне еще довелось застать поселок живым, но уже имеющим печать обреченности. Через несколько лет он начал оказывать последнюю услугу приезжающим сюда – снабжать дровами и строительным материалом. Да, человек предпочитал селиться по окраинам дельты, на возвышенных сухих берегах, обдуваемых ветрами. В пику плоским и низким островам поймы эти невысокие холмы удостоивались порой громкого наименования «горы» (хотя бы тот же Горный Хаманел). Что ж, по местным масштабам, пожалуй, так оно и есть.

Но нет худа без добра. Труднодоступность дельты и отсутствие крупных поселков в ее сердце сослужили неплохую службу, сохранив в почти не измененном состоянии природу. Тому теперь способствует и созданный заказник. Однако я не случайно употребил уточнение «почти», ибо цивилизация не обходит стороной и этих мест. Угрожающе растет загрязнение воды – ее уже опасно использовать человеку, разнообразные яды накапливаются в рыбе, отравляя ее и всех, кто ею питается. Спокойствие

всё чаще нарушают теплоходы и вертолеты; быстроходные мотолодки и снегоходы свели до минимума число недосягаемых уголков в дельте. Так что будущее ее видится далеко не безоблачным, и во многом зависит оно от живущих здесь людей.

* * *

Череда времен года извечно преобразует дельту, то вдыхая в нее жизненные силы, то приглушая их. Переменчивая и быстротечная весна сменяется скучным на тепло летом, быстро подоспевает чистая и яркая осень, и всё вершит многомесячная строгая зима.

Мой друг бинокль почти готов отдыхать в своей зимней «квартире». Но мне дома не сидится, я достаю его из ящика стола и свежим сентябрьским утром выхожу из дома – пойдём, друг, поищем интересного! И он помогает мне – блокнот заполняется новыми записями о птицах поймы Оби.

Предзимье. Зима

Обретение устойчивости, успокоение видится мне в поздней осени. Улетели перелетные птицы. Тихо, ясно, легкий морозец схватил землю. Замерли под стеклянной гладью льда озера, но стывшая вода еще лениво облизывает припорошенные снегом берега проток. Почти не видно живности. Лишь одиноко маячит на кусте ворона, да иногда пестрой черно-белой стайкой промчат пуночки.

Последние штрихи осени. Со дня на день задувает север, выстудит безоблачной октябрьской ночью земли и воды, и на долгие месяцы движение жизни в дельте замрет, притихнет. Километр за километром проходишь по островам и жадно ловишь приметы обитания птиц и зверей.

По окраинам плотных зарослей ивняков причудливыми набродами разрисовали снег куропатки; чуткие стаи их с шумом срываются и мерцающим белым ковром стелются над равниной. Мягко снимется со своего сторожевого поста белая сова, недовольно кося желтым кошачьим глазом на непрошеного ходока, нарушившего охоту. Вдруг зальются в ольшанике, переговариваясь, чечетки, зажекает гаичка. Там протянул строчку следов песец, здесь вездесущие зайцы проложили крепкие тропы и, как щипцами, обстригли на кустах ветки, что помягче и повкуснее.

Но год на год не приходится. Бывает, и зайцы в редкость, песцов мало, да и куропатка не то чтобы редка (здесь это, пожалуй, никогда не случается), но не та, не та, как говорят охотники, не пришла... В общем замечание верное. Сюда летят на зимовку птицы из северных районов Ямала. Если хороший сезон, если вывелось много молодняка, а метелями быстро замело в тундре все кусты, масса куропаток скатывается в лесотундру и пойму Оби. В таких случаях лов петлями бывал здесь очень успешен, и десятки тысяч птиц заготавливали охотники Яр-Сале, Панаевска, Салемала и других поселков по всей Нижней Оби.

Но удача промысловика переменчива, в плохие годы сил затрачивается много, а результаты гораздо скромнее. Труд этот нелегко был даже в 1980-е годы, когда появившиеся снегоходы помогали быстро добраться к месту промысла. Необходимо изготовить и выставить сотни ловчих петель, а потом регулярно их осматривать и подправлять, невзирая на погоду. Поленился, не проверил вовремя – и вот половина из них засыпана снегом, тут сбило насторожку ветром, тут погрызли куропатку зайцы, а здесь и вовсе добыча исчезла – то ли сова унесла, то ли песец не прошел мимо.

Старый Яр-Сале

Трудные дорожки

Районный Дом культуры

Играли в войнушку

Водовозка

Мой дом в 1970–80-е годы

Идем в тундру

Начальная школа

У старой школы

На субботнике

В походе

Наш ВИА «Школьник»

Переправа через Малую Хадыгу

Последний звонок

Выпуск Ямальской школы-интерната 1973 года

На берегу озера Взлётного

На фактории Хадыга

Прощай, Салехард!

Легендарный ОМ-341

Трудные дороги поймы

На просторах Оби

За работой

Комариная напасть

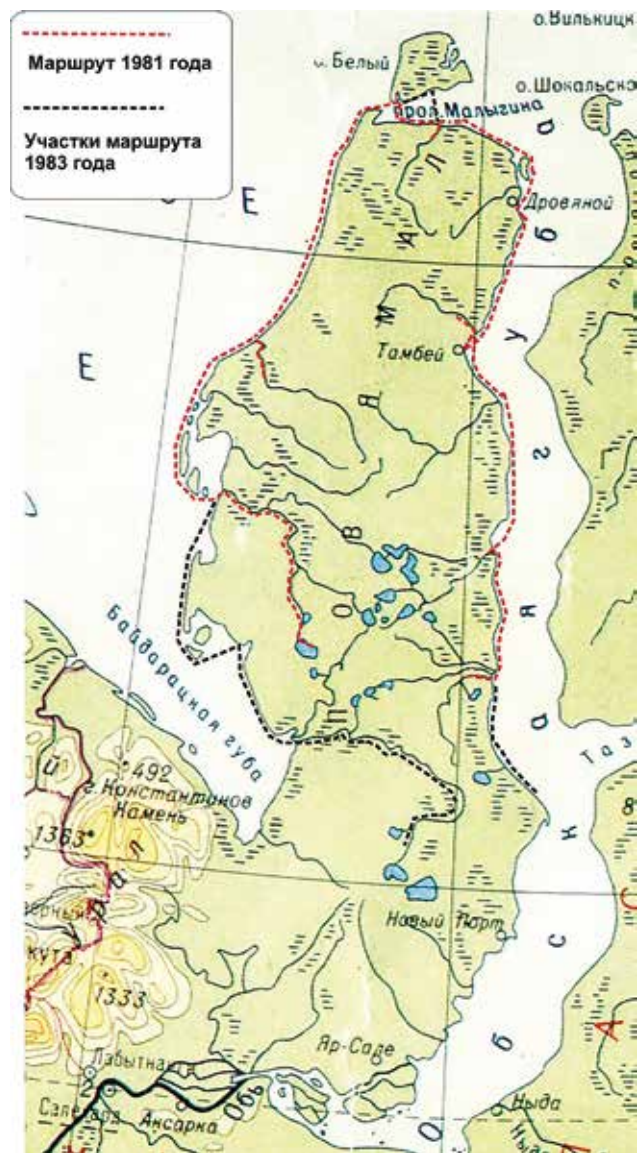
Мой друг Саня Тихонов

Обед на Вары-Хадьте

Обсохли в отлив у Дровяной

Маршруты экспедиций 1981 и 1983 годов

На одном из островов архипелага Шараповы Кошки

Начало маршрута 1983 года в верховьях Левого Юрибея

Приморские луга, или тампы

Байдарацкая губа, отлив

А вот в последние десятилетия промысел белой куропатки на Ямале практически угас. Прежние заготовки в десятки и сотни тысяч птиц ушли в прошлое. Современный экспорт птицы в скандинавские страны мне не известен. Скажете, что это хорошо для сохранения численности вида? Не соглашусь – когда популяции таких видов не опромышляются, их численность вначале растет, а потом быстро падает. Птицы начинают сокращать свою кормовую базу, съедая всё больше кормов, а потом не стремятся компенсировать потери от промысла. Ситуация стабилизируется на некотором невысоком уровне – птица есть, хотя и не так много, как может быть, но добывать ее некому. А численность начинают регулировать болезни, хищники и другие естественные факторы.

Весна

Всему приходит конец, и зима тоже не вечна. Миновал сумрачный декабрь, сквозь сорокаградусные морозные туманы января чаще стало проглядывать солнце. За январем пролетел вьюжный и студеный февраль, первыми сосульками украсил крыши домов ослепительный март...

Первый месяц сезона часто называют весной света. Тепла он, действительно, приносит немного, и природа по-прежнему, по-зимнему, не блещет богатством и разнообразием жизни. Лишь в апреле, с более устойчивым потеплением начинается весна птиц, хотя пейзажи еще долго будут оставаться почти неизменными. Долгождан-ными вестниками весны опускаются на первые проталины стайки пуночек, или «снегирей», как иногда зовут их на Обском Севере. Чаще слышатся трельки летящих чечеток. Потянулись в тундру куропатки и совы. Первые осторожные серые вороны возвещают о своем появлении карканьем у боен и свалок, возле поселков.

А потом всё быстрее оживает дельта. У появившихся промоин зябнут парочки лебедей, на вытаявшие речные косы присаживаются гуси-разведчики. Неторопливо и целеустремленно летят на север, к местам будущих гнездовых канюки и соколы.

Солидно покрикивая, кружат в вышине чайки – хорошо нам знакомые халеи и их родственники. С крыши нового, сочащегося сосновой смолой дома доносятся бодрые боевые кличи белой трясогузки в нарядной атласно-черной манишке – сигнал соперникам, что место занято. На полянках серыми мышами шныряют рогатые жаворонки, возбужденно топорщат на голове перышки.

И совсем уж трудно рассказывать о птичьем населении этих мест конца мая и первых чисел июня. Это время, когда наступает очередное, однако самое сильное (по контрасту с последними днями торжества зимы) потепление, и птица буквально «валом валит». За день, бывало, мне приходилось встречать по десятку и более «сортов» вновь прибывших пернатых странников. В такие дни дневник натуралиста пестрит свежими названиями, а память вбирает детали встреч, которые, хотя случаются и не впервые в жизни, всегда имеют отпечаток свежести первого впечатления. То, видимо, нечто сродни ощущению золотоискателя, на лотке которого блеснул самородок, или охотника, чей невероятный по стечению обстоятельств выстрел принес удачу.

Ни разу не замечал притупления этого чувства. Думаю, в этом его общность с неугасающей тягой северян к весенней охоте – ритуалу причащения к проснувшейся после долгой зимы природе.

Да, весна и пролет птиц в разгаре... Дельта Оби и тут имеет свою изюминку. Общий вал мигрантов, следуя долиной реки, выбрасывается к заснеженным просторам

Обской губы, разваливается по сторонам, жметя к буграм, проталинам, выдувам, к поселкам. Потом заливают низины вода, сокращая и без того немногочисленные пригодные для отдыха и кормежки места и вынуждая стаи прижиматься к возвышенностям. Одно из таких мест, где пересекаются пролетные пути многих птиц, – далеко выходящий в пойму мыс, на котором расположен Яр-Сале. Сколько всего можно увидеть здесь в это время, укрывшись от ветра где-нибудь на краю поселка и отогреваясь в лучах солнца. Над водой деловито снуют малые чайки и полярные крачки, на заплеске по берегу сора кормятся стайки куликов – галстучников, камнешарок, чернозоби-ков. На сухом бугре разгорелись турнирные схватки туррутанов. Далеко разносятся токовые трели песочников и коньков. Всё поет, звенит, кричит, с неба льются безотдыха немеренные потоки света...

Лето

Прошел лед, угомонились ветры, безбрежным слепящим ртутным морем, по которому раскиданы лишь редкие оспины кустов, лежит пойма.

Еще не выбросили ивы и ольхи липкие, душистые листья, еще желты от прошлогодней осоки берега проток, еще коричнево-буры заросли карликовой березки на не затапливаемых половодьем буграх, а начало лета всё же чувствуется. Хотя может задуть с севера пронизывающий ветер и принести заряды снега, прижать к земле стаи перелетных птиц, в дыхании Арктики чувствуется уже временность, недолговечность.

Вот схлынула вода, вошли в привычные берега реки, зеленой дымкой молодых листьев окутались купы кустов и полянки меж ними. Вступает в свои права лето. Не знаю, так

Осень

ли сейчас, но лет двадцать тому назад для местной ребятни начинался в это время сезон рыбалки – любимого занятия, которого с нетерпением ждали всю зиму. Благословенная пора вольницы, костров у реки, теплых и прозрачных июньских ночей, встречаемых за котелком крепкого чая на берегах обских протоков, воспоминаний о бывлых удачах, о школе. Невольно сливаешься с природой, ее настроение передается и тебе. Всё замечаешь, всё радует душу. Сейчас и не припомнишь всех, с кем сводила судьба в те годы. По-разному сложилась жизнь у моих земляков, и, зная ее не очень полно, не решусь сейчас говорить об их привязанностях и симпатиях. Скажу лишь, что каждый из них с тех пор неравнодушен к этой земле, бывшей для одних родиной в полном смысле слова, то есть местом рождения, а для других – частью земли, имя которой Россия.

Природой скупно отмерено тепла и света северному краю, потому всё живое стремится за короткое лето успеть вывести потомство. У птиц эти хлопоты начинаются сразу после прилета: надо занять место, построить гнездо, высидеть отложенную кладку яиц, а потом – забота о молодых, которых необходимо обогреть, накормить и уберечь от врагов. От такого множества проблем внешняя буйность, энергичность жизни в дельте, бросавшаяся в глаза во время пролёта и в самом начале лета, в разгар сезона тускнеет, как-то размывается. Да к тому же часть птиц улетела на линьку – самцы шилохвости, турухтаны, холостые гуси и другие пернатые, не обремененные заботами гнездового времени.

Но то, что всё идет своим чередом, понимаешь, когда встречаешь в прибрежных зарослях осоки затаившегося нескладного большеного чайчонка, или из укромного залива выпугиваешь самочку чернети с выводком утят-поплавков, или на сухом тундровом острове вдруг обнаруживаешь с писком брызнувших из-под ног поршков-куропатчат.

Начало августа приносит и первые приметы приближающейся осени, напоминая в очередной раз, что лето в Заполярье эфемерно и что «солнце светит, но не греет» сказано про здешние края.

Приближение осени замечаешь в хрустком ледке на лодочной банке, в желтизне листьев и обсохших берегах протоков, в стаях молодых турухтанов и шустрых песочников, в крикливых скоплениях полярных крачек.

С каждым днем всё прохладнее по ночам, чаще и чаще иней выбеливает высокую жесткую осоку. Багряно-желтым разноцветьем загорается тундра, на охватывающих дельту берегах прозрачными и яркими свечами светятся лиственницы.

Реже встречаешь шныряющих по кустам пеночек, овсянок, варакушек, почти не видно куликов. К началу сентября приходит в движение птичья мелочь, скатывается с водоразделов в поймы и начинает долгую дорогу на зимние квартиры – кто в Африку, кто в Индию, иные во Вьетнам или еще дальше.

С попутным северным ветром, часто перед сильным похолоданием, один за другим покидают тундру косяки гусей, оглашая прощальными кликами посуровевшие, неприятные просторы. Вдруг замелькают в воздухе белые хлопья, набежавшая туча сыпанет снежной крупой...

В иные годы бывает, что после первых зазимков устанавливается в низовьях Оби тихая и теплая погода, такая, по которой и не догадаешься, что уже вовсю властвует октябрь. Только пусты реки и озера, не оживляют оголившиеся кусты своими голосами птицы, всё замирает в природе на пороге зимы.

* * *

Так замыкается прослеженный нами круговорот жизни, год от года раскручивающийся по своим законам. Мы теперь начинаем осознавать, что существование человека естественно и исполнено глубинного смысла разумности лишь тогда, когда и он является органической частью этого круговорота, когда черпает душевное спокойствие в единении с окружающим его миром, когда этот мир ему понятен и близок. Эмоциональный комфорт зависит, конечно, не только от хорошей квартиры и интересной работы. Как порой не хватает нам маленького глотка из чаши умиротворяющей природы, нескольких мгновений растворения в мире деревьев, цветов, птиц...

Я понимаю, что в наш век, рациональный во всех отношениях, не много стоят призывы – со всех сторон летят они десятками. И всё же чаще и чаще мы задумываемся, так ли хорошо в нашем доме, нет ли угрозы всему, что нас окружает, не рвутся ли звенья цепи, тысячелетиями крутившейся от зимы к лету, от лета к зиме?

...На свалках, где вороны, воробьи и голуби повсюду в неизменном триединстве, все времена года очень похожи.

УРОКИ ОСТРОВА СЕННОГО

Снова возвращаюсь в окрестности поселка Яр-Сале, чтобы рассказать о событиях, в немалой степени повлиявших на мое поведение во всех дальнейших северных экспедициях. Хотя уроки этих событий приходилось всё же не раз дополнять новыми знаниями – Север заставлял учиться.

Это случилось в конце августа 1980 года. Открылась осенняя охота на водоплавающую дичь, и я с двумя моими школьными друзьями, Саней Тихоновым и Славиком Федоровым, решил выбраться на природу, добыть свежатинки к столу. Благо, что у нас имелись новенькая дюралька «Крым», едва обкатанный «Вихрь-30», недавно купленные и не опробованные в деле «вертикалки». А с топливом тогда проблем не было – на наши зарплаты и при тех ценах на бензин могли его бочками покупать.

Сначала съездили в хорошо знакомые места на Среднюю Хадьту (или Ер-Хадьту) и тамошние сора. Первые трофеи воодушевили нас, но хотелось новых приключений. Я вспомнил про одну речку к северу от нашего селения, зоологи здесь уже бывали и нашли немало интересного. Это – Ядаяходьяха. Впадает река в Обскую губу за пределами дельты, по ней тоже растет лес, что привлекает достаточно много редких птиц. Хотелось самому побывать в этих местах. А дальняя дорога не пугала – мы молодые, крепкие, хорошо экипированные. Сгоняем, посмотрим и обратно.

По протокам дошли севернее поселка Сюнай-Сале. К западу открылся обширный залив – Вардропперский сор. Свое название он получил, кстати, в честь известного в низовьях Оби рыбопромышленника еще царских времен. А впереди замаячил мыс Ямсале, дальше только Обская губа. На мысу была видна изба, у берега стояла лодка. Решили заехать, поговорить с людьми. Оказалось, что это гидрологи из Ленинграда, изучают водный режим реки и губы в этом месте. Попили чайку, рассказали о своих планах и тронулись в путь.

Не без труда зашли в устье Ядаяходьяхи и поднялись по ней, но недалеко. Река к осени изрядно обмелела, и продвигаться по ней на лодке постоянно мешали частые перекаты и песчаные косы. Лиственничники здесь по берегам были, попадались довольно редкие на этой широте

утки – широконоски, лутки, в отдалении парил орлан-белохвост, по дереву лазил большой пестрый дятел. Однако пришлось возвращаться.

На обратном пути снова заглянули к гидрологам – по крайней мере, хоть кто-то будет в курсе, что мы с речки вернулись и пошли на юг. Долго распивать чай не получалось, близился вечер, а нам к тому же хотелось заехать на протоку Быстрая Бороздка – есть такая на краю дельты Оби.

Выехали, но темнело так быстро, что шансы добраться до намеченной цели таяли как снег под жарким солнцем. А к востоку от нашего маршрута, у самой границы дельты, находились два небольших острова – Зеленый и Сенной. В общем, делать было нечего, и мы решили заночевать на ближайшем к нам Сенном. Ехать в эту пору, да еще в дельте с широкими протоками, низкими берегами, без прожектора и в безлунную ночь, – себе дороже будет.

Вот и «пришвартовались» на сухой песчаный бережок, поросший невысокой травкой. Только «швартовка» здесь не случайно в кавычках – вытащили лодку носом на песок, а ни якоря, ни хотя бы крепкой веревки с собой не было. Да и что могло грозить нам – ветра нет, мы рядом с лодкой... На случай дождя (к ночи напоззли тучки) расправили на ней тент.

Выгрузили спальники, кое-что из продуктов, развели костерок и устроились перекусить. Достали и припасенную бутылочку, чтобы отметить успешную поездку и охоту. И тут обнаружили, что забыли забрать из лодки консервы. Славик пошел за ними, а мы с Саньком стали вспоминать детали воюжа, устроившись у огня. Что-то Слава там долго возится... Вдруг появляется и ошарашивает нас сообщением: «Ребята, лодки нет!!!» – «Как нет? Ты чего?» – «А не знаю, по берегу посмотрел туда-сюда, в воду зашел, нигде...»

Мы на берег, темень хоть глаз выколи, а фонарик в лодке остался. Пробежались в обе стороны вдоль берега, в воду

зашли, насколько позволяли болотники. Ни-че-го! Не видно ни зги. Картина маслом...

Потрясенные вернулись к костру. Что за мистика? Как это могло случиться? Стали думать. Сколь-нибудь существенного ветра с востока не было, лодку на отмель прилично вытащили. И тут меня как обухом по голове: мы же практически в морском заливе – прилив! Лодка оказалась на плаву, а поднятый тент и слабый ветерок от острова сделали свое дело и отправили ее в свободное плавание.

Мысли мешались. Что делать, куда могло понести посудину, сколько у нас припасов, когда нас хватятся и как узнают, где искать? Рации, ракетницы или фальшфейеров у нас не было, про спутниковые и сотовые телефоны тогда, естественно, никто и представления не имел. Ситуация аховая. Но за день мы так намотались, что решили поесть и лечь спать – утро вечера мудренее. Завтра будем думать.

Утром первым делом стали осматривать гладь залива, более глазастые напарники заметили далеко на западе, не меньше чем в паре километров от нас, светлое пятно, очень похожее на брезентовый тент лодки. Вроде она, точнее сказать было нельзя – бинокль тоже остался в ней. Да, похоже, лодка, и не смещается, на месте стоит.

Первая мысль – попробовать сделать плот и на нем одному из нас добраться до лодки. Пошли по острову на поиски стройматериалов. Но Сенной оказался совсем плохим местом в этом отношении. В основном действительно сенным, покрытым невысокими зарослями осок и злаков и лишь кое-где низкорослым ивняком. Плавнику зацепиться не за что. Нашли только деревянный рыбацкий ящик, одно бревнышко сантиметров десять диаметром да пару небольших досок. Решили набрать сухих ивовых сучьев в укладки от спальников, но этого добра тут тоже оказалось всего ничего. Полосами ткани от разорванного

вкладыша для спальника связали плотик. Результат оказался удручающим. Даже самого легкого из нас он едва удерживал на воде. Стало понятно, что на такое расстояние в холодной воде на нашей постройке отправляться опасно, даже чрезвычайно опасно. А если еще течение, ветер... Вынесет в губу, и поминай как звали!

Проверили припасы. Неутешительно: немного еды, начатая пачка «Беломора», два коробка спичек. Ружья, патроны, добытые утки, дождевики остались в лодке. Так, ближайшие к нам люди есть на Ямсале, но и до него кратчайшее расстояние явно больше километра. Решили попробовать подать сигнал, размахивая вкладышем от спальника, – вдруг заметят. Пошли на край острова, откуда было ближе всего к избе, и смотрим, катер идет вдоль острова, «Ярославец». Тут вообще не судоходное место, и на тебе – катер, наверное, к гидрологам приходил. Мы давай размахивать «белым флагом». Но на судне нас «в плен» брать не захотели. Не заметили. От избы тоже. Тревожно! Правда, лодка по-прежнему маячила на старом месте.

Я говорю: «Ребятки, надо пробовать еще один вариант. Как стемнеет, зажжем костер и будем с его помощью сигнал SOS подавать гидрологам». Азбукой Морзе. То есть три точки, три тире, три точки. Закрываешь костер фуфайкой, потом открываешь на короткие и длинные промежутки, ничего сложного. Надо только топливо приготовить. Пошли собирать сушняк.

Как стемнело, запалили костерок. Я стоял с фуфайкой в руках, то поднимая ее вверх, то опуская, а парни следили за огнем. Время шло, запасы топлива таяли, на душе становилось всё тревожнее... И вдруг от избы взлетает ракета. Заметили, поняли! Потом слышим, мотор загудел, лодка всё ближе и ближе. Но тут мотор взревел и заглох. На отмели шпонку сорвали? Костер уже зачих. Мы спички периоди-

чески зажигаем, чтобы место обозначить. Слышно, как в лодке люди разговаривают, потом всё тише, тише, и всё... Понятно, что там проблемы какие-то, но настроение у нас уже в норме. Вернулись к месту стоянки и улеглись спать.

Утром поднимаю голову, а прямо напротив нас лодка стоит, даже не слышал, когда подошла. В общем, как в песне Владимира Высоцкого: «Конец простой – пришел тягач, и там был трос, и там был врач...». Узнали, что ребята на отмели действительно сорвали шпонку, а на их моторе, «Нептуне», на воде и в темноте заменить ее – дело практически безнадежное. Приехали к избе, за чаем обсудили план действий. Саня и Славик с гидрологами решили ехать к нашей беглянке, а меня оставили на мысу, чтобы лодку не перегружать.

В общем, когда они через час или два вернулись, выяснилось, что им досталась нелегкая работенка. Наша посудина стояла на отмели в сотне или больше метров от воды, причем не на песочке, а на обычной в этих местах няше, как называют здесь донную илистую грязь. Пришлось впрягаться и тащить лодку, увязая в этой няше. Сюрприз от приливов и отливов.

Мы были несказанно благодарны нашим спасителям, вот только имена-фамилии я не записал и не запомнил, а жаль. Хотя на Севере взаимопомощь – закон. Это, думаю, многие подтвердят. И у меня бывали случаи, когда я помогал, и мне помогали не раз. Как-нибудь потом расскажу. Коренные жители этого края земли вообще считают, что тут и обсуждать нечего. Встретился человек, попавший в беду, – сначала обогрей, накорми, а уж потом можно поговорить о том, кто он, откуда и что с ним случилось.

А теперь собственно уроки Сенного. Первым и главным правилом для меня в лодочных маршрутах стало надежное закрепление лодки якорем или фалом к суше, хоть надолго остановился, хоть на пару минут.

Во-вторых, перед любым путешествием надо предупредить родных, друзей, коллег о вероятном маршруте и времени возвращения.

В-третьих, собрался на день – бери припасов на неделю.

А кроме того, есть несколько других простых правил, которые надо соблюдать в любых поездках и пеших походах и которые хорошо знакомы охотникам, рыбакам, геологам и другим странникам, туристам. Просто о них иногда забывают, а это опасно.

Необходимо подбирать одежду и обувь по сезону, брать с собой дождевик, летом – средства защиты от гнуса. При себе обязательно нож, спички в герметичной упаковке, компас, а в нынешнее время – сотовый или GPS'ка. Хорошо иметь карту, владеть навыками ориентирования по солнцу и звездам. И далее по списку для выживания в экстремальной ситуации: в любых условиях быть бдительным, уметь находить или делать укрытия, добывать что-либо съедобное и так далее.

Но самое важное, что я понял после Сенного: нельзя расслабляться и впадать в панику, а надо думать, анализировать ситуацию, искать выход. И еще – не переоценивать свои возможности, не рисковать. Природа самонадеянности и опшибок не прощает, а на Севере с его огромными безлюдными пространствами и переменчивой погодой в особенности.

Ярсалинские походы

До поступления в вуз прогулки за порогом дома у поселка оставались в пределах пешей доступности или коротких лодочных поездок. Но по мере появления новых интересов внимание к ближним окрестностям сменилось желанием узнать о местах, которые не посещал. Типичное стремление

человека увидеть, что там, за горизонтом, где еще не бывал. Появился и серьезный стимул к этому: я окончил третий курс обучения на биофаке, надо было готовить курсовую работу, а темой я выбрал фауну птиц юго-восточного Ямала, тем более что уже некоторый материал по этой теме был собран.

И вот в 1976 году после весенней сессии отправился домой. Билетов на самолет до Салехарда не было, поездом почти неделю добираться. Рискнул выбрать смешанный вариант: до Ханты-Мансийска из Свердловска поездом, а потом по Оби на теплоходе до Салехарда и оттуда «Омиком» в Яр-Сале. Молодой был, горячий, хотелось работать, дорожные тяготы не особо волновали. В Ханты-Мансийске устроился на теплоход «Тобол», до столицы ЯНАО идти ему было около трех суток. У меня третий класс, на более комфортные условия бумажник рассчитан не был. Третий класс – это помещение под палубой, напоминающее кинозал тех времен, с похожими деревянными сидухами в ряд, типа ряд третий, место седьмое, счастливого пути, отдыхайте... Но у меня в рюкзаке имелся брезентовый плащик – на полевые работы все-таки собрался. Он меня и выручал. Постелю на пол у стеночки – вот и кровать готова.

В конце июня был уже дома. Остальное снаряжение тут имелось – надежная маленькая дюралька «Нева», брезентовая палатка, спальник и всякая мелочевка для обустройства полевой жизни. Уже 23 июня вышел в свой первый поход этого лета. Задача была пройти на Вары-Хадыту, где на небольшом пространстве сосредоточены разнообразные местообитания, а значит, должны жить и разные птицы.

Переход предстоял дальний, на веслах, но к этому мне было не привыкать. Прошел пилораму у выхода реки из Ярсалинского сора и затем по нему до протоки в следующий сор. И так до конца последнего, четвертого в цепочке пойменных озер. Дальше Хадыта течет уже среди высоких

берегов, местами с тундрой, местами с разреженными лиственничниками, ольховыми островками и березовыми колками. Приглядел хороший ровный берег, тут и устроился. Несколько дней проработал здесь, изучая население птиц вдоль речки и в окружающей тундре, отыскивал и описывал гнезда. Потом переехал на южный берег четвертого сора, где росла примечательная елка – одинокая, с раскидистой кроной, в которой устраивали свои гнезда зимняки. В бинокль это дерево можно было даже из поселка отыскать.

Сюда я потом еще не раз приезжал, очень удобное местечко, где можно было встретить самых разных птиц на небольшой площади. В конце лета привлекали грибные и ягодные уголья, осенью – возможность поохотиться. По причудливо петляющему руслу реки мы с моим другом Сашей Тихоновым поднимались вверх до места, где в Вары-Хадыту впадает другая речка, которая называется Ер-Хадыта (Средняя или Глубокая), и выше по последней, пока можно было двигаться на моторке. Вот так выберемся в конце августа на высокий бережок, устроимся на пятачке сухой тундры отобедать, поговорить, сделать несколько фотографий на память. Еще не холодно, гнус не донимает, времени свободного много. Хорошо!

Возвращение из первого похода 1976 года оказалось посложнее, чем его начало. Поднялся северный ветер, и большую часть пути мне пришлось идти против ветра и волны. Лодка раз за разом плюхалась носом в ямы между гребнями частых валов, что обычно и бывает на мелководьях. Так под бодрящим душем, усталый, но довольный, добрался домой, да к тому же и на день рождения к своей знакомой успел. Хватало же энергии на всё!

Нельзя было в этот год не посетить и Ябта-Хадыту. Места здесь во многом схожи с теми, которые встречаются на Вары-Хадыте, хотя сама речка поменьше будет. Но начинается

она из озер, которые находятся далеко от берега Ярсалинского сора, куда впадает река. Так снова на веслах я и отправился через сор и далее вверх по Малой Хадыте. Добрался до места, где на берегу реки виднелись остатки старой буровой. Скорее всего, она была установлена в самом начале 1960-х годов. И если я правильно понял рассказы отца, именно здесь он последний раз работал в экспедиции, потом в поселке встретил маму и остался в результате в Яр-Сале.

Была уже середина июля, у многих птиц появились птенцы. Вот самка морянки с черненькими пуховичками. В траве у берега тундрового озера притаился серый в крапинку красноклювый птенец полярных крачек. А это кто плавает так уверенно среди стеблей осоки? Ага, птенец круглоногого плавунчика, полосатый такой, а на лапах кожистые оторочки. Теперь молодой турухтан попался, самка летает рядом, тихонько покрикивая.

На берегу реки на березе нахожу гнездо чечетки со слетками, один при мне и выскочил. Чуть дальше на кусте можжевельника устроил гнездо дрозд-белобровик, на полянке в пойменном лесу – пеночка-весничка, на дереве – юрок. На лиственнице обнаруживаю жилище дербника, а в железной трубе на буровой – каменки. В окрестной тундре беспокоятся солидные кулики – средние кроншнепы и малые веретенники. Да вот и гнездо кроншнепа. Лесная и тундровая живность здесь в таком своеобразном переплетении и взаимопроникновении.

С каждым днем полевой дневник заполняется всё новыми записями об орнитофауне этих мест. Успеваю облазить и ближайшие окрестности селения – пойму возле него, прилегающую тундру. И сделать несколько интересных находок. Обнаружил гнездо тулесов. Так далеко к югу на полуострове гнездящимися этих куликов пока не встречали. А возле аэродрома совсем неожиданная встреча: здесь

поют полевые жаворонки! Пришлось одного добыть в коллекцию института в качестве доказательства. Тем же летом на Южном Ямале их встретил и Вадим Константинович Рябицев еще севернее, на Ядаяходьяхе, где он тогда работал. Вот такой странный залет южных птичек в тундру.

Несколько поездок удалось сделать в пойму по протокам Малой и Большой Юмбе, Лэморяхе, Ерке, где тоже было немало интересного материала для моей курсовой: болотные совы, полевые луны, выводок широконоски, камышовые овсянки и камышевки-барсучки. В начале августа на отмелях Ярсалинского сора появились стаи куликов, готовившихся к отлету, скопления крачек, у которых молодняк уже поднялся на крыло.

В середине месяца мы с Сашей Тихоновым отправились обследовать еще одно место в дальних окрестностях поселка – хасырей в верховьях речки Хавыдамы. По этой реке в школьные годы мы с Саней и Володей Черепановым поднимались на моей «Неве» с двухсильным моторчиком «Салют». Тогда забрались до участка, после которого лодка уже не протискивалась меж берегов. На обратном пути ресурс двигателя был, видимо, окончательно исчерпан, он замолчал навсегда. По низовьям речки и потом по Малой Юмбе до поселка шли на веслах, борясь со сном.

Теперь туда отправились пешком по еле заметной старой дороге. В те годы существовал мостик через Хавыдаму из металлических труб и досок. За рекой дошли до хасырея – места, где в давние времена было озеро или еще несколько по соседству. Но потом вода из них ушла, найдя дорогу в какой-то ручей и дальше в пойму Оби, освободившееся дно заросло травой. Тут был устроен покос для заготовки сена для поселковых коров и лошадей. Даже старые косылки здесь остались, правда, корма уже не заготавливали: травостой постепенно хирел, стали подрастать кустарники,

а потом и мостик через речушку смыло. У одной такой косылки мы устроились, отгородившись от ветра сохранившимися кусками рубероида. Но для меня в научном плане эта своеобразная местность оказалась весьма интересной. Углубления на хасырее быстро заполнились водой, по их берегам разрослись ивняки, а эти условия очень подходили для гнездования разных уток и куликов.

Последний раз я оказался тут в мае 1979 года. Открывалась весенняя охота, знакомые ребята собрались на вездеходе в район фактории Порсьяха, чтобы там «посидеть на гуся». Решил ехать с ними, хотя и не планировал надолго задерживаться. Еще 26 мая казалось, что всё пойдет нормально, начался пролет птиц, но север свой непредсказуемый характер проявил. Через день-два температура упала ниже нуля, задул холодный арктический ветер. Тем не менее вечером 28 мая все собрались и выдвинулись в сторону фактории. Ночью пошел снег, подморозило до пяти-десяти градусов, так что я решил не забираться дальше в тундру, а остаться и вернуться в поселок, где шел основной пролет птиц. Около двух часов ночи распрощался с компанией охотников и устроился в затишке, чтобы разжечь костер, перекусить и подождать, пока всё птичье население немного оживет после ночного холода. Как потом выяснилось, десантировался я в восемнадцати километрах от поселка, хотя казалось, что забрался не так далеко. Ветер утих, по тундре разносились крики куропаток, потом заголосили чечетки, закаркала ворона, пролетел орлан. Пора в путь курсом на село.

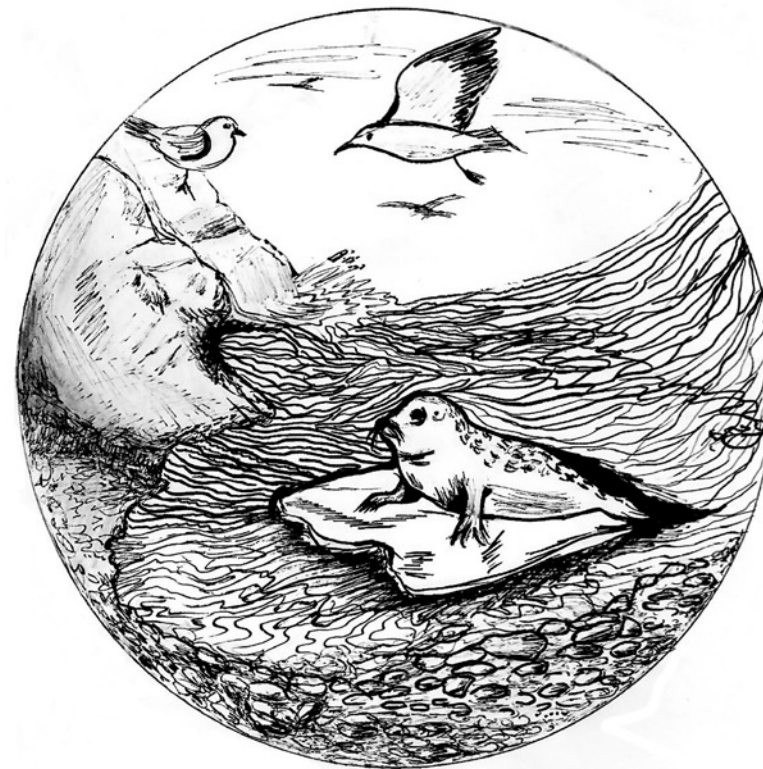
Через три часа вышел на уже знакомый хасырей в среднем течении Хавыдамы. Стало повеселее. Нашел три гнезда серых ворон, во всех самки уже откладывали яйца. Здесь же держались лебеди-кликуны, халеи, стайки рогатых жаворонков и чечеток, а по кустам прятались камышовые овсянки. Так вдоль речки дошел до края возвышенности

перед поймой. Впереди лежал сор. В предыдущие теплые дни он оказался залит водой, но теперь всё замерзло, тонкий прозрачный лед тянулся от берега до берега. Идти напрямик было несколько рискованно – насколько прочен свежий ледовый покров? Но перспектива обходить озеро по берегу меня совсем не вдохновляла. После рабочего дня, бессонной ночи и странствий по тундре энтузиазм путешественника сильно поблек. Пошел напрямик, осторожно скользя по льду. Пересек озеро благополучно, но отсюда оставалось не менее трех километров до дома. В общем, к старой забойке добрался едва живой. Утром резко потеплело, подул южный ветер, и сразу полетели птицы. Меня совсем разморило от тепла, но еще не решена была главная задача – доползти до кровати. А тут очередное препятствие – если идти через территорию забойки, то по оттаявшим отложениям оленьего помета, а если обходить, то дальше и по кочкарнику. Шел прямо, стараясь не поскользнуться на «удобрениях». Какие-то силы пока оставались, потому не оплошал. Вот такая получилась последняя экскурсия на Хавыдаму. А моим попутчикам с охотой не повезло – пролет оказался совсем плохим, добыть почти ничего не получилось. Но такова уж охотничья судьба – охота да уда обедают худо...

После окончания вуза я еще несколько лет совершал разные поездки в окрестностях Яр-Сале, в тундру на знакомые реки и в пойму по многочисленным протокам от селения до Горного Хаманела, Сюнай-Сале и островной дельты Оби. Многие материалы, собранные в ярсалинских походах, были использованы в монографии «Птицы Ямала» моих учителей и наставников Николая Николаевича Данилова, Вадима Константиновича Рябицева и Вячеслава Николаевича Рыжановского. Это был первый случай, когда мои наблюдения включили в научную публикацию, и хороший стимул к новым исследованиям. Значит, не зря работаю!

МОРЕ КАРСКОЕ ДАЕТ ДОБРО

ЯМАЛЬСКАЯ «КРУГОСВЕТКА»

Зов странствий не покидал меня и после окончания вуза, несмотря на обычную рутинную работу в течение большей части года. Весна неизменно пробуждала желание сменить рутину на жизнь в походах, в палатке, у костра, в окружении столь любимых мною пташек. И каждое лето свои отпуска я проводил в экспедициях, благо холостяцкое положение этому способствовало. Сначала появилась возможность поработать в тайге Приполярного Урала, а потом и на Ямале. Весной 1981 года я получил из уже знакомого мне лабытнангского стационара приглашение принять участие в полевых работах на полуострове. С радостью согласился, даже не подозревая, что эта экспедиция не только окажется одной из самых интересных, но и станет переломным моментом моей жизни.

В общем, в июне я уже был на базе стационара и вместе с коллегами стал готовиться к поездке. Дело в том, что сотрудники стационара во главе с руководителем лаборатории зоологии Вячеславом Федоровичем Сосиным уже два года проводили на полуострове изучение зверей и птиц – выясняли, кто и где живет, как и почему меняется численность разных видов, и другие вопросы. Работы эти, помимо чисто теоретического, имели в те годы и определенное практическое значение, поскольку позволяли прогнозировать возможный урожай песка, белой куропатки и других промысловых птиц на предстоящий охотничий сезон. А благодаря договорам с окружной потребкооперацией, по заказам которой готовились такие прогнозы, ученые получали возможность попасть в отдаленные уголки тундры на вертолетах. Польза была взаимной.

Так случилось и в 1981 году. Правда, «вертушку» нам пришлось довольно долго ждать. Мы несколько раз выез-

жали на вертодром в полной боевой готовности – с лодками, моторами, запасами топлива и всем прочим экспедиционным скарбом, но, не дождавшись борта, возвращались на базу. Эти выезды мы в шутку стали называть репетициями, то генеральной, то «репетицией в костюмах», то «с выходом»... Шутки шутками, а время уходило – рабочий сезон в тундре короток, но к середине июля всё сложилось и мы благополучно залетели в самые истоки крупной ямальской реки Мордыяхи (или Муртыяхи, как обычно с вариантами, порой и через дефис, обозначают ее на разных картах).

Кроме меня и Вячеслава Федоровича, в состав отряда входили Виктор Георгиевич Штро, с которым мы в последующем еще немало поколесили по Ямалу, и Вениамин Александрович Бахмутов, старый полярный волк.

Выгрузились на берегу большого озера Ямбуто, из которого вытекает Мордыяха, и пару дней обследовали окружающую тундру. Отсюда путь лежал вниз по реке с остановками на площадках, намеченных для работы. Сезон по количеству птиц и зверей оказался не слишком богатым – численность леммингов, от которых зависят очень многие условия существования фауны, была невысокой. Однако у мохноногих канюков, или зимняков, началось вылупление птенцов, и даже у белых сов, особенно требовательных к обилию своего основного корма, молодежь успешно подрастала.

Я с удовлетворением записывал в дневник встречи с птицами, которых так далеко к северу пока никто не видел, – дроздом-белобровиком, пеночками – весничкой и теньковкой, камышевкой-барсучком, желтоголовой трясогузкой и небольшим куликом – гаршнепом. Здесь же впервые встретился с крупными морскими утками – гагами-гребенушками, краснозобыми гагара-

ми и вдоволь насмотрелся на гусей и линяющих шилохвостей, которые встречались по всей реке.

Впечатлений было хоть отбавляй! Через неделю добрались до места, где в Мордыяху впадает река Сеяха-Мутная и где нашему отряду предстояло разделиться. Виктор с Вениамином Александровичем уходили вверх по Мутной, чтобы через систему рек и озер дойти до поселка Сеяха, а наш с Вячеславом Федоровичем путь лежал к устью Морды, откуда и началась наша ямальская «кругосветка».

После короткой остановки на фактории 24 июля шеф принял решение идти к Харасавэю, огибая архипелаг Шараповы Кошки. Тут надо сделать некоторые пояснения. К северу от устья Мордыяхи простирается обширный мелководный залив Карского моря Шарапов Шар. Место, надо прямо сказать, гиблое. Малые глубины, большие расстояния до берегов, которые на западе, где протянулась цепочка едва возвышающихся над водой островов, вообще трудно рассмотреть, делают прохождение по нему весьма опасным. Погода в тот день выдалась ясная, штилевая, но не факт, что она не переменится в один момент. Мы даже на выходе из Мордыяхи успели покрутиться в проливе Мутный Шар, нащупывая русло, а что уж говорить о заливе. Поэтому решение командора обходить Кошки с запада, где уже начинаются приличные глубины, было вполне осознанным.

Другое дело, что навигационные средства – карта-километровка и морской корабельный компас – были достаточно скромными, а наше судно для морских поездок подходило мало. Обычная лодчонка «Обь-М» с мотором «Вихрь-30». Вдруг волна поднимется или что с движком – господи, пронеси! На берегу взяли азимут на южную оконечность островов и пошли. Время тянулось в тревожном ожидании... Наконец заметили пенные буруны и низкий

песчаный берег, а потом вышли к южной окраине первого из цепочки островов и повернули на север вдоль них.

Почти все Шараповы Кошки – просто голые песчаные наносы, лишь кое-где с небольшими пятнами низких дюн, едва заросших редкими солеросами. Только на самом северном острове встречаются лишайниковая тундра и сравнительно разнообразное птичье население. Самыми заметными его обитателями оказались крикливые пестрые кулики – камнешарки, всё время сопровождавшие нас во время короткой экскурсии по острову.

Льда у берега почти не было, но на одной из немногих льдин удалось заметить двух отдыхавших крупных тюленей – лахтаков, или морских зайцев. Птиц тоже встречалось мало – то небольшие группы гребенушек или морянок, то одинокие чайки попадались по пути.

До Харасавэя было уже рукой подать, и вскоре мы добрались до поселка. У Вячеслава Федоровича здесь жил знакомый, к которому он и отправился, желая решить самую главную для нас на этот момент проблему – раздобыть топливо, чтобы продолжить маршрут. Вскоре он вернулся, мы пошли в гости перекусить и обсудить дальнейшие планы. Вопрос с заправкой был решен, хотя оставалась неопределенность – хватит ли бензина на всю дорогу. Возможности нашей посудины и мотора были ограничены, каждый лишний килограмм загрузки грозил падением скорости, потерей глиссирования и, соответственно, дополнительным расходом горючего со всеми вытекающими последствиями.

В разговоре с местными ребятами выяснилось, что какое-то количество бензина можно найти в бочках у одного из маяков на западном побережье Ямала и южном берегу острова Белого на мысе Малыгина. На наше счастье, информация оказалась верной, и это нас сильно выручило.

Я еще не раз побывал в Харасавэе и, если возникали какие-либо житейские или рабочие проблемки, всегда получал помощь и поддержку от жителей поселка. Хороший на Севере народ!

Ну, а наш путь дальше лежал вдоль побережья к намеченным местам исследований. Шеф сидел за штурвалом, а я в качестве штурмана записывал в дневник встречи с нерпами, чайками, гагами, морянками и другими птицами, отслеживал маршрут по карте и фиксировал время прохождения контрольных пунктов, обычно устьев рек, впадающих в море. А их тут – целая гирлянда с экзотическими названиями: Тиутейяха (Моржовка), Салтансё, Хехеяха (Святая), Пухучаяха (Старушечья, если не ошибаюсь), Юньяха и, наконец, Сядоряха, на которой предстояло поработать. По дороге в устье каждой реки были скопления морянок, гаг-гребенушек. Здесь, где пресная вода смешивается с морской, находятся особенно кормные места для этих уток, которые употребляют в пищу то, что найдут на дне водоема: моллюсков, червяков, рачков, то есть всё, что по-научному зовется бентосом. Так, кстати, на морских побережьях питаются очень многие птицы. Тундры (у Харасавэя мы попали уже в самые северные, или арктические, тундры) здесь не очень богаты, а море гораздо щедрее.

По Сядоряхе нам предстояло подняться вверх и обследовать две площадки. До первой добрались без проблем, разбили лагерь. Поставили и сетёшку. К нашему удовольствию, скоро в нее попался приличный щокур, килограмма на три, так что малосол был обеспечен. Однако в дополнение к нему в сетке оказались и два бычка-рогатки – редкостные колючки, которых с большими предосторожностями пришлось выпутывать из снасти.

Близость холодного моря на первом участке хорошо ощущалась по многим признакам. Невысокая щетка ивняков

встречалась здесь только в немногих более теплых местах. На первом же маршруте я нашел сразу по два гнезда краснозобых и чернозобых гагар. Первый вид этих птиц особенно любит гнездиться возле морских побережий или у крупных озер. Несмотря на то, что до конца июля оставалось всего пять дней, лишь в одном из гагарьих гнезд только что вылупились птенцы, а в остальных еще были яйца. Так что график размножения у птиц был весьма жестким. Многочисленные оказались на площадке и тесно связанные с морем гаги-гребенушки – самки с выводками и стайки неразмножающихся особей. На островках одного из множества озер разместилась колония халеев. Тут уже появились типичные северянки – тундряные куропатки, но встречались и «южане» – белохвостый песочник, желтоголовая трясогузка, каменка.

На вторую площадку добираться пришлось тяжелее. Река на глазах хирела, по мере того как мы продвигались вверх по ней, перекаат шел за перекаатом. Короткие проезды на моторе то и дело сменялись работой в качестве бурлаков, но до намеченного места дотащились. Природа здесь была, в общем, вполне типичной для этой части ямальской тундры. Места пошли повыше, чем у моря, посуше и с большим распространением кустарниковых ив. Однако фауна стала однообразнее.

Но один момент, связанный с этим местом, мне особенно запомнился, потому что он неожиданно повторился двумя годами позднее, когда мы снова работали на Сядоряхе. Практически мистика! Это – исчезновение куска пространства на карте. В тот раз я уже возвращался в лагерь, оценил, сколько мне нужно пройти до следующего приметного места. Иду, иду, а всё никак не доберусь до него. По карте не более пары километров идти, и по времени я уже должен был добраться до нужной точки. В итоге шел не менее четырех километров, нигде не блу-

ждал и вышел туда, куда хотел. В 1983 году мне достался примерно тот же маршрут. История повторилась. Только с некоторыми нюансами. У дальней точки маршрута испортилась погода, и всю обратную дорогу я шел, поливаемый наползшей с моря моросью и промокший до нитки, даже плащ не спас – он просто отпотевал изнутри под холодным ветром. И на том же самом отрезке, где и раньше, кусок пространства на карте снова исчез, так что реально опять пришлось пройти на пару километров больше. Такая странная история с картой.

От Сядоряхи продолжили путь на север. Снова отмечаю пройденные устья рек – Пяседая, Тояхи и Пилюяхи, везде крупные стаи морянок и гребенушек, охотятся на рыбешку гагары, летают полярные крачки, халеи и появившиеся их полярные собратья бургомистры. Здесь местами у берега стоят льдины – холодно. В лодке тесно, особо не пошевелишься. Откровенно замерзаю, а от бинокля и карты не оторвешься. Но вот долгожданная остановка возле устья Хардеяхи, где установлен маяк. Можно выбраться на берег и немного согреться. У маяка мы обнаруживаем ненецкий жертвенник: на бугре лежат семь черепов белых медведей, олени рога и черепа нерп. Неподалеку брошенная емкость с остатками соляра и металлические бочки, но пустые. Идем дальше, оставляя позади устья еще нескольких речушек.

И вдруг впереди на невысоком берегу замечаем мачту и пару вагончиков-балков. Оказалось – радиолокационная станция, занимающаяся сопровождением судов на трассе Севморпути. Короткая, но взаимно радостная встреча полярных отшельников! А для нас особо обнадеживающая – у ребят есть и бензин, и моторное масло. Они же сообщают, что в устье следующей реки, где мы планируем остановиться для работы, бензин тоже должен быть. Время поджимает, и с сожалением покидаем гостеприимную станцию.

Вечером 30 июля добрались до Лайндтеяхи. Поставили палатку, я остался варить кашу, а Вячеслав Федорович в сопровождении своего пса Ингура решил осмотреть окрестности. Стою, покуриваю, слежу за кастрюлькой и наблюдаю, как они поднимаются на склон оврага в паре сотен метров от меня. Вдруг вижу, шеф упал, а потом побежал за ломанувшимся куда-то Ингуром. Что там случилось? Непонятно. Только когда они вернулись, ситуация прояснилась. Оказалось, что пока я спокойно расслаблялся у палатки, сзади за перегибом холма ко мне подошла пара волков, метров на тридцать, стоят, принимают. Шеф их заметил, лег и взялся за мелкашку, которую на всякий случай возил с собой, нажал на спусковой крючок – осечка. Но волки щелчок даже на таком расстоянии услышали и подхватились, Ингур за ними, Федорович за псом – если не остановить, разорвут. Что им какая-то лайка, пусть даже и крупная, это волчку на один зуб! К счастью, удалось пса тормознуть.

На следующий день мы обследовали окружающие места. Здесь в первый раз встретили диких северных оленей, которые к этому времени населяли только самый север полуострова, будучи вытеснены сюда стадами домашних. Дикари – удивительно красивые и гордые животные, особенно самцы. Быки, или хоры, замечательны своими мощными рогами. По окрасу эти олени тоже отличаются от домашних. Правда, мне трудно охарактеризовать их цвет иначе, чем «дикий». Но потом, когда довелось встречать дикарей, неизменно узнавал их по стати, размерам, рогам и особому окрасу.

Здесь же в изобилии попадались выводки белолобых гусей, гаг-гребенушек, появились птенцы у гагар, а кулики стали сбиваться в стаи – скоро им предстоял отлет на зимние квартиры.

Поспешая, вечером того же дня мы отправились дальше. К ночи ветер обычно стихает, а нам еще предстояла

сложная дорога по морю. Высокий берег Ямала остался позади, справа потянулись бескрайние пески плоского полуострова Лаптасале с разбросанными по нему редкими бревнами плавника, выброшенного штормами. Обогнули самую северо-западную точку Ямала – мыс Скуратова и, пройдя далее вдоль Лаптасале, достигли мыса Головина. Вот так, в окружении имен знаменитых землепроходцев и мореплавателей, добрались до исходного пункта, чтобы попытаться дойти до острова Белого. Но об этом, как и о дальнейшей кругосветке, в другой раз – приключений и впечатлений еще будет немало.

Домой

Отработав почти неделю на Белом, мы снова пересекли пролив Малыгина и вышли к побережью Ямала, причем не без некоторых сложностей. В проливе нас накрыл туман. И хотя сначала нам надо было просто двигаться на юг, пока не упрямся в сушу, у берега задача усложнилась. Везде вдоль него тянулись мелководья, близко к земле не подойдешь, а чуть дальше ее за пеленой тумана не видно, и есть риск отклониться на просторы пролива. К тому же надо дальше к востоку не пропустить устье Яхадьяхи, где была намечена новая рабочая площадка. Решили идти под наметку – я небольшим шестом замерял глубину, сообщал результат командору, а он по принципу «холодно – горячо» определял, насколько мы удалились от ямальского берега. Тем же способом наткнулись и на русло реки, петляющее среди прибрежных отмелей в проливе, так что «метод тыка» в данном случае сработал прекрасно.

Яхадьяха – самая крупная река на крайнем севере полуострова, поэтому мы без проблем поднялись по ней до места, где собирались закладывать пешие маршруты. Можно

было считать, что экватор путешествия пройден и отсюда начинается наш путь домой. Полуостров Ямал – территория обширная: с юга на север он протянулся на семьсот километров с лишком, да в ширину ста двадцати – ста сорока достигает. Поэтому, несмотря на то, что мы начали путешествие примерно в его средней части, пройти предстояло еще не одну сотню километров.

В природе чувствовалось приближение осени. В устье реки мы наткнулись на скопление заканчивающих линьку морянок, тысячи в две – две с половиной уток. Над тундрой на юго-запад летели стаи крупных куликов – тулесов, оглашавших просторы печальным свистом. С удивлением я увидел здесь и других куликов – малых веретенников, таких крупных рыжеватых птиц с длинными клювами. Нормальные места их гнездования почти не выходят за пределы лесотундры, а они вот тут объявились. Потом выяснилось, что и веретенники, и некоторые другие виды птиц обыкновенно перед отлетом на юг сначала летят на север, на морские побережья, где откармливаются перед дальней дорогой на зимовки.

Здесь же встретили пару оленей – дикарей. На реке было много гагар, гусей и уток, хотя в тундре обитателей становилось всё меньше, сезон размножения завершался, птицы постепенно покидали насиженные места. Тронулись в дорогу и мы. На выходе в пролив снова встретили скопление морянок, но теперь уже несколько десятков тысяч – туман-то не мешал обзору.

Прошли легендарный мыс Хаен-Сале (по-ненецки Хехэн Салая, или Мыс Богов), священное для ненцев место, где, по преданиям, находился главный религиозный символ язычников – сядэй Яву мал. Мне рассказывали, что здесь же известный орнитолог и полярник Савва Михайлович Успенский нашел жертвенник с большим количе-

ством черепов белых медведей. По словам журналиста Анатолия Омельчука, у этого места в 1927 году трагически погибла этнолог, начальник Северо-Ямальной экспедиции Наталья Александровна Котовщикова. Здесь ее и похоронили коллеги – будущий известный ученый-археолог, на тот момент студент Ленинградского университета Валерий Николаевич Чернецов, и сотрудник экспедиции К. Ратнер. Позднее у мыса Хаен-Сале они раскопали семь землянок сихиртя – охотников на морского зверя и других животных, древнего народа, населявшего Ямал до прихода сюда оленеводов-ненцев. На этом же мысу, по свидетельству Анатолия Омельчука, один из ямальских первопроходцев, описывавших берега полуострова, штурман Иванов насыпал земляной бугор в качестве ориентира, типа современного триангуляционного пункта. Местные жители его так и назвали – Турман-юмба, то есть «бугор штурмана».

Но у нас времени на остановку не было, погода могла в любой момент перемениться, а места для стоянки тут оказались неподходящими. Я только отметил у мыса стаю шилохвостей штук в двести: после линьки на озерах и реках полуострова они, как и веретенники, прилетели сюда подкормиться дарами моря.

Поднявшееся волнение вынудило нас зайти в залив Холе-Паха, где буквально все мелководья кишели птицами: шилохвосты, гаги – гребенушки и сибирские, сотни тулесов, веретенников, камнешарок и других куликов, чаек и крачек собирали богатый урожай разных морских беспозвоночных. Увлечшись наблюдениями, чуть не попали в ловушку коварного Холе-Паха. К вечеру начался отлив, причем такой стремительный в неглубоком заливе, что мы едва не обсохли в его центре. На моторе двигаться было невозможно, в спешке тащили лодку во-

локом по мелководью и едва успели добраться до более глубокого места. В пролив вышли уже ближе к полуночи, порядком уставшие. Волнение на море к ночи стихло, но нам надо было хоть немного отдохнуть, перекусить, поэтому вскоре остановились на песчаном берегу возле крохотного ручья. Собрали плавник, разожгли костер и наконец-то поели.

Решили прогуляться по берегу. Перейти ручей в болотных сапогах оказалось совсем просто, но тут под ногами вдруг забегали рыбины – ничего себе ручеек! Недолго думая, принесли небольшую сеточку и перегородили его. И это мы удачно зашли – буквально через несколько минут вытащили из нее несколько омулей! Свежей рыбы у нас на столе давненько не было. А причина, по которой в таком месте оказался омуль, открылась тут же – в проливе напротив из воды высунулась блестящая, мокрая и усатая мордочка. Это кольчатая нерпа заставила рыб спрятаться в небольшом ручье.

Потом я сидел у костра, смотрел на низкое краснеющее солнце, которое неспешно катилось на севере над проливом Малыгина. По воде быстро скользили редкие льдины, уносимые течением на запад. С материка понемногу напозвала волна тумана, обволакивая и тундру, и море. Было тихо, спокойно и почему-то немного грустно... Может, мне казалось, что это никогда не повторится, я больше не побываю здесь, не увижу сей суровый, дикий, но такой манящий край. Спустя многие годы воспоминания никак не изменились. Я и сейчас отчетливо вижу, как сижу на берегу пролива Малыгина в лучах полуночного солнца, смотрю на проплывающие льдины, любопытных нерп, молчаливо парящих чаек и набегающую холодную стену тумана.

Рано утром мы отошли от стоянки и уже через полтора часа у северо-восточной оконечности Ямала вошли

в Обскую губу, миновав два маяка по правому борту у острова Халеу-Нго. После короткой остановки на острове с типичными приморскими засоленными лугами, или тампами, продолжили путь и через час оставили на траверзе факторию Дровяную. Но тут удача нам изменила. Так и не добравшись до места планируемой остановки, мы были вынуждены бросить якорь и, кое-как пристроившись в лодке, хоть немного подремать – нас накрыла волна густейшего тумана, так что сориентироваться просто не получалось. Оставалось ждать...

Речка Мануфактурная

Проснулись от покачивания и ударов лодки о дно. Шел отлив, и мы обсохли. Можно было погулять вокруг, размяться, но туман всё не позволял определить, где точно мы находимся, и хоть как-то использовать вынужденную остановку для наблюдений за птицами.

Но скоро с северо-востока потянул ветерок, разгоня туманную завесу, а вода стала прибывать. На берегу губы заметили устье речушки и направились туда. Как только лодка вошла в нее, с реки сорвалась целая туча отдохавших здесь шилохвостей. По приблизительной оценке, в ней насчитывалось около трех тысяч уток. Устроились неподалеку под бугром, закрывавшим лагерь от северных ветров, определились по карте – мы находились в семи километрах южнее фактории Дровяная.

Погода тем временем стала ухудшаться, норд-ост всё крепчал, разводя на просторах губы опасную для нашего судна волну. Нам оставалось работать на месте и ждать той самой погоды у моря, когда можно будет двинуться дальше. А посему перво-наперво стали обследовать окрестности лагеря. И тут нас ждали очень

неожиданные находки, по большей части не профессиональные, а бытовые.

На большом пространстве по берегу валялись металлические бочки, как выяснилось, все с соляром. Бензина и моторного масла, весьма нужных нам, ни в одной не нашлось. И, кроме них, тут и там попадались разного размера деревянные ящики. Вскрытие показало весьма оригинальную их начинку. В одном обнаружили кирзовые армейские сапоги разных размеров. В другом – всё для фотографии: фотопленка, фотобумага и реактивы для проявки. В следующих – баян, отрез кумача, краски, комплекты шахмат и шашек, книги... В общем, мануфактура какая-то в ассортименте. Почти всё сильно попорчено морской водой. Но кирзачи уцелели без потери качества. Мы выбрали себе по паре и потом с успехом использовали в поле в качестве сменки резиновым сапогам. А что? Нога в них дышит, не то что в резине, а после соответствующей наружной обработки кирза и воду не пропускает. Вообще, армейское обмундирование советского времени было очень практичным и надежным. Мы, например, использовали энцефалитные, точнее противоэнцефалитные, костюмы из той же ткани и так же тщательно сшитые, как гимнастерки и галифе. Под дождем они колом не вставали, быстро просыхали, в холод согревали, в жару тело в них дышало. А сносу им вообще не было, годами служили, в отличие от появившихся позднее всяких синтетических модных комплектов, которые разваливались уже через год-два эксплуатации в полевых условиях, где щадить одежду не приходилось.

Речку же мы неофициально нарекли Мануфактурной.

Погранзастава

Время шло, а ветер не унимался. Мы уже обследовали окрестную тундру и всё чаще стали оценивать оставшиеся запасы топлива. Бензина еще было достаточно, но автол для приготовления топливной смеси оказался полностью израсходованным. Кроме того, у нас закончились хлеб и сахар, да и остальных припасов оставалось в обрез. Единственным возможным выходом в этой ситуации было обратиться за помощью на факторию, куда я и направился в один из дней.

Прогулка по берегу губы оказалась и легкой, и полезной для пополнения информации о местной фауне. На Дровяной обнаружили расположенные на поросшей невысокой травкой прибрежной террасе несколько одноэтажных домиков и один двухэтажный. К последнему зданию я и направился. Меня встретили военные – оказывается, здесь, на самом краю полуострова, располагалась пограничная застава, в задачи которой входила охрана северных рубежей страны. Ребята проводили к начальнику заставы, капитану, который оказался почти моим ровесником.

Я стал объяснять, кто мы такие, что здесь делаем и какие у нас проблемы. «Да мы видели вашу лодку, – улыбнулся командир, – ясно, что не шпионы пожаловали. А чем можем, поможем». Мы сходили на берег, где стояли бочки, и нацедили трехлитровую банку автола. С продуктами было сложнее. На заставе с нетерпением ждали снабженческое судно, которое сюда приходило раз в год, когда позволяла ледовая обстановка. Но в этот год оно запаздывало, и в части с припасами было очень напряженно. Выделили пару булок хлеба, тяжелого, черного, словно антрацит, – сами солдатики пекли. Но я и этому был рад, а вот Федорович есть не смог – разыгрывалась изжога. С сахаром оказалось

еще хуже. Неприкосновенный запас в два килограмма сохранился только у начальника заставы. Капитан выделил мне один, хотя я и отказывался, как мог: «Ничего, судно придет – отъедемся, не переживай!»

Я рассказал о находках у речки Мануфактурной, и выяснилось, что в прошлом году разгрузку пограничникам пришлось делать при беспокойном море. Один из понтонов с грузом, который с рейда до берега таскал небольшой катеришка, перевернулся на волне. Потом служивые на вездеходе ездили вдоль губы, собирали то, что выбросило волнами на берег. Но до Мануфактурной не добрались, да и все равно большая часть груза уже сильно от воды пострадала. Так прояснилась ситуация с находками, которые мы обнаружили у нашего лагеря. А название за речкой закрепилось.

* * *

С благодарностью я покинул гостеприимную заставу и вернулся на базу. Еще пару дней нам пришлось работать здесь. Меня особенно привлекало побережье губы, прежде всего обнажавшиеся в отлив отмели. Была уже середина августа, и шла массовая миграция куликов на юг. Здесь они останавливались, чтобы отдохнуть и подкрепиться перед дорогой. По отмелям бродили бесчисленные стаи тулесов, камнешарок, чернозобиков, краснозобиков, песчанок, куликов-воробьев, турухтанов, веретенников – почти полный комплект этих типичных тундровых птиц. Времени даром они не теряли, обшаривая отмели в поисках корма, зондируя клювами песчано-илистое обнажившееся дно, чтобы добраться до прятывшихся в грунте выжделенных червячков, рачков и моллюсков.

Наконец, 14 августа смогли покинуть место вынужденной задержки, а через четыре с половиной часа были

уже на фактории Тамбей. Запаслись провиантом в магазинчике и вернулись на реку Тамбей, куда местные жители обыкновенно ездили на рыбалку. Здесь конец лета ощущался в полной мере. По всей тундре на маршрутах нас окрикивали беспокойные тулеса, бдительно охраняя своих подросших птенцов, сбивались в стайки кулики-плавунчики и турухтаны, появились стаи самых обычных тундровых воробьиных птиц – подорожников.

Стояла редкостная для этих широт погода. Днем температура воздуха поднималась до пятнадцати-шестнадцати градусов тепла, а в ночь на 16 августа даже прогремела гроза, вообще уникальное явление на дальнем севере.

Потом снова заехали на факторию и пошли на юг. Оставили по правому борту подбазу Сабетта, а дальше на многие километры потянулись необжитые места. Да и шли мы на приличном удалении от берега – ближе не позволяли подойти обширные мелководья. Хорошо, что погода была к нам благосклонна. Уже поздно вечером, пройдя мыс Белый, далеко впереди заметили огни. То светили фонари и окна поселка Сеяха.

В полной темноте как-то нашли заход в речку. В поселок идти было поздно, место для палатки выбирать тоже. Устроились на левом берегу реки в каком-то полуразвалившемся здании склада, оставленного геологами. Подкрепились с дороги, расстелили на дощатом полу палатку, бросили спальники и заснули как убитые. День выдался нелегким...

Назавтра добрались до стоянки на берегу губы в тридцати километрах южнее поселка, где и продолжили свои работы. Картина была оптимистичной – в тундре на озера высыпала масса выводков белолобых гусей, значит, сезон размножения у них прошел удачно. Немало было и разных уток, правда, большинство без птенцов.

Отсюда почти без остановок шли дальше, отметив по дороге скопление морянок в губе числом около десяти тысяч, и 20 августа прибыли в небольшое селение Яптик-Сале. Рядом с ним как раз стояла под разгрузкой самоходка, доставившая сюда разные товары. Появилась возможность вернуться на ней в Салехард, но только после завершения перевалки груза на берег, которая должна была занять еще несколько дней. Поэтому мы не упустили шанса съездить вверх по Сабьяхе, впадающей у поселка в губу. После Сеяхи здесь явственно чувствовалось приближение к югу: вдоль реки тянулись заросли высоких ивняков, на водоразделах пятнами разрослась карликовая березка, а морошка уже поспела, в отличие от северных мест, потому на маршрутах мы успели и ягодами полакомиться. Не дремали и комары с мошкой. Птичье население тоже поменялось – больше встречалось белых куропаток, появились мелкие воробьиные пташки, чья жизнь тесно связана с кустарниковыми зарослями, – чечетки, варакушки, овсянки-крошки, пеночки. Были замечены и бродячие орланы-белохвосты, чирки-свистунки и крохали.

Лето быстро катилось к закату, полевой сезон подходил к концу, но еще на несколько дней нам пришлось задержаться в Яптик-Сале. Единственное судно, на котором можно было добраться до дома, по-прежнему стояло под разгрузкой. Поджимали сроки – отпуск у меня заканчивался, оставалось несколько дней до начала учебного года в школе, а опаздывать на работу не хотелось. Выручил неожиданно прилетевший вертолет, на котором я и вылетел в Яр-Сале. Шеф остался ждать погрузки на самоходку, и она тоже прошла успешно.

Так завершилась моя первая ямальская «кругосветка». Как потом оказалось, не последняя, но об этом дальше.

Вокруг Ямала

Ямальская «кругосветка» получила свое продолжение в 1983 году. И хотя большая часть маршрута совпала с пройденным ранее, в это время тоже произошло немало интересных и в чем-то поучительных событий, о которых мне хочется рассказать.

В этот раз дорога началась с верховьев Левого Юрибея, куда мы, как обычно, залетели на вертолете. Сразу выяснилось, что год кардинально отличается от предыдущих сезонов обилием мышевидных грызунов. Лемминги успешно размножались еще под снегом, о чем свидетельствовали встречавшиеся повсюду их зимние гнезда, свитые из сухой травы. Прекрасно чувствовали себя и птицы, поскольку их злейшие враги, песцы, переключились на более доступную и многочисленную добычу. Поэтому на маршрутах встречалось много гнезд разных видов пернатых, а дневники заполнялись самыми полезными данными. Даже сопровождавшие нас лайки не гнушались попадавшимися по пути гнездами с молодняком леммингов и взрослыми зверьками. Все хищники отъедались.

В Байдарацкую губу мы вышли только через две недели, покинув гостеприимную факторию Усть-Юрибей с ее тогдашними хозяевами, уже знакомыми мне по прошлому году факторщиком Володей Хмаруком и его женой Светланой. Там запаслись индийским чаем, вкуснейшим сливочным маслом, малиновым джемом и свежим хлебом. Об этой фактории и хлебосольных ее жителях я еще не раз вспомню.

А пока наша лодка шустро бежала вдоль ямальского берега на север. В этот раз посудина была выбрана посolidнее и немного мореходнее – «Казанка-5М2», к тому же с двумя моторами «Вихрь-30», что увеличивало возможность загрузить больше топлива. Я потом даже как-

то проснулся почти в холодном поту от фантазмагорического сна, в котором «услышал» крик: «Не кури, у нас же на борту триста литров бензина!». Ну, а в остальном было, как и раньше, – карты, компас, но связи нет и сотни километров впереди. По дороге обнаружили на берегу выброшенный небольшой буксир, а на нем алюминиевый бак под топливо. Он как влитой входил внутрь лодки по ширине, потому позднее был установлен на корме и заполнен полутора сотнями литров бензина. Вопрос с емкостями для горючего успешно решился, а часть пространства в лодке прибавилась.

Вскоре прибыли к устью небольшой речушки Яраяхи, впадающей в Байдарацкую губу. Через много лет именно в этом месте пройдет морской участок газопровода с Бованенковского месторождения на воркутинский берег. Но тогда здесь было тихо, ярко светило солнце, с моря тянул несильный бриз. Мы остановились у реки, ожидая благоприятного момента для следующего броска и высматривая острова архипелага Марресальские Кошки. Туда, на их юго-западную окраину, надо было выходить, чтобы продолжить путь к северу. Но на таком расстоянии плоские Кошки совсем не были видны. Азимут взяли по карте.

Вечером заштилело – пора в дорогу. Первые километры прошли без проблем, но наш старый «попутчик» туман не дремал. Укрыло наглухо. Шеф стал забирать к северу, ближе к мелководному заливу между материком и островами, пока не стали винтами цеплять дно. Я привычно взялся за подручную наметку, замеряя глубину. Так и шли потихоньку по границе отмелей, пока наконец не увидели едва заметный в тумане кусочек суши, а тут и поворот на север обозначился. Ну, всё, в море не ушли, к островам прицепились. Позднее Вячеслав Федорович обследовал самый крупный из них – остров Литке, почти

весь покрытый растительностью, нашел на нем колонию черных казарок и даже попал в очень опасную передрагу. Тогда поднялся шторм, во время сильного прилива остров стало заливать, и шефу с напарником пришлось спасаться, привязав лодку к единственной в этом месте триангуляционной вышке.

Но в этот раз побывать на островах не удалось. Возникла другая проблема, из-за которой пришлось сосредоточиться на самом движении. У западных берегов архипелага набило плавучего льда. Пришлось виртуозно лавировать среди ледяных полей в узких проходах, распугивая нерп и лахтаков и не теряя общего курса. Туман клубился, моторы ворчали на малых оборотах, позвякивали задетые льдины, зубы выбивали дробь от холода...

Но вот льды поредели и закончились, справа на высоком берегу появились избы поселочка Марресале. Мы торопились и в него не заехали, а жаль – это место в определенном смысле для Арктики легендарное. В 1912 году здесь была построена первая на Севере радиотелеграфная станция. В этом районе проводились наблюдения за ледовой обстановкой на море и состоянием погоды, чтобы постоянно снабжать этими сведениями корабли, направляющиеся в Карское море. Первый сеанс радиосвязи был осуществлен уже в начале сентября того же года.

Мы остановились севернее на песчаном берегу у небольшой речушки, не доходя до мыса Белужий Нос (или Вэбаркасале) и залива Вэбаркапаха. Вообще-то мыс правильнее было обозначать как Белуший, о чем и говорит его название на ненецком языке. Вэбарка – это белуха, многим знакомый полярный дельфин. Белуга же – рыба из осетровых, и водится она далеко на юге, в Волге и на Каспии.

Я остался готовить обед, а шеф пошел прогуляться по берегу. Вернулся он с достаточно тревожными сведениями

ями – на песчаном пляже обнаружили следы белого медведя. Самого хозяина Арктики нигде видно не было, но на душе стало беспокойно. Встреча с ним в этих условиях ничего хорошего не сулила, поэтому вечером двинулись дальше и к ночи были уже на знакомой нам фактории Мордыяха.

Отсюда на следующий день поднялись вверх по реке и до 27 июля работали на площадках. Жизнь в тундре кипела. В массе гнездились средние поморники – крупные хищные чайки в основном темного цвета, а изредка и полностью черные, со смешными хвостами, по которым их легко было узнать. Два средних рулевых пера в них повернуты перпендикулярно плоскости остальных, так что кажется, будто к хвосту птицы сзади прилеплена такая блямба. Средние поморники практически всегда гнездятся только там, где в большом количестве встречаются сибирские лемминги, хотя в пищу могут употреблять всё подряд, вплоть до отбросов. Но если лемминги многочисленны, значит, в изобилии имеется основной корм этих птиц. Так оно и было.

По тундре сновали песцы, таская своим щенятам добычу, из-под ног брызгами рассыпались выводки белых куропаток, в небе неустанно реяли зимняки, оглашая просторы своими заунывными криками. Сезон размножения был в разгаре, погода стояла прекрасная, теплая, а в конце июля даже прошла гроза.

Но по возвращении на факторию север о себе напомнил – похолодало, заморосил дождь, поднялся свежий ветер и на море заштормило. Так что нам пришлось здесь на три дня задержаться. Тогда фактория Мордыяха представляла собой крохотное поселение на плоском берегу в устье одноименной реки. Речной берег был устелен довольно крупными валунами. Казалось бы, откуда они?

Ведь на Ямале гор нет. А это – подарок ледников, десятки тысяч лет назад надвинувшихся на полуостров с севера. Они крошили скалы Новой Земли, обкатывали обломки и доставляли их на Ямал. Так камни здесь и появились, а море потом завершило их шлифовку.

На фактории были магазин, он же жилой дом, пекарня, склад, три балка и сарайчик. Я тут же взялся за поиск гнезд тех птиц, которые любят сооружать их в разных укрытиях. Нашлись несколько построек белых трясогузок и полярных «воробьев» – пуночек в разных нишах на зданиях. Но почти во всех птенцы уже покинули гнезда и держались с родителями поблизости. На полянках селились небольшие кулички – белохвостые песочники, над тундрой и вдоль берега летали чайки и поморники.

Хозяйничал в тот год на фактории старый знакомый командора Афанасий Васильевич Шумилов. Раньше он работал на фактории Усть-Юрибей, так что и другие сотрудники стационара с ним и его семьей были хорошо знакомы. В этот раз жена Афанасия Васильевича, Любовь Егоровна, улетела на «большую землю» решать вопросы по снабжению фактории товаром, тем более что в этот период покупателей здесь бывало немного.

Накануне нашего отъезда Афанасий нажарил огромную сковороду нежнейшей оленины с лучком и выставил из магазинного запасника бутылочку коньяка. Ужин получился не хуже, чем в столичных ресторанах, а такого спокойствия и тишины в окружающей природе, таких неспешных бесед о делах текущих и рассказов о невероятных случаях из жизни там и вовсе не найдешь...

Дорогу до Харасавэя благодаря мощному моторному тандему одолели быстро и без проблем. В этот раз на южном острове обнаружили буровую вышку – это геологоразведчики обследовали окрестности Крузенштернов-

ского газоконденсатного месторождения. Вдоль берега на всем пути было много гаг-гребенушек и кольчатых нерп. Так же успешно дошли до рабочих площадок на Сядоряхе. Здесь ситуация с леммингами оказалась вообще пиковой. Потом выяснилось, что такой же она была по всей арктической тундре полуострова. Зверьки встречались на каждом шагу – застигнутые врасплох, поднимались на задние лапки и угрожающе верещали. Конечно, угрозы эти не могли спасти от хищников – песцов, белых сов, зимняков и поморников: против их когтей, зубов и клювов лемминги были беззащитны и потому гибли в большом числе. Даже сопровождавший нас пес, крупная лайка Ингур, уже так насытился, что только иногда прихватывал зубами зверька и бросал. Но наши знания об этих грызунах пополнялись всё новыми сведениями о двух видах обитающих на Ямале леммингов – сибирском, или обском, и копытном. У средних поморников здесь уже появились птенцы. Успешно гнездились кулики, утки и другие птицы, а песцы без устали кормили своих щенят.

Далее шли вдоль полуострова, стараясь держаться ближе к берегу. В этой части Ямала такое возможно. По мере удаления от пляжей глубины начинают быстро расти, так сказать, волнообразно или барами: глубоко – отмель, еще глубже – отмель или бар, и так далее. Мы выбирали одну из достаточно глубоких дорожек и шли по ней – меньше влияние волны, а кроме того, на неглубоком месте сказывается эффект гидродинамического планирования. Лодка как бы приподнимается над водой и легко выходит на глиссирование даже при большой загрузке. При прочих аналогичных условиях на глубине на глиссирование можно вообще не выйти. Соответственно, теряем скорость и топливо.

Кстати, о пляжах и море. На северо-западном побережье Ямала они практически идеальны. Белый промытый

песочек, почти нет принесенного течениями человеческого мусора, девственная вода и комаров не видно. Ну, чисто ЮБК, те есть южный берег Крыма! Ан нет – это южный берег Карского моря. Для моржей и «моржей» в самый раз будет. Первые тут бывают, хотя и нечасто, а вторых не наблюдал, не довелось...

Восьмого августа после короткой экскурсии у Лайндтеяхи (или Пайндтеяхи – карты!) дошли до последней речушки перед полуостровом Лаптасале. Здесь пришлось задержаться до вечера – северо-восточный ветер был довольно свежим, а пролив Малыгина наверняка очень неспокойным, потому соваться туда в таких условиях было крайне неразумно. К ночи стало стихать, и мы решили выдвигаться дальше. Но допустили одну оплошность, о чем потом пришлось пожалеть, – не набрали запас пресной воды, полчайника только было с собой.

До мыса Скуратова дошли нормально, отмечая многочисленные стаи гаг, морянок и шилохвостей. Но как только стали поворачивать на восток, идиллия закончилась. Навстречу из пролива пошел крупный накат. Запахло жареным. Развернуться на такой волне нереально, захлестнет сразу, можно идти только вперед. Лодку колотит на валах, но она пока с ними справляется. Командор вцепился в штурвал, стараясь поудачнее направить лодку в набегающую волну. Я спешно снимаю с бортов весла и убираю внутрь, чтобы не слетели при ударах. Ингур забился к нам в ноги и затих. Справа тянется безжизненная многокилометровая песчаная пустыня, голая как лист фанеры.

Наконец, у мыса Головина на берегу показался какой-то небольшой холмик, вроде даже с травкой. Шеф принял решение выброститься на берег, что и удалось успешно сделать. Тут, у берега уже спокойнее. Пошли выяснять обстановку.

Несколько песчаных бугров, покрытых редкой растительностью, облюбовали крупные полярные чайки – бургомистры, более пятидесяти пар которых устроили здесь колонию. Здесь же поселились полярные крачки, пара халеев и несколько десятков черных казарок. В гнездах чаек и крачек и рядом с ними держались нелетные птенцы, а вот казарки при нашем появлении задали стрекача вместе с молодняком, и стаю их мы увидели уже далеко на горизонте. Гусей, даже нелетных, догнать невозможно – бегают как кони.

Возле бугров находилось небольшое озерко, точнее сказать, большая лужа. Здесь птицы любили отдыхать и обильно удобряли воду своими экскрементами. В результате в ней просто кишели мельчайшие рачки – дафнии и циклопы. Вода в придачу оказалась солоноватой. Но поскольку пресной водой перед дорогой мы не запаслись, пришлось довольствоваться этой. Соорудили из марли и ваты фильтр и процеживали. Сладкий чай на такой водице был отвратным, пить его не хотелось, но на суп и кашу она годилась.

На другой день мы обследовали гнездовье, отметили, что чайки за кормом летали через залив на основную часть Ямала, где без труда добывали многочисленных леммингов. К вечеру решили прогуляться к видневшемуся в паре километров второму бугру. Он оказался более зеленым, птичьих колоний тут не было, а в центре обнаружилось озерко чистой пресной воды. Ну надо же! Стоило нам раньше провести разведку, и не хлебали бы жижу из «домашней» лужи.

На мысе Головина пришлось ждать до утра, пока море не стало успокаиваться. Отсюда путь снова лежал на остров Белый. Но об этой части маршрута расскажу в отдельном очерке.

А далее – продолжение кругоямальского вояжа... Поздно вечером 14 августа мы снова пересекли пролив от острова и вышли к устью Яхадьяхи. Опять не обошлось без тумана, обычного для этих краев. Но, в общем, всё было нормально, и рабочую площадку на реке обследовали успешно. Я даже встретил на ней стоянку оленевода-частника из Сеяхи, забравшегося со своей семьей на самый север полуострова. Здесь и погода была прохладнее, и гнус не донимал животных. С дровами только сложнее – кустарника на костер собрать уже невозможно, приходится с собой возить запас плавника и очень экономно его расходовать. Пообщавшись с кочевниками и попив чайку, вернулся к палатке.

Погода стояла очень переменчивая. К вечеру накатывал туман, днем теплело, а то и гроза собиралась. Время поджимало – близился сезон осенних штормов, посему нам надо было вовремя убежать на юг. Семнадцатого августа юго-западный ветер стал крепчать, но мы решили все-таки идти вниз по реке, чтобы встать поблизости от моря и не тратить время на дорогу по Яхадьяхе, если ветер успокоится. А пока он и не думал стихать и усилился до штормового. На некоторых участках петляющей реки он дул прямо в лоб так, что временами становилось даже тревожно. Иногда возникало опасение, что при нашей скорости порывом может задрать нос уже достаточно облегченной лодки и перевернуть. Обошлось.

Остановку удалось сделать уже только в дельте реки, практически в «чистом поле» – ни холмов, ни оврагов поблизости, ни, конечно, кустов. Ты как на ладони при сбивающих с ног порывах ветра. С трудом нашли небольшой пятачок, куда можно было воткнуть палатку, но... со следами жизнедеятельности побывавших здесь людей, скорее всего сейсморазведчиков, о визите ко-

торых говорило скопление поблизости нескольких десятков пустых железных бочек из-под топлива. Делать нечего – пришлось зачищать территорию и строить из бочек заслон от ветра. Однако, пока ставили брезентушку, ее успело нанизать на стойку палатки и порвать. Зашивали на ходу и в итоге устроились.

Теперь надо было подумать о хлебе насущном, а прежде всего о воде. В реке она была уже осолоненная. И, как назло, в окрестностях стоянки не нашлось ни одного озера. Вторая наша ошибка за экспедицию! Воду я обнаружил только в старой вездеходной колее, проложенной по суглинистой почве, мутную и крайне неаппетитную. Снова пришлось сооружать фильтр и насколько возможно очищать ее. Такой урок природы: хотя в тундре воды с избытком, но не везде это так на морском побережье.

Со стоянки ушли еще по волне, но ждать больше было нельзя. Через восемь часов дошли до участка на Тамбее. По дороге встретили стаи малых чаек, которые гнездятся в низовьях Оби, а после поднятия молодняка на крыло решили прогуляться до побережья Карского моря. Везде попадались уже обычные морянки и полярные крачки. На Тамбее картина была такой же, как и по всему северу полуострова. Множество леммингов, средних поморников, гаг-гребенушек с выводками. У части поморников птенцы уже летали. Всё говорило о скором завершении успешного гнездового сезона для большинства птиц.

Покинув реку, заглянули в поселочек Тамбей и взяли курс на юг. Стоял мертвый штиль, воздух замер, но Обская губа дышала – вздымалась очень длинными и очень пологими волнами, даже не волнами, а такими поднятиями и спадами, словно грудь живого существа: вдох, выдох, вдох, выдох... Наша лодка летела по бескрайней водной глади, с легким шипением входя форштевнем в воду

на подъеме и легко соскальзывая в очередную низину. Такая необычная картина, я ее очень хорошо запомнил, поскольку чаще приходилось на волнах трястись как по булыжной мостовой.

Две остановки, у мыса Поруй и на побережье губы южнее Сеяхи, окончательно закрепили наши впечатления об удачных итогах года для тундровой фауны. В гнездах зимняков сидели уже крупные оперяющиеся птенцы, постоянно попадались на маршрутах пары средних поморников с летними молодыми. На озерах тут и там можно было видеть пары чернозобых и краснозобых гагар с птенцами и скопления гусей, в которых молодняк размерами уже не сильно отличался от родителей. Щенячьи следы или любопытные малыши на песцовых норах говорили, что и у этих полярных лисичек дела идут неплохо. Лето быстро катилось к закату. В конце августа ночи уже стали темными, тем более что мы всё дальше уходили на юг из страны полуночного солнца.

Последний переход закончился на подбазе в устье Нурмаяхи немного севернее поселка Мыс Каменный. Здесь стояли сразу несколько самоходок, доставивших разнообразные грузы для геологов, авиаторов и других жителей селения. А для нас была возможность закончить путешествие, добравшись на одной из них до Салехарда по вновь беспокойным водам Обской губы.

Что может быть желаннее, чем родной дом после дальнего странствия? А позади остались почти триста семьдесят километров только пеших маршрутов и сотни лодочных, заполненные записями страницы полевого дневника и незабываемые впечатления от встреч с северной природой и северными людьми. И это – на всю жизнь.

ОСТРОВ ТУМАНОВ

Знакомство

Лодка сиротливо приткнулась к пустынному песчаному пляжу. Мы молча стояли рядом, напряженно вглядываясь туда, где небо сливалось с волнами моря. Там, на севере, отделенная девятью километрами пролива Малыгина, то ли виднелась, то ли угадывалась далекая цель нашего путешествия – загадочный остров Белый.

Мы – это два зоолога лабытнангского стационара: мой начальник (он же капитан-механик), инициатор и руководитель предприятия Вячеслав Федорович Сосин, и я, ваш покорный слуга, выступающий в роли очевидца-летописца, а в путешествии бывший также матросом, боцманом и штурманом.

Стремление побывать на острове было продиктовано, прежде всего, профессиональным интересом, поскольку в научном отношении он представлял собой если и не вполне белое, то изрядно беловатое пятно. Зоологов здесь побывало всего несколько человек, а подробное и самое «свежее» описание его животного мира имело тогда, в 1981 году, солидный полувековой возраст. Это нас очень воодушевляло. И вот теперь до цели оставались буквально два шага.

Первое знакомство с Белым состоялось почти прозаически, если иметь в виду чрезвычайные обстоятельства. То есть получилось так, что ехали, ехали и приехали... Запомнилось, правда, что в тот день мы оказались в созвездии великолепных полярных исследователей-путешественников – Скуратова, Головина, Малыгина и Житкова. Именами этих героических русских землепроходцев названы четыре мыса на северо-западе Ямала и у юго-западной оконечности острова, где мы и находились в первый день посещения Белого.

Конечно, условия плавания в проливе Малыгина, тем более на лодчонках типа «Обь-М» (наша первая посудина), да даже и на «Казанке-5М2» (вторая рабочая «шхуна»), исключительно сложны – прибрежные отмели, быстрое течение, непрерывная и беспорядочная толчея волн, рожденная противоборством воздушной и водной стихий, частые внезапные шквалистые ветры и слепые туманы: всё требует держать ухо остро. И хотя расстояние в западной части пролива не так велико, на сердце было беспокойно. Случись что с мотором, ситуация станет критической. На веслах на тяжелой лодке при течении в проливе до пяти-шести километров в час и ветре выгresti практически нереально. Вынесет на запад в Карское море как нечего делать, а там до Новой Земли и Вайгача пути открыты...

Но в первую перевалку всё прошло сравнительно спокойно, хотя на середине пути волнение действительно оказалось крайне опасным – трудно было угадать, как поведет себя каждый вал в условиях, когда направления ветра и течения не совпадают, а к этому добавляются еще и водовороты. Добрались до мыса Малыгина, где действительно обнаружили множество бочек с остатками бензина и автола, о которых нам говорили ребята из Харасавзя. Это сильно нас выручило. А с одним из наших «гидов», Геннадием, я потом встретился, – лет через восемь. В другом месте и при совсем обыкновенных житейских обстоятельствах. Он был так же обстоятельно благоустроен в самых неподходящих для комфорта условиях, так же уверен в своих силах и жизнерадостен, как и раньше, когда выживал на просторах тундры. От той встречи осталась у меня на память фотография. На ней – одинокий балок у реки, два полевика в обтрепанной одежде, а за ними – тундра, тундра, тундра...

И вот мы на месте. Лишь ощутив под ногами дно противоположного отмелого берега, почувствовали облегчение, проснувшийся азарт первооткрывателей и зверский аппетит. Лагерь разбили на одном из мысов на юго-западе острова. Твердая песчаная отмель переходит здесь в усыпанный необильным плавником и всякой не тонущей и путешествующей по морям мелочью – оторвавшимся от сетей кухтылями, пенопластом, пластиковыми флаконами из-под шампуня и закупоренными пустыми бутылками фирменного темного стекла с рельефными «визитками», указывающими на их происхождение из Шотландии или Германии. Морской мусор интернационален, он не знает границ. Можно сказать, что загрязнение моря нас всех объединяет и уравнивает. Смею вас уверить, там, на Белом, была изрядная доля и нашего, местного вложения.

Поодаль от берега виднелась небольшая триангуляционная вышка, а вокруг нее обнаружили следы вездехода. К западу на противоположном берегу залива Паха в туманной дымке виднелся балок. Воистину, нелегко найти на планете уголок, где не напомнил бы о своем существовании человек.

Первыми нас приветствовали пуночки, деловито шнырявшие в навале плавника, и поднявшиеся с отмели бургомистры – крупные морские чайки, озабоченно «обсуждавшие» новое явление несолидным для своего веса и названия сиплым фальцетом.

В этот день остров встретил нас сухой и теплой погодой, ярким, но не жарким солнцем. Чисто и весело сияли приморские пляжи, омываемые легким накатом волны... Казалось, что мы совсем и не забирались в дальние северные края за сотни километров от дома.

Но уже на следующее утро потянуло из «гнилого» северо-западного угла, посеялась невидимая глазу морось, промозгло и низко-низко надвинулись на землю тучи, сомкнувшись с липким туманом, наползшим с моря. Волглые штормовки облепили плечи, отсырели листы в записной книжке и гасли поминутно папиросы. Не верилось, что может здесь быть иначе, не верилось, что страна туманов – всего лишь небольшая полоска приморской ямальской тундры и соседних островов. Тундра была привычна и... незнакома. Приморье, остров – оказалось, что это иначе, чем на материке.

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Что ощущает человек, попадая в края, которые до него посещали совсем немногие люди? Ему представляется, по крайней мере я это по себе заметил, что вокруг много всяких приметных мест, коим не удосужились, судя по всему, дать приличествующих названий. Топонимическое творческое настроение не замедлило меня охватить на острове, и в порыве его я нарек мыс, приютивший нас. Разумеется, именем женским, в полном соответствии с романтическим периодом бытия и возрастом путешествующего.

Святая наивность! Карта-трехкилометровка ввела меня в заблуждение, а потом, после знакомства с более детальной съемкой, в неизбежное разочарование. Всё мало-мальски значительное давно уже и замечено, и внесено в соответствующий реестрик, и названо прежде нас. Утешало лишь то, что в смысле топонимического азарта я был не одинок – картографы дают этому участку по-

Остров

бережья два названия: русское – мыс Житкова, в честь известного зоолога Бориса Михайловича Житкова, побывавшего в этих краях в начале XX века, и ненецкое – Седе-Хаген-Сале. Так что мое крещение оказалось даже не вторым.

Вообще, изучение карт, с моей точки зрения, очень увлекательное и полезное занятие. Это касается как мест, где уже побывал, так и тех краев, куда еще только собираешься. В первом случае закрепляешь знания, представления о территории, как бы фиксируешь увиденное. Во втором – будишь фантазию, пытаешься въяве представить сухую схему условных знаков, проговариваешь незнакомую пока вязь географических названий, расшифровывая их и оживляя...

Собственно, и первое знакомство с островом было заочным. Разглядывая карту Ямала, не раз я останавливался на кусочке суши, шапкой нависшем с севера над полуостровом. Белый, остров Белый... Очень естественная складывается ассоциация (и я где-то об этом уже читал): Ямал потому и зовут седым, что его венчает, как копной волос, остров Белый. А Белый, очевидно, потому, что большую часть года запорошен он снегом, а летом сухие возвышенности, покрытые беловатым ягелем, прячутся за пеленой белесых туманов.

Каков он? Что там, за семьдесят третьей параллелью? Как туда можно попасть? Так думал я, когда заканчивал школу в поселке Яр-Сале.

Невероятно, но судьбе было угодно, чтобы уже через десяток лет мне пришлось с северного берега Ямала отыскивать в бинокль дрожащие миражом неясные очертания далекого острова. А в начале 1980-х годов дважды побывать на южном берегу Белого и провести здесь почти пару недель. Карта материализовалась, приобрела черты реального мира.

Итак, мы попали туда, где почти никого не было. Есть шанс получить редчайшие наблюдения. Но времени в обрез. Значит – вперед! За находками!

Однако вначале об острове. Попадая в новые места, непроизвольно, видимо профессионально, отмечаешь их особенные черты, отличные от других районов, где был ранее. Максимальные размеры острова – примерно пятьдесят на пятьдесят семь километров, а площадь немногим не достигает двух тысяч квадратных километров, так что в этой части Арктического бассейна он самый крупный. От Ямальского полуострова остров отделен проливом Малыгина, ширина которого в самом узком месте, на западе, составляет девять километров, а к востоку возрастает до двадцати-тридцати.

Белый весь какой-то одномерный, плоский, сглаженный, с чередованием сухих песчаных возвышенностей и заболоченных понижений. Над морем он возвышается максимум на двадцать с небольшим метров. Рельеф острова сильно выположен – долины речек и ручьев с неглубокими врезами, а по сторонам возвышаются невысокие горушки, занятые сухой лишайниковой тундрой. По берегу моря тянутся обрывы, но назвать их этим словом язык не поворачивается – это не обрывы, а «обрывчики», так будет точнее. А, кроме того, всю картину дополняют болота, весьма на острове обширные. Есть на нем несколько коротких речек, в низовьях которых сильно ощущаются приливно-отливные явления, и множество неглубоких термокарстовых озер.

В целом остров создает ощущение аккуратности и изыщества. Может быть, оно усиливается от того, что человек почти не оставил здесь следов своей деятельности

(кроме тех, что обнаруживаются в зоне прибоя). Очень редки вездеходные проезды. Кое-где по южному берегу есть охотничьи избы. В 1983 году, правда, на острове появилась буровая. Это помимо уже существовавших небольших обитаемых пунктов – полярной метеостанции имени М. В. Попова на западном побережье и пограничной заставы на северном.

Позднее два пожара, случившихся на метеостанции на рубеже XX и XXI веков, нанесли ей серьезный ущерб, и на ней осталась работать лишь небольшая группа полярников. От военной базы сохранились только заброшенные помещения казарм и другие постройки, оставленная военная техника. Разведка нефтегазовых месторождений успехом не увенчалась. Но в местах ее проведения оборудование, сырье и многое другое, что было привезено для работы, осталось. А так следов человека, по крайней мере на южной стороне, здесь почти не видно.

Сухие водоразделы покрыты беловато-серым, а кое-где особенно характерным для острова черным лишайником. Идешь по этим местам, как по хорошей асфальтированной дороге. Побогаче растительность в понижениях, в долинках ручьев. Иногда можно даже отыскать мелкие кустики ивы. Совсем иная местность в низинах с множеством озер, где преобладают вязкие моховые болота. И хотя утомительно километр за километром чавкать по ним сапогами, по богатству жизни низины превосходят сухие водораздельные тундры.

Наконец, абсолютно плоские приморские равнины (тампы, или лайды) заняты своеобразной растительностью, устойчивой к засолению. Здесь много неглубоких, причудливых по форме озер с красноватым илом на дне.

В современных интернет-источниках я обнаружил сообщения, что лето тут прохладное, но солнечное. Что-то не заметил – может, потому, что был здесь в его конце? Климат на острове морской. Быстрая смена погоды, частые дожди и туманы, сырость, ветер – вот они, знакомые по книгам, а теперь вживую прочувствованные приметы этого климата. Из тех немногих дней, что удалось провести нам на Белом, каждый второй донимали дожди и туманы. И это – в лучшую пору начала августа.

В один из таких непроглядных туманов я заблудился, что редко со мной бывало в тундре, и прошагал лишней десяток километров. В другие дни постоянно и с повышенным вниманием контролировал свое движение. Во время и первого, и второго возвращения на материк мы выходили при ясном небе, но почти сразу попадали в полосу такого густого тумана, что не было видно ни зги. Двигались, доверившись компасу, пока не утыкались в ямальский берег. Вот потому-то Белый навсегда остался в памяти моей островом туманов.

РАБОТА И БЫТ

Плохой погоды, как в песне, нет не только у природы, но и у «научника», попавшего в места «столь отдаленные». Азарт первооткрывателя подхлестывал нас использовать каждую более или менее погожую минуту для обследования острова.

Перво-наперво установили возле места высадки палатку. Укрытый на случай сильных ветров здесь не было, но с погодой обошлось. Правда, в один из вечеров шеф обратил внимание на багровеющий запад, предвестник шторма. Мы даже притащили несколько бревен плавника

и по ним выкатили лодку подальше на пляж. Однако достаточно надежный прогноз, к счастью, не оправдался. С дровами и водой всё было в норме, комаров не наблюдалось. Оставалось только отправляться в маршруты, чем мы и занялись.

Сразу стали попадаться уже покинутые гнезда гаг – их можно было заметить издали по знаменитому пуху, перемешанному с сухой травой, которым самки укрывали кладку яиц, когда уходили покормиться. Выводки уже держались на озерах. По берегам небольших озер или в зарослях прибрежной осоки встречались гнезда краснозобых гагар, а на водной глади – выводки белолобых гусей. Везде попадались разные кулики, одни еще с птенцами, другие уже сбившиеся в предотлетные стаи. А вот привычных на материке морянок было мало, а залетевшего сюда зимняка так вообще только одного и встретили. Держались здесь, но не размножались белые совы и поморники. Всё понятно – бескормица, леммингов не было совсем, в наши давилки мы ничего не поймали и даже следов пребывания пеструшек не встречали.

Ориентироваться в тундре оказалось непросто. Одной из причин, как я уже отметил, были туманы, а второй – наличие у нас в этой поездке только одной карты-трехкилометровки, с которой я сделал копию окрестностей лагеря на листочек кальки в полевом дневнике. Сама такая карта не очень информативна, а уж кроки или абрисы с нее тем более. Так что порой работать приходилось как ежику в тумане из мультфильма. В одном месте, помню, вдруг вылезло ко мне из пелены нечто темное, сразу и не разберешь. Оказалось, важенка с теленком подошла и вынюхивает – что за непривычные запахи доносятся. Потом так же молча растворилась с подростом малышом в молочной дали.

Но надо было работать, используя все возможности. Мне особенно полюбили побережье залива Паха. По-ненецки, как я понимаю, все заливы – это «паха», острова – «нго», озера – «то», реки – «яха», и так далее. Берег этот периодически подвергался затоплению морской водой, был покрыт невысокой травянистой растительностью, которая выдерживает большую концентрацию соли в почве. В отложениях красноватого ила на дне и в воде многочисленных мелководных озерков самых невероятных очертаний были прекрасные условия для развития разных беспозвоночных – моллюсков, червей и ракообразных. Как результат, здесь в массе бродили кулики разных видов, за которыми без труда можно было вести наблюдения. Совсем рядом плавали выводки гребенушек.

Наши дневники заполнялись новыми записями, а время возможного пребывания на острове стремительно таяло. И уже 5 августа мы взяли курс на Ямал прямо от места нашей стоянки на мысе Житкова.

Вторую поездку на Белый начали так же, как и первую, с мыса Головина, только в этот раз дольше на нем задержались. Да и лодка была уже мореходнее и с двумя моторами. Однако перевалка оказалась более нервной. После нашего вынужденного сидения на песках Лаптасале из-за ветра волнение моря не вполне улеглось, а в проливе оказалось еще сильнее, чем представлялось с берега. Примерно на середине пути соленой волной плеснуло под двигатель, вероятно, закоротило свечу нижнего цилиндра, но «Вихорек» продолжал работать на одном. Через небольшое время история повторилась на втором моторе. Мы остались с двумя моторами, каждый из которых тянул только на верхнем цилиндре. Нервы были на взводе – еще один подарок от пролива,

и можем не дотянуть оставшиеся километры. Обошлось и на этот раз.

Так же вышли к мысу Малыгина и отсюда повернули вдоль южного берега Белого на восток, к району работ. Справа вдали на волнах пролива качалась почти непрерывная полоса линяющих уток – гаг и морянок. Слева проплывали пустынные песчаные откосы. И вдруг смотрим – на мелководье в сотне метров от берега стоит олень, крупный бык, никуда от нас не убегает. Что стало причиной необычного поведения животного? Когда мы дошли до намеченного пункта остановки, это прояснилось. Разгружая лодку у охотничьей избушки, наткнулись на свежие волчьи следы, отчетливо видневшиеся на илистой отмели, – только что здесь прошла семья волков. Судя по всему, звери скрадывали оленя, вынудив спастись от них на мелководье, а мы хищникам охоту испортили.

Место для базового лагеря выбрали у объединенного устья двух рек, одна из которых называлась Няхраха, или Третья речка. На мысу между нею и морем виднелась небольшая охотничья избушка. На острове в свое время промышлял песцов охотник из поселка Сеяха Петр Мирошников. Скорее всего, здесь он и останавливался, когда объезжал свои ловчие снасти, выставленные по морскому берегу, где особенно любят рыскать полярные лисички в поисках корма. Но к этому времени изба, видимо, давно уже не посещалась. Внутри еще сохранялся порядок, но крыша была проломлена – то ли медведь на нее забрался и пытался проникнуть внутрь в поисках чего-нибудь съестного, то ли снег, дожди и время сделали свое дело.

Но нас она устраивала – защита от ветра надежная, а пролом в крыше закрыли палаткой. На другой

стороне залива нашли несколько кирпичей да железную панцирную сетку от кровати, и больше никаких следов пребывания человека.

Отсюда и заложили маршруты по острову. Я прихватил с собой ружьишко – во-первых, про волчков помнил, да вдруг и мишка появится, не приведи господи... Кроме того, могли встретиться интересные виды птиц, которых можно было определить только держа в руках. Так и получилось – удалось добыть одного кулика, о гнездовании которого на Белом пока не было известно. Медведей и волков не видел, но нашел одно логово – размеры входа в него, следы крупных когтей на стенках и разбросанные рядом оленьи кости говорили, что серые тут бывали.

Обнаружилось и несколько необычных находок – головные части небольших ракет с парашютами. Одну такую штукину прихватил с собой. Как выяснилось в лагере, командор тоже наткнулся на аналогичную и принес для изучения. В общем, это были метеоракеты для исследования атмосферы и передачи ее состояния на разных высотах. В то время ракетное зондирование осуществляли, скорее всего, с метеостанции Попова, где была такая установка, а отработавшие части падали на остров. Хотя, может, и с острова Хейса, что в архипелаге Земли Франца-Иосифа, долетали? Но маловероятно – далекоовато всё же.

Среди находок нас особенно заинтересовали парашюты – они хоть и с рядом необходимых отверстий были сделаны, но из очень легкого и прочного материала. Потом мы из него шили удобные мешки для разной клади, а стропы оказались весьма полезными шнурами для хозяйственных целей.

Вячеслав Федорович даже запечатлел меня на фото с парашютом. Это оказалась единственная и такая

странная фотография с Белого. Вообще из всех поездок 1980–90-х годов осталось очень мало снимков и, как правило, плохонького качества. Не придавали мы большого значения документированию своих поездок, часто просто не было времени на съемки, все делом занимались, не до того. Это уж потом, с появлением новой техники, особенно «цифры», всё стало проще: навел, нажал, и фото готово.

ЖИВАЯ ПРИРОДА

Животный мир – еще одна тема моего рассказа о Белом. И так, вокруг него – море, а значит, остров нельзя описать, не говоря о морских животных. Начну с тех, на которых держится остальная жизнь. Существование большого числа рыб, млекопитающих и особенно птиц зависит от морских моллюсков – ракушек, крупных морских раков-бокоплавов и мелкой рыбы. Арктические моря гораздо продуктивнее соседней суши, и чем дальше на север, тем справедливее это экологическое правило. В самом сердце Арктики существуют многотысячные базары чистиковых птиц, которые кормятся в море. Наземные же обитатели островов крайне малочисленны и обычно приспособлены к поеданию всего мало-мальски подходящего в пищу.

На острове Белом птичьих базаров нет. Во-первых, потому, что он не скалистый, а низменный, а во-вторых, потому, что продуктивность Карского моря в этом районе не очень высока, а море достаточно ледовитое, то есть поздно освобождающееся ото льда. Но на численности некоторых животных близость моря как источника пищи сказывается.

Начнем с морских обитателей. Ловить рыбу на острове мне не пришлось, хотя по опыту добычи на соседнем северном берегу Ямала знаю, что в устьях имеющихся речушек и возле побережья, скорее всего, можно рассчитывать на поимку омуля, камбалы, наваги и бычков.

У берегов Белого самым обычным млекопитающим является кольчатая нерпа. Гораздо реже можно встретить морского зайца, или лахтака, белуху, еще реже моржа и, возможно, даже такого экзотического полярного дельфина, как нарвал, или единорог, и китов.

Только со льдами, то есть обычно осенью и зимой, в эти места забредают белые медведи. На острове они в норме не размножаются, по крайней мере, до сих пор здесь была известна только одна берлога. Но много позже, спустя 30 лет, эти полярники стали чаще встречаться на Белом в летнее время, что связывают со снижением ледовитости арктических морей из-за потепления климата. Такие застрявшие на суше звери не могут нормально охотиться на тюленей, свою привычную добычу. В отсутствие льдов свои навыки медведям применить невозможно – в воде тюленя не поймашь. А на берегу тоже поживиться почти нечем. Вот и рыщут голодные хищники везде, идут к человеческому жилью на запахи, подбирают всё более или менее съедобное и одновременно создают проблемы для людей.

Звериная же мелочь вела себя во время наших визитов исключительно скромно – только кости из погадок сов и поморников рассказали об обитании здесь двух видов леммингов. И если в 1981 году на материке тоже был спад численности грызунов, то во время второй нашей поездки там лемминги изобиловали, но не на острове. Оказалось, что обилие зверьков на двух соседних участках тундры меняется по-разному. В дальней-

шем это было прослежено и на всем севере региона, и по всей Арктике.

Белый – одно из последних пристанищ крупных стад дикого северного оленя на севере Ямало-Ненецкого автономного округа (на полуостровах и соседних островах). Встречи с «дикарями» происходили на каждом маршруте. То выскочит из тумана важенка с рослым уже теленком, то на берегу озера вспугнешь пару могучих быков, то вдали на бугре, на пределе видимости замаячит небольшое стадо. И постоянно попадают останки погибших животных – виной тому болезни, бескормица, волки, люди. Не скажу, что последняя причина главная, важнее всего, вероятно, недостаток корма. Однако раньше зимой «дикарь» уходил с Белого на материк, где пастбища всё же побогаче. Но разросшееся в последние десятилетия стадо домашних оленей (и предприятий, и частных) осваивает Ямал практически полностью и просто выжимает стада «дикарей» в самые глухие, а фактически и самые бескормные места.

Парадоксы нашей экономики зеркально отражаются и в животном мире: «дикарь» (то есть олень сам по себе, который гуляет, где хочет) может выжить там, где олень общественный (личный)... Ну, в общем, мяса не дает. Вопрос, впрочем, серьезный. Во время наших визитов на остров численность оленей здесь оценивалась примерно в две тысячи голов, и популяция их находилась под угрозой. Меры же охраны природы были чисто декларативные и бумажные. Как и во многих других случаях. Возможно, в последние годы ситуация стала меняться...

Северо-запад Ямала и остров Белый – место достаточно высокой численности волка. Я понимаю, что для

практика-оленевода к сему хищнику двойственного отношения быть не может. Но понимаю также, что у эколога не может быть к волку отношения однозначного. Развернувшаяся в свое время дискуссия о вреде и пользе волков, о необходимости уничтожения их или регуляции численности, похоже, окончательно угасла. Всем уже стало ясно, что неприемлемо как полное уничтожение вида, уникального творения природы и важнейшего звена биологических процессов, так и отказ от какой-либо регуляции его численности в сельскохозяйственных регионах. На Белом, похоже, пока сохраняется естественное течение событий, когда и овцы целы (конечно, не поодиночке, а в купе), и волки сыты. Увидеть самих этих осторожных хищников – большая редкость. Легче обнаружить какие-то признаки их присутствия. Но и те немногие случаи, о которых я уже упомянул, когда удавалось почувствовать соседство с волками, надолго остались в памяти.

Обычный зверек на острове – песец. Впрочем, Белый не богат песцовыми норами, отчасти, вероятно, из-за того, что подъемы численности леммингов, основного корма этих полярных лисиц, здесь случаются реже, чем на Ямале. Но зимой, в годы бескормицы в тундре, у моря, на припае худо-бедно, а можно прокормиться. Поэтому сюда стягивается много зверьков из внутренних районов острова и с материка, обеспечивая неплохой промысел.

Птицы Белого – особая страница в моем рассказе. Во-первых, потому, что я ими больше занимался, во-вторых, из-за обнаружения целого ряда различий с соседним Ямалом. Хотя остров отделен от него нешироким (всего-то десять-тридцать километров) проливом, который не представляет значительной преграды для

птиц, его пернатое население заметно отличается от материкового.

На Белом очень мало мелких воробьиных птиц – изредка попадутся рогатый жаворонок, подорожник, да на побережье почаще встретишь пуночку. Зато куликам тут раздолье. Изобилие тулесов, множество чернозобиков, куликов-воробьев, камнешарок, краснозобиков, гнездятся редкостные на Ямале морские песочники.

Сразу бросается в глаза многочисленность краснозобых гагар. Они предпочитают гнездиться на берегах маленьких тундровых озер, но за кормом летают в море. Водоемы, особенно в 1983 году, кишели выводками гаги-гребенушки, а вот морянок – самых обычных на полуострове уток, было мало, если не считать стаи линяющих птиц на немногих крупных озерах и тысячные скопления линных самцов в проливе Малыгина. Белый – важнейший естественный инкубатор для белолобых гусей. Их ближайшие родичи гуменники уже на севере Ямала малочисленны, а вот выводки белолобиков встречались на острове везде.

Белых куропаток на острове не видели, здесь живут куропатки тундряные – не такие крупные и крикливые. Не устраивают условия на Белом и зимняков – леммингов часто нет, веток на строительство гнезда тоже...

Но ветхозаветный покой и первозданная чистота, обилие пищи и отсутствие хищников привлекают сюда в конце лета многочисленные стаи перелинявших шилохвостей, куликов – малых веретенников и других птиц. Залетают сюда даже малые чайки, которые севернее устья Оби не гнездятся.

Невольно напрашивается определение: места, где не ступала нога человека. Но... Ступала, в том-то и дело. Хотя и это не главное. Ступала ведь в те времена еще

очень робко. Ну, пара поселочков, буровая, один-два проезда вездеходов, порой пролетит вертолет. Страшно не присутствие людей, которое, мы знаем, необходимо здесь и выкристаллизовывается в прогнозы погоды и ледовой обстановки на морском пути, пушнину или месторождения газа. Опасно непонимание значимости территории, на которой люди живут, непонимание того, какими непреходящими и, возможно, невосстановимыми сокровищами они владеют.

В последнее время мы, кажется, начинаем обретать чувство своей земли, чувство хозяина. Но пока нарисованная на карте граница заказника – весьма слабый аргумент в деле защиты природы Белого. Хотя «приборка» в родном доме, о которой не раз говорил Никита Сергеевич Михалков, похоже, наконец-то началась, в том числе и на острове туманов.

ПРОЩАНИЕ

В августе 1983 года окончательно покидаем остров. Но прощальный привет Белому запомнился еще при возвращении с него двумя годами ранее, о чем я уже рассказывал в одном из очерков. Мы сидим у костра на северном берегу Ямала. Ночь. Штиль. С материка ползет туман, низко клубясь над тундрой. У берега на мелководье позвякивает осыпающимися ледяными столбиками стамуха, источенная солеными волнами. Течение в проливе резко влечет на запад льдины. Вдруг беззвучно показалась над водой черная блестящая голова нерпы и с угадываемым вздохом снова исчезла.

Прямо на севере над горизонтом, едва окунаясь в море, плавится в струящейся водяной мгле раскаленное, но от-

сюда ощутимо нежаркое солнце. Август, знак скорой осени и холодов, предвестье белого безмолвия...

Где-то там остался наш остров, теперь уже наш. Всё еще таинственный и скрывающий многие свои тайны, но уже не мифический, а реальный, живой.

ГОЛУБАЯ ПЕНТА ЮРИБЕЯ

Мой Юрибей

На этой реке прошли восемь моих полевых сезонов, и сюда я не раз прилетал с короткими визитами. Юрибей – очень значительная часть моей жизни и работы. Конечно, в одном очерке об этой реке не расскажешь. Как на нескольких страницах текста передать всю гамму воспоминаний, впечатлений, эмоций?

Поэтому сейчас – только эскиз, общие черты, а наши поездки по Юрибею еще впереди. Итак, мы начинаем знакомство с рекой почти с ее истоков... Подкачали топливо грушей на шланге с бензобака, подсос, рывок шнуром запуска. Схватил, взревел «Вихорек»! Реверс! И пошли вниз... Начинает разматываться голубая лента.

Почти в любой местности есть главная река, во многом определяющая облик района, природу, особенности жизни людей. За примерами далеко ходить не надо – Волга и Средняя Россия, Обь и Западная Сибирь, Амур и Дальний Восток. Последнее, впрочем, уже далековато, но есть, пожалуй, такая река и поближе, на Ямале (хотя мое мнение можно считать и субъективным). Несомненно, однако, что Юрибей – самая заметная река полуострова. Начало она берет из озер Ярато (или Яррото). Точнее будет сказать, что от озера Ярато 2-е начинается собственно Левый Юрибей, который уже в истоках достаточно солиден (по рассказам очевидцев, сюда по весне даже белухи могут подниматься). Его правый собрат, вытекающий из озера Ярато 1-е, заметно уступает ему по полноводности. Ниже их слияния река становится мощнее, русло ее повсюду глубоко, хотя порой причудливо петляет среди кос и мелководий.

Верховья реки довольно однообразны – невысокие обрывчики на поворотах сменяются пологими берегами

плесов с куртинами ивняков и ольхи. Двигаясь вниз по течению, замечаешь, что ольха постепенно изреживается, темно-зеленые ее кусты мало-помалу замещаются ивами, листья которых гораздо светлее. Ниже фактории Тарка-Сале, расположенной при слиянии Левого и Правого Юрибея (о чем говорит и само название поселения), ольха встречается только в немногих благоприятных для нее местах. Первую треть своего пути река проложила почти прямо на север, незаметно меняются условия жизни, и вот уже не все обитатели южной тундры способны выстоять в нелегкой борьбе за существование.

Для путешествующего даже такое забытое богом и начальством место, как фактория Тарка-Сале, – желанный пункт, где можно пополнить запасы провизии и просто побеседовать с людьми. Жаль только, что для оленеводов, маршруты касланий которых проходят в этом районе, на фактории нет ни помещения для отдыха, ни многих жизненно необходимых товаров. Во всяком случае, так было лет тридцать назад.

Мы покидаем факторию. Впереди предстоит встречи с примечательными местами, по которым и ориентируешься на реке, и отсчитываешь пройденный путь.

Километрах в двадцати ниже фактории начинается самый интересный участок реки. Однообразие низких берегов здесь нарушают более десятка обрывов, да не каких-нибудь захудалых, а солидных, по ямальским меркам, яров высотой до сорока и более метров и длиной до трех километров. Меняются высота и протяженность обрывов, состав слагающих их грунтов, растительность на склонах – потому и не найти двух похожих. Вот короткий, но высокий сумрачный утес с крутыми рушащимися откосами в потоках грязной жижи. Он обращен лицом на запад, а в глубокие расселины яра солнце заглядывает

лишь вечером. Здесь долго, порой до августа, лежит волнистый спекшийся снег.

А этот обрыв веселый – глядит на юг, и потому прогреет солнцем, склоны треугольных троговых долиннок заросли ивняком, полынью, на небольших полянках цветут синюха, раковая шейка, гвоздика.

Район среднего течения Юрибея с множеством обрывов изумляет обилием и разнообразием птиц. В конце июля река кишит выводками гусей, с воды взлетают многочисленные утки, в воздухе то и дело замечаешь парящих канюков и чаек. Невольно запоминаются редкие или даже экзотические для этих мест «южане»: болотная сова, полевой лунь, утки – свиязь, широконоска, гоголь, разная птичья мелочь – ласточка-береговушка, пеночка-таловка. Здесь можно увидеть и лебедей, и орлана-белохвоста, и пискульку, то есть тех птиц, которые находятся под строжайшей охраной.

Однако несомненную славу этих мест создают уникальные гнездовья сокола сапсана и краснозобой казарки. Сапсан населяет весь полуостров, но, вероятно, нигде более нет участков тундры с такой плотностью населения птиц. Тут каждый береговой обрыв хотя бы раз в несколько лет занимается парами сапсанов, многие места заселяются ежегодно или почти из года в год. И всё это на небольшой, в общем-то, территории. Для сокола юрибейские обрывы – наилучшее место для постройки гнезд. Они высоки, обеспечивают хороший обзор для охоты и при разрушении образуют немало мысов, на которых гнездо надежно защищено от наземных врагов. Да и пойма реки у подножья обрывов обширна и богата пернатыми, которых сапсан промышляет.

Среднее течение Юрибея является единственным на Ямале местом, где в относительно большом числе гнез-

дится краснозобая казарка. В немногих других районах средней части полуострова встречаются лишь единичные гнездовые пары и держатся линияющие птицы. Соседство с сапсаном – неплохая гарантия сохранности гнезда казарки от любителей полакомиться его содержимым. Впрочем, некоторые пары довольствуются и менее надежной защитой, соседствуя с мохноногим канюком, или зимняком. Хищник этот не столь агрессивен, как сапсан, но при защите своей территории от вторжения непрошенных гостей песцу с ним лучше всё же не встречаться.

Казарки строят свои гнезда порой совсем рядом с гнездами сапсанов. Самки сидят на яйцах плотно, ничем не выдавая своего присутствия; иногда позволяют фотографировать себя с расстояния в два-три метра. Самцы держатся поблизости или, что бывает чаще, слетают на речку и беспокоятся у проезжающей лодки. Под обрывами же встречаются и выводки казарок. Надо сказать, что и сапсан, и казарка, прекрасно приспособившиеся за долгие годы эволюции к жизни в суровых условиях Севера, совершенно беззащитны во время размножения перед человеком, тем более браконьером.

Примечательны эти места и тем, что в толще осадочных пород, размываемых рекой, захоронены останки живых существ, населявших некогда Ямал. Климат тогда был мягче, растительность мощнее (по крайней мере, запасов ее хватало, чтобы прокормить даже мамонтов). Доказательством существования более благоприятного климата служат и многочисленные остатки погребенных под слоем наносов деревьев. Существует, правда, и иная точка зрения на возможности роста деревьев на широте Юрибея. Безлесность тундры вплоть до реки считается относительной. Понимать это надо так: деревья здесь расти могут и росли, но... неумеренная их вырубка чело-

веком привела к изменению в этих местах микроклимата и наступлению тундры. О том, что произошло это сравнительно недавно, писал известный зоолог Борис Михайлович Житков, работавший на полуострове в начале XX века. Мне, кстати, тоже приходилось в тундре в верховьях Юрибея находить пни листовенниц (не в отложениях!). Такие встречи, равно как и находки ископаемых костей в обрывах, оставляют особое чувство прикосновения к событиям, казалось бы, безвозвратно ушедшим во тьму веков. Без сомнения, изучение юрибейских захоронений представляет большой интерес для науки, и всякое бездумное разрушение этих мест будет означать утрату, быть может, уникальных материалов.

Река тем временем несет свои мутные воды дальше, то свивая их в могучие водовороты, так что лодка судорожно вздрагивает всем телом, врезаясь в тугие струи, то разливаясь спокойным быстрым бегом. Наконец, утомившись в борьбе с обрывами (а они встречаются большей частью там, где Юрибей омывает подножие возвышенности Хой), последний раз уткнувшись в пески урочища Ламдонадо, река окончательно отворачивает на запад и долго спокойно петляет по широкой долине.

Но впереди еще предстоят встречи с примечательными местами, по которым и ориентируешься на реке, и отсчитываешь пройденный путь. Длинный прямой плес завершается коротким, но впечатляющим обрывом. Сразу за ним в Юрибей вливается глубокий чистый приток. Это Хутыяха. Хутыяхинский обрыв, кстати, первый от верховьев крупный левобережный яр, хранит в себе немало ископаемых сюрпризов – кости мамонтов, овцебыков.

Как стремительно нарастал утес Хуты, так быстро и убегает он назад, а лодка деловито бежит дальше, дальше вниз по реке. Юрибей всё набирает силу, ширит-

ся, петляет размашистее. Отмели здесь редки, но плесы длинные, и «пилить» по ним порой утомительно. Скрашивают однообразие то небольшие притоки, то показавшийся вдалеке чум, то взлетевшая пара лебедей.

Но вот после очередного прямого плеча реки впереди замечаешь бугор пучения – булгуннях – с характерной двойной вершиной. Возле него впадает в Юрибей уютная Тарензьяха (Осоковая речка), у берегов которой не однажды находили мы тихую гавань. Значит, вскоре будет Пурнадо. Этот обрыв, оправдывая свое название, и вправду серый – и по цвету, и по настроению (наверное, потому, что обращен на север), да и по высоте вполне «серый» рядовой. Но длинен и причудливо изогнут. Летом он ни на короткое мгновение не может отдохнуть от настойчивых атак воды и теплого воздуха, которым под силу разрушить его скованное железобетонной мерзлотой тело. И то там, то здесь плюхаются в воду кусочки, куски и кусищи земли. После долгого покоя им будет определено рекой новое место для жительства, а потом всё повторится сначала.

Пурнадо до последнего времени был своего рода границей более или менее активной деятельности людей на реке. Ниже она посещалась чаще, изредка проезжали лодки. Потом, когда на Юрибей пришли изыскатели, выбиравшие трассу для железной дороги, и строители, соорудившие мост через реку, это место оказалось уже изрядно населенным. И когда здесь прошла дорога, еще один уголок тундры стал более доступным и... обыкновенным.

Остаток пути навевает мысли о том, что в тундре даже очень скромное воздействие людей на природу приводит к результатам, которые видны, как говорится, невооруженным взглядом. Дальше по реке, ближе к устью, есть несколько красивых яров, но сама река

пуста и безрадостна. Лишь весной, пока не закончился пролет, не осели на гнездовья все птицы, не улетели на места линьки гуси и утки, ехать интересно. Позднее только изредка вспугнешь морянку или гагару, проследишь полет чайки либо канюка. А ведь раньше и сапсанов здесь было немало, да, говорят, и краснозобая казарка гнездилась. Думаешь, уж не город ли через пару километров покажется...

Но нет, плавно изгибается очередной и последний на реке обрыв, и видишь прилепившиеся к его откосу маленькие домишки числом менее десятка. Фактория... Автоматическая метеостанция на горе, склад, магазин, забойный пункт, банька, жилье. Летнее население – раз-два и обчелся. Тишина, глушь... Для кого-то – дом на короткое лето и долгую зиму, для нас – пристанище на несколько дней. А река меж тем неудержимо катит мутные свои воды в Карское море, и бежать ей остается совсем немного.

Завершить рассказ о Юрибее мне хочется на тревожной ноте. О богатствах реки сказано было уже немало, но едва ли достаточно.

Начиная со второй половины июля река, особенно в средней своей части, превращается в настоящее гусиное царство – сюда выходят пары с птенцами, тут собираются неразмножающиеся птицы. Взрослые гуси, как известно, при линьке теряют способность летать, да и птенцов покинуть они не могут. Так что в это время любая лодка с браконьерами может стать настоящим бедствием. Допустить этого нельзя, зрелище речной глади, заполненной большими красивыми птицами, должно волновать души и наших потомков.

Изобилен Юрибей и рыбой – щокуром, муксуном, пыжьяном... Худосочные обские щокуры, доведенные до такого состояния необременительными заботами о чи-

стоте обских вод и промыслом во имя выполнения и перевыполнения, в подметки не годятся юрибейским.

Как не беспокоиться за сохранение всего этого, если геологоразведчики давно уже вышли на берега Юрибея, на вездеходах ездят к нему на рыбалку, рядом найдены месторождения углеводородов... Печально, что уже и местных жителей можно встретить в середине лета с ружьем – психология временщика вербует поклонников даже среди них.

На реке уже в этом веке был создан природный парк. Правда, просуществовал он недолго и фактически был «бумажным». Потом эту территорию включили в состав обширного Ямальского заказника, но, впрочем, не менее формального. Так что судьба Юрибея далеко не определена, нужны еще усилия по сохранению этого уникального края ямальской земли.

УРОКИ НЕНЕЦКОГО

Экспедиция летом 1982 года оказалась для меня достаточно непростым предприятием, несмотря на то, что за плечами уже была поездка вокруг Ямала, маршруты по Южному Ямалу, работы на Приполярном Урале. Просто в этом случае я оказался в незнакомом пока месте, на реке Юрибей, где предстояло самостоятельно обследовать большой район полуострова. До фактории Усть-Юрибей добрались, как обычно, вертолетом и на четыре дня задержались, готовясь к поездке и обследуя окрестности селения. Здесь тогда были три дома, пекарня, на горе виднелась небольшая избушка, на берегу Юрибея вагончик, а в удалении от реки – склад и место забоя оленей, усеянное «нетоварными» отходами после заготовки мяса, шкур и рогов.

На домах и в мусоре возле них устроили свои гнезда сразу пять пар белых трясогузок, у которых уже стали вылупляться птенцы. Тут же крутились штук пятнадцать полевых воробьев, которые далековато забралась к северу, летали чайки и поморники. Всем им можно было пожить у забойки, во всяком случае мелким воробьиным, для которых там вдоволь имелось корма – мух и их личинок.

В первых числах июля у фактории гнездилась и разная другая птичья мелочь. Среди прочих находок попала мне и одна весьма интересная. Прилетели мы тогда на вертолете Ми-6. Кто знает – это зверская машина. Пока долетели, я совершенно оглох от рева двигателей (потом стал почему-то называть эти «вертушки» караван-сараями). Кроме нас, вертолет доставил на факторию детали сборно-щитового дома, которые тут же у площадки и разгрузили. Не считая того, что посадка и взлет машины сопровождалась страшным грохотом и вихрем, вокруг люди бегали, суетились. Какие птицы в таких условиях могут спокойно жить? Каково же было мое удивление, когда немного позднее в полуметре от выгруженных деталей я нашел гнездо мелкого куличка – белохвостого песочника, причем птица насиживала кладку. А чуть дальше обнаружил еще одно, с полной кладкой и крупными зародышами. На его край кто-то даже наступил, повредив часть яиц, однако птица продолжала их насиживать. Судя по всему, оба гнезда принадлежали одной паре куликов – у этого вида известно сдвоенное гнездование, когда самка откладывает две кладки, а затем одну насиживает сама, а вторую – самец. Вот такие бесстрашные родители! Конечно, имело значение время: вот-вот должны были появиться птенцы, когда птицы особенно плотно сидят на гнездах. Но в таких экстремальных условиях – это, конечно, круто!

В этот год я познакомился и с жителями фактории. Тогда здесь работали Хмарук Владимир Архипович и его жена

Светлана Александровна. Владимир Архипович мужиком оказался обстоятельным и хозяйственным. Понемногу приводил в порядок факторские дома и готовил к запуску пекарню. Неподдалеку в речном заливе ловил щокуров по три-четыре килограмма весом, по весне промышлял дичь, понемногу собирал яйца диких уток. Наладил и небольшую коптильню. Так что в этот раз и в следующие полевые сезоны хозяева нас потчевали деликатесами – малосолом, копченой рыбой и утками. А Светлана Александровна готовила вкуснейшую рыбу в кляре. В магазине мы запасались разной качественной провизией – хлебом, сушками, джемами, сливочным маслом и чаем.

Дни на фактории пролетели быстро, и уже 5 июля мы с шефом выехали вверх по реке. Вячеслав Федорович решил сопроводить меня на первом отрезке пути. Во-первых, ко мне должен был присоединиться рабочий, с которым у шефа была договоренность об участии в экспедиции, а во-вторых, так можно было помочь забросить топливо. Дорога предстояла дальняя – только вверх по реке подниматься около четырехсот километров, да обратно...

Дошли до чумов Володи Лаптандера, который назвал себя «крайним Лаптандером», сообщив, что севернее представителей его рода больше нет. Здесь встретились с рабочим, а им оказался мой бывший ученик Ермико Окоэтто, стойбище родственников которого находилось поблизости. Затем поднялись выше к устью Юреяхи, где сделали остановку, чтобы поработать на площадке. Дальше наши с шефом пути разошлись – он возвращался на факторию, а нам предстояло идти в верховья реки.

По дороге вели наблюдения за птицами. Выяснилось, что Ермико неплохо знал местную фауну. Поэтому я сидел на румпеле мотора, отслеживал маршрут по карте, запоминая места, и приходил на выручку моему помощ-

нику, если он затруднялся в определении встреченных птиц и ведении дневниковых записей. На первом отрезке пути река была достаточно пустынна, поэтому больших проблем не возникало, а опыт совместной работы быстро приобретался. После ночевки двинулись дальше, и забот прибавилось. Живности на реке становилось всё больше – мы входили в район Юрибея с целой серией разнообразных обрывов по его берегам. В таких местах гнездились соколы-сапсаны, зимняки, краснозобые казарки, на реке стало больше гусей и уток. Так что нам всё чаще приходилось делать остановки для обследования интересных участков, отыскивая и описывая гнезда птиц. У зимняков уже были птенцы, а у сапсанов только началось их вылупление, появились и первые выводки гусей.

В общем, научная информация быстро накапливалась, а вот запасы бензина стремительно таяли. И это меня всё больше беспокоило, поскольку до намеченного конечного пункта было еще далеко, а мы только приближались к фактории Тарка-Сале. Утром 10 июля добрались до этого места, как оказалось, забытого богом и людьми. На фактории нас встретил рабочий, который сообщил, что «хозяин» уехал в Новый Порт, откуда шло снабжение магазина, в надежде договориться о заброске товара. Почти все запасы на фактории к середине лета иссякли. Работяга питался в основном сухарями и вяленой рыбой, изрядно попорченной мухами, запивая их резервами горячительного.

Я попробовал выяснить возможность хоть сколько-нибудь пополнить запасы топлива. Рабочий, будучи в очень хорошем расположении духа, разрешил залить аж два бака бензина. После этого настроение поднялось и у меня, а через три часа мы уже шли вверх по Левому Юрибею и к вечеру добрались до намеченного пункта у озера Нижнее Юнто.

Осталось поставить палатку, сетку на протоке, выставить давилки на грызунов, приготовить ужин... А потом забраться в палатку под полога (комарики уже были активны!) и заснуть с чувством выполненного задания.

Однако утро нас не обрадовало – ветер повернул с севера, сильно похолодало, и на два дня зарядил нудный морозящий дождь. Я проверял давилки и обрабатывал немногих пойманных грызунов. Сидели в палатке, готовили на бензиновом примусочке «Шмель» чай и нехитрую еду. Развести костер оказалось невозможно – кустарника у лагеря почти не было. Достал определитель птиц, и мы с Ермико принялись рассматривать их изображения и читать описания. Между делом он стал называть ненецкие названия тех из них, которых узнавал, а я записывал.

Позднее в книге моего научного наставника Вадима Константиновича Рябицева «Птицы тундры» я нашел список таких названий, который он составил на основании своих бесед с известным на Ямале литератором и знатоком северной природы Хабычей Яунгадом. Для некоторых видов им пришлось изобретать новоделы, то есть вновь придуманные ненецкие имена на основе перевода с русского, поскольку особого ненецкого названия эти птицы не имели.

Когда я стал сравнивать свои записи с этим списком, обнаружил совпадение по большинству видов птиц, но и различия нашлись. Касались они некоторых пернатых, которые в ненецком языке имеют не одно, а два варианта «имени», подчеркивающие их разные признаки.

Вообще ненецкие названия в ряде случаев удивительно точно передают особенности биологии, внешнего облика или голоса птиц. Здесь мне вряд ли удастся воспроизвести их написание – клавиатура компьютера не позволит, а может, и символов нужных не найдется. Например, рогатого

жаворонка называют «сидницё», то есть «дважды гнездящийся». И действительно, орнитологи установили, что у этого вида воробьиных за летний сезон довольно часто бывают два выводка. И это при коротком тундровом лете! Интересно, как северяне обнаружили этот факт – птиц, что ли, метили кольцами или краской?

А вот, например, белая трясогузка. В книге «Птицы тундры» приводится ее ненецкое название «мурты садрана», то есть птица, которая трясет хвостом, или гузкой, – совсем по-русски. Но Ермико назвал ее также «едмбертя» и пояснил, что это переводится как «котельщик» или тот, кто «котел носит». Я сначала не понял, отчего такое имя. В разговоре выяснилось, что она как будто котлом воду из реки зачерпывает. У этой птицы действительно на груди есть полукруглый черный галстук, словно закопченный на огне котел, жить она любит у рек и озер и часто бегаёт по урезу воды, собирая на выплеске насекомых и другую мелкую живность. Получается, будто пошла по воду с котелком...

Или, скажем, лапландский подорожник. У самца этой небольшой и самой обычной тундровой птички на груди красуется черное пятно с неровными краями. Отсюда и ненецкое прозвище – «хорака тисью», или «рваная грудь».

Список этот можно продолжать. Ну, а мне местные названия помогали в разговорах с тундровиками уточнить распространение птиц, время их прилета или сроки размножения. А еще при дешифровке топонимике. Халейнго, Халеунго, Халейские, Халэвто – это просто Чаячьи острова и озера, Ханавэйто – озеро, у которого гнездятся сапсаны. Как-то на карте нашел озеро Мерцямпертято. Можно перевести как Ветренное или Предвещающее ветер. В словаре ненецкого языка «мерцям пэртя»

трактуются также как название птицы буревестника, хотя буревестники на Ямале не водятся. Но есть птица, которая благодаря узким рулевым перьям хвоста при пикировании во время брачного токования издает характерный звук, который одним напоминает ветер, другим бляение барашка, третьим – жужжание комара. Это обыкновенный бекас, и, похоже, озеро названо именно благодаря этому небольшому кулику, то есть оно – Бекасиное. И действительно, расположено оно в центре обширной низины, некогда бывшей озером, которое со временем по краям заросло и берега которого превратились в болота – излюбленные места обитания бекасов. Но вообще названия птиц в топонимике Ямала – отдельная интересная тема, к которой, может быть, когда-нибудь еще вернусь.

Погода же наладилась, началась повседневная работа на маршрутах по тундре. В этом мне стал помогать и Ермико, посещая указанные мною места в поисках песчовых нор, гнезд зимняков, гусей. Из одного похода принес прохудившееся железное ведро. Я спросил, для каких целей он притащил металлолом. «Будем в нем костер разводить, меньше дров надо», – ответил напарник и оказался прав. Дрова в тундре – как в пустыне вода, не везде в достатке. А примус штука очень капризная, то и дело требовал к себе особого внимания, боялся порывов ветра, да и готовилось на нем всё долго. Дальше на нашем пути сушняка было больше. Отверстия в нижней части ведра обеспечивали хорошую тягу, весь жар уходил вверх, а чайник или кастрюля закипали необыкновенно быстро, хотя готовить приходилось, конечно, вне палатки.

В середине месяца добежали до Тарка-Сале и снова заглянули на факторию. «Хозяин», молодой парень, работавший здесь продавцом, уже вернулся из Нового Пор-та, но встретил нас неприветливо. Причина была в бен-

зине, который выделил нам рабочий без его разрешения. Хотя большой нужды в топливе у факторщика явно не было – рыбачили они совсем рядом с поселением, имели невод, чтобы обеспечить себя рыбой с избытком, электростанции и телевизора тогда не было, и нужды ехать куда-либо тоже. Да ладно, задерживаться не стали, пошли дальше вниз, но через пару километров я решил двигаться сплавом. Погода была прекрасная, течение понемногу несло нас к цели, а топливо пригодится в низовьях Юрибея, где условия для сплава много хуже.

Мы соорудили из палаточного тента подобие водяного якоря, чтобы лодку лучше влекло течением и даже слабый ветер не затормаживал движение вниз по реке. На нос дюралки установили то самое ведро с чайником и вскоре уже с удовольствием попивали чаёк, наблюдая за всем, что открывалось на реке и неспешно проплывающих берегах. И мотор не ревел, заглушая голоса живой природы. Воистину, во всякой ситуации можно найти положительные моменты!

На следующих площадках обстановка в природе стала для меня всё больше проясняться. Главный «мотор» тундровой жизни – лемминги – явно начал давать сбои. После сравнительно высокой весенней численности размножение грызунов затормозилось, обилие их стало снижаться, а условия питания всех мышеедов, соответственно, ухудшились. Сезон по всем параметрам тянул только на твердую троечку в смысле успешности воспроизводства потомства для фауны.

Погода держалась сравнительно хорошая, лишь в один из дней пришлось мне километров семь до палатки ползти сквозь хлеставшую в лицо морось. Работать это, конечно, мешало. Ну, а «дома» можно было обогреться, обсушиться, и ужин Ермико приготовил.

Без особых приключений продвигались дальше. На реку высыпало множество гусей и краснозобых казарок с птенцами, здесь же были неразмножавшиеся линные гуси и шилохвости. Тут я обнаружил, что гуси умеют нырять, чего от них, в общем-то, не ожидал. И прячутся под водой и по берегам они и шилохвости так, что не заметишь, – один клюв торчит где-нибудь на урезе воды под кустами и нависающими комьями земли. Попался нам и явно подраненный гусь. Выстрелы я слышал и раньше. Оленеводы иногда позволяют себе добыть что-нибудь на еду даже в это время года. Оленей летом не забивают, а сидеть на одной рыбе и сухарях – не лучший вариант при тяжелой работе. Тем более что никакого реального ущерба для природы такая добыча не несет, это жизненная необходимость. Гусика мы добыли, чтобы не пропал. Решили, что придем на стоянку, побалуемся свежатинкой.

В одном из речных обрывов глазастый Ермико заметил торчавший из земли мамонтовый бивень и очень обрадовался столь ценной для него находке. Тундровики делают из кости этих ископаемых гигантов детали оленьей упряжи, рукояти ножей и ножны, чем особо гордятся. Получилась своеобразная компенсация за помощь в экспедиции.

Но пока приближаемся к месту временной остановки, где надо было обследовать еще один участок тундры. Вдруг Ермико показывает мне на берег: «Олень! Нет, волк!» Действительно, на берегу среди мелкого ивняка виднелась мощная фигура, ну точно олень! Но это был серый, который сразу исчез из поля зрения. Впереди с илистой отмели побежали на речку гуси. А мы тут как раз и палатку наметили ставить. Когда обустроили лагерь, пошли осмотреться – на грязевой отмели, кроме гусиных

следов, отчетливо впечатались и свежие волчьи. Он тут гусей «пас», волчок-то этот.

Вечером, уже забравшись в спальники, услышали в отдалении волчий вой. Да, нарушили мы покой хозяйина здешних мест... Утром я наладился в маршрут. И Ермико со мной тоже засобирался. Показалось ему неуютно оставаться у палатки в устье Широкой и Быстрой речки, как переводится ее название Лата-Марета-(или Мерети)-яха. И ружьишко, говорит, надо взять. Я с собой его не брал никогда, лишний вес таскать не хотелось, но в этот раз пришлось захватить, чтобы успокоить напарника. На маршруте, естественно, никаких волков не видели.

Однако другие наблюдения были тревожнее. Находки в гнездах зимняков подтверждали ухудшение экологической ситуации. В них стали попадаться останки птенцов – из-за дефицита грызунов среди потомства канюков начался каннибализм: старшие съедали младших, и число птенцов в гнездах стало уменьшаться. Законы природы весьма суровы – в таких условиях слабые погибают, и от этого никуда не денешься...

Волчьи угодья покинули снова при чудесной погоде и опять самосплавом, благо что пути до урочища Ламдонадо (или Низкого обрыва) оставалось немного. Лето разгулялось, солнце сияло. Мы с удовольствием освободились от штормовок и полевых костюмов и загорали. Комары не донимали. В сухую жаркую погоду они стали не столь активными – пересыхают злодеи в этих условиях! Да и ветерок хорошо обдувал. Так что на маршруте я успел даже быстро обгореть, пришлось рубашку надеть.

Вечером Ермико взялся ощипывать припасенного гуся. Я привык к тому, что после этого мы обычно опали-

ваем тушки дичи на огне, но он ощипал птицу так чисто, что никакой необходимости удалять пух или пеньки перьев, которые могли бы остаться, не было. В дело пошли, кроме собственно самой тушки птицы, потрошки, голова и лапы. Всё очень вкусное. И минимум отходов. Всё это, те есть использование ресурсов с максимальной эффективностью, быстро и очень ловко, для тундровиков – дело самое привычное. Кстати, и рыбу мой напарник разделывал исключительно виртуозно. Я так и не освоил этот навык в совершенстве. Конечно, определенное значение имеет односторонняя заточка лезвия ненецкого ножа, как у рубанка, но тем не менее...

Остальная часть экспедиции прошла штатно, без потрясений. Топлива хватило. Все площадки были обследованы, а картина условий года в южной тундре полуострова сложилась в полной мере.

Вскоре мы добрались до места, где предстояло нам расстаться. К вечеру поднялся сильный ветер. Юрибей, который в низовьях сильно расширяется и выписывает многокилометровые колена плесов, вздулся мутными валами, увенчанными пенными «барашками». На старенькой «Казанке» в такую погоду двигаться было сложно. Поэтому я благоразумно согласился на предложение Ермико дойти до стойбища, переночевать, а дальше идти уже утром, о чем не пожалел. В чуме в качестве угощения подали сушеную рыбу, которую можно было обмакивать в топленый нерпичий жир. Такое рыбное филе нарезается елочкой, не солится и подвешивается у костра в чуме, где оно постепенно подсыхает и пропитывается ароматом дымка от горящих ивовых веток. Очень вкусно!

Через пару дней добрался до фактории, устроился в балочке на берегу реки и стал ждать вертолет. Август

напомнил о приближении осени. Задул север, бросая в окно вагончика холодные брызги дождя, но уже не мог добраться до меня в тепле и сухости надежного, хотя и временного жилья. Я смотрел на пойму Юрибея, затянутую пеленой дождя и тумана, вспоминал события минувшей экспедиции. Впереди была встреча с домом, семьей, зимняя камеральная работа, а потом новые странствия, новые места и впечатления...

К сожалению, судьба моего напарника по этой поездке сложилась впоследствии драматически. Деталей не знаю, но, как мне сообщали, у него произошел конфликт с одним из его знакомых, закончившийся для последнего трагически, а для Ермико не менее печально. И где-то в местах неприятных следы его затерялись...

В СЕРДЦЕ ЯМАЛА

ДОРОГАМИ ПОМОРОВ

Наверное, многие слышали о том, что в средние века в районе полуострова Ямал и соседних земель прокладывали свои маршруты в места за Камнем, то есть за Уралом, русские мореходы, ходившие на своих легендарных деревянных судах, называемых кочами. Из районов Белого моря, низовьев Северной Двины, Печоры жители этих мест – поморы, архангелогородцы ходили на Грумант или остров Шпицберген, Новую Землю и далее на восток – на Вайгач, Ямал в поисках морского зверя и мягкой рухляди, а по тем временам настоящего «мягкого золота» – пушнины. Героические были мужики! Во льдах, по суровым северным морям месяцами пробивались они на восток, ища удачи, ставили остроги, вели торговлю с местным населением. Дошли до Енисея, Таймыра, Лены и до самого края евразийского материка, до Чукотки. Так Россия прирастала землями: простые охотники, промышленники, торговцы, а за ними и картографы открывали и описывали неведомые доселе бескрайние просторы российского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Одна из областей, привлекавших этих людей еще во времена Ивана Грозного, находилась на территории нашего округа. И в начале XVI века среди прочих мест здесь было основано достаточно крупное для той эпохи поселение на реке Таз – Мангазея. Со временем оно прекратило свое существование по повелению царя, запретившего хождение туда, поскольку серьезные опасения вызывал большой интерес к Мангазее наших северных соседей, или, как сейчас принято говорить, западных партнеров. Места были ценные, не зря другие страны на них нацеливались!

Так вот, в связи с хождениями поморов в Мангазею Ямал обойти нельзя. В свое время мой коллега Виктор Георгиевич Штро, не однажды проходивший одним из гипотетических путей в Мангазею, решил высказать свои соображения о том, как это могло происходить. Поскольку мне тоже довелось вместе с ним проделать этот путь, я поучаствовал в создании небольшой статьи для научной конференции. По техническим причинам опубликовать ее не получилось. Но, думаю, ее пересказ внесет немало ясности в описания наших хождений дорогами поморов в 80-х годах прошлого века.

О ямальском волоке

В литературе о Мангазее обязательно упоминается ямальский (поморский, мангазейский) волок, действовавший в XVI веке и известный по запискам древних поморских мореходов. Судя по описанию этого пути, он пролегал через полуостров Ямал по рекам Мутная и Зелёная с преодолением водораздела между ними в самом узком месте.

Такие реки действительно существуют в средней части полуострова (около семидесятого градуса северной широты) и называются Сеяха-Мутная и Сеяха-Зелёная. Ненецкие названия рек говорят, что обе они вытекают из озер (сё – протока из озера, яха – река).

Однако для того, чтобы пройти этим путем, надо хотя бы иметь представление, где берут начало эти реки. Например, зайдя из Карского моря у Шараповых Кошек в устье Мордыяхи и поднявшись до впадения в нее Мутной, можно по ошибке продолжить двигаться по более мощной Мордыяхе, по которой вообще нельзя добраться до Обской губы. Даже гораздо более развитая картография XIX века не располагала такими сведения-

ми о внутренних водных путях Ямала. Ведь всего лишь немногим более сотни лет назад проводились изыскания возможности устройства водного сообщения между реками Байдаратой и Щучьей, между Юрибеем и Обской губой. Хотя тайна сия есть, что знали мореходы тех лет...

Возникает естественный, хотя и риторический, вопрос: кто из первопроходцев и когда обследовал эти места, чтобы точно знать, где именно переправляться? Только в 1897 году, спустя почти четыре столетия после легендарных поморских плаваний, К. Д. Носилов отыскал следы мангазейского хода. «Я ехал на полуостров, чтобы найти этот исторический путь, что я и сделал. Но река Мутная оказалось маленькой речонкой, Зелёной вовсе нет, и путь оказался гораздо севернее, по другим рекам, через устье реки Морды. Волок тоже не между реками, а между озерами, целой системой озер, и всего шестьдесят сажень»¹.

Описание, мягко говоря, очень приблизительное. Определенно, значительно южнее устья Мордыхи, где не было реки Зелёной, К. Д. Носилов не мог найти мангазейского хода. Но затем, пройдя путем, который «оказался гораздо севернее, по другим рекам, через устье р. Морды», он, по всей видимости, действительно побывал на ямальском волокe, поскольку фраза о том, что волок находится между целой системой озер, достаточно точна.

В 1967 году мангазейским волокeм пытался пройти известный исследователь Севера и поморских судов, архангельский мореход Д. А. Буторин со своим товарищем, писателем М. Е. Скороходовым. На перешейке между озерами Нейто 1-е и Ямбуто, по рассказам очевидцев, до 1980-х годов стояла сломанная лебедка, с помощью ко-

¹ Цит. по: *Омельчук А. К. К. Носилов*. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989. С. 183.

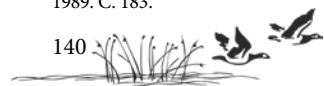
торой они надеялись перетащить через перешеек свой парусно-моторный карбас «Щелья», значительно более легкой, чем коч. Оказалось, что с помощью вертолета преодолеть волок гораздо сподручнее.

В 1981 году Вениамин Александрович Бахмутов и Виктор Георгиевич Штро на обычной дюралевой лодке с мотором прошли ямальским волокeм, то есть поднялись по реке Мутной и перевалили в Сеяху-Зелёную. В последующие годы авторы пересказываемой статьи (уточняя: Виктор Георгиевич и сей летописец) еще трижды проходили этим маршрутом. В. А. Бахмутов преодолевал его и в обратном направлении, то есть от Обской губы на запад.

В результате этих экспедиций у нас сложилось стойкое впечатление, что как регулярно действующий торговый путь ямальский волок в Мангазею рожден в умах, не представляющих себе реальной обстановки и трудностей этого пути. Здравомыслящие люди не пошли бы на такие затраты сил и времени.

Во-первых, ледоход на реке Мутной обычно проходит в конце июня – первых числах июля. Карское море освобождается ото льда в районе реки Мордыхи в середине – двадцатых числах июля, и до середины августа наступает самое благоприятное время для перехода в Тазовскую губу. До этого времени пробиваться по битому льду к устью Мордыхи, рискуя продырявить борта коча, себе дороже. Выволакивать тяжелое судно на льдины при постоянных ветровых сжатиях полей, а потом перетаскивать по льдинам в разводья – тоже сомнительное удовольствие.

Хотя ледовые заторы, частые туманы и сильные ветры создают весьма непростые условия для плавания в Карском море и Обской губе (Мангазейском море), при попутных северных ветрах на всю дорогу тратится

всего несколько дней. Уже в наше время, в 1969 году, капитан дальнего плавания А. С. Янцелевич и полярный летчик А. А. Каш на парусно-моторном шверботе «Пингвин» благополучно дошли из Архангельска до острова Диксон.

Во-вторых, реки Мутная и Зелёная, а это три сотни километров, к середине июля так сильно мелеют, что все плесы (более или менее прямые участки) в их верховьях представляют собой сплошные перекаты глубиной около тридцати – пятидесяти сантиметров. Мореходный коч – не плоскодонная лодка, даже не бударка, поэтому сидит значительно глубже (реконструкция коча приведена в «Сибирской эпопее» Н. И. Никитина²). Относиться всерьёз к сооружению подпруд невозможно, так как на устройство запруд из парусов необходимы парусина соответственно ширине реки и воз подпорных кольев, а земляные подпруды требуют несоизмеримо больших затрат сил и времени, поскольку в этих местах использовать можно только дернину.

В-третьих, пользоваться парусом невозможно из-за узкого русла при ширине реки около ста метров, следовательно, идти придется (по Мутной против течения), по меткому выражению из древних поморских летописей, «на веслах или бечевой, мучая живот свой».

В-четвертых, два пролива между озерами Нейто представляют собой песчаные бары глубиной до десяти сантиметров (и лишь в отдельные годы немногим более), длиной и шириной по сто – сто пятьдесят метров. Копать канал невозможно, углубление тут же замывается: мокрый песок течет уже при уклоне в три – десять градусов. Чтобы протащить коч весом в тонны, нужно уложить катки из бревен, которые тоже надо возить с собой, – деревьев тут нет.

² Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. Москва: Наука, 1987. С. 1–174.

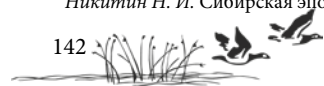
И, наконец, в-пятых, коч предстоит затащить на песчаный обрыв высотой более пяти метров, где располагается основной волок из бассейна одной реки в бассейн другой. Сам волок между озерами Нейто 1-е и Ямбуто составляет всего около пятисот метров, но и это – работа не из легких.

Впрочем, объем ее можно было сократить, и есть свидетельство том, что так оно и было исполнено. Дело в том, что между названными большими озерами – Нейто (Нгэвахыто) и Ямбуто – располагается небольшое озерко Луцехавыто, диаметром около двухсот метров. По-видимому, название этого озера, которое переводят как «Озеро мертвых русских», на самом деле следует переводить таким образом: «Озеро, испорченное (убитое) русскими». Действительно, судя по береговой растительности, уровень озера когда-то был метра на три выше современного. А узенький канал длиной менее пятидесяти метров, который соединяет его с озером Ямбуто, явно прорыт с целью сократить расстояние, которое надо было преодолевать по суше.

Таким образом, затраты сил и времени для преодоления пути по ямальскому волоку представляются огромными. Даже «по Зелёной реке в Обь – три недели ходу на веслах, хотя идут всё время по течению»³. И времени на такую дорогу тратится несоизмеримо больше, чем под парусом вокруг Ямала. К тому же весь путь проходит на фоне активности гнуса, который сам по себе является мощным угнетателем.

Свидетельств же о том, что во времена существования Мангазеи путь через полуостров был гораздо легче из-за более высокого уровня воды в ямальских реках, нет – трансгрессии океана известны лишь для доисторического времени.

³ Цит. по: Омельчук А. К. К. Носилов. С. 182.

Поэтому мы убеждены, что ямальским волоком могли пойти люди только в чрезвычайной ситуации. Например, в аномально холодное лето, когда лед мог стоять сплошной стеной на всем протяжении от пролива Малыгина до острова Шокальского.

И, скорее всего, такой переход осуществлялся на лодках типа современных бударок, на поморских карбасах, но не на кочах, хотя в летописях упоминается и об их переправе по волоку. По свидетельству помора-пинежанина Леонтия Шубина (Плехана), выглядело это так: «А дошед до озера, до вершины Мутной реки, учали меж озерцами волочить запасы в павозках, а в павозок клали четвертей до десяти и больше, в четыре пуда четверть, а проводили павозки от озера до озера проточинами шестами, тянули по воде бродячи, один павозок тянут два человека, а те между озерцами проточины тот в дву местах от озера до озера по версте и меньше, кочи тянут канаты после запасов порожние по тем проточинам всеми людьми»⁴.

Но это – случай экстремальный, и вряд ли стоит считать волок регулярно действующим.

Однако у необычных, особенных событий шансы попасть в летописи всегда выше, чем у явлений заурядных, таких, которые случаются каждый год! Поэтому и упоминание о волоке в исторических хрониках очень естественно.

Вышеперечисленные трудности ямальского волока только добавляют гордости за российских первопроходцев, тех, кто, преодолевая изнурительные препятствия, стремился к своей цели, вызывая у нынешнего поколения чувство восхищения силой, здоровьем, выносливостью и стойкостью духа.

⁴ Цит. по: Еланцева О. П. Волок // Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: в 3 т. Т. 1. Салехард; Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. С. 194.

* * *

Вот о чем мне хотелось бы рассказать, вспоминая события исторические, примеряя их к нашим походам. А о них и обо всех незамысловатых перипетиях экспедиций, о природе и о людях мои следующие рассказы.

В СЕРДЦЕ ЯМАЛА

Несколько экспедиций в 1984–1986 годах состоялись по рекам и озерам центрального Ямала, можно сказать, в его сердце. И не только по расположению, но и по значению этой территории в жизни ненецкого народа. Это – реки Юрибей, Мордыяха и две Сеяхи – Мутная, текущая из системы Нейтинских озер на запад, и Зелёная, которая из соседнего озера Ямбуто устремляется на восток в Обскую губу.

Помню, как мой начальник вспоминал реакцию одного оленевода, с которым ему довелось общаться, на упоминание о Мордыяхе. Вячеслав Федорович рассказывал, что тот закатывал глаза и со вздохом восклицал: «О, Мордыяха, Мордыяха!..» А название Юрибей, кстати, переводят и как «богатая, “жирная” река» (от ненецкого «юр’» – жир, но точно не от «юрбэй», то есть позабытая).

Да, это земля, которая очень дорога коренным жителям как место рождения, как кормилица народа. Юрибей, Мордыяха, Сеяха – это сердце Ямала. Здесь находятся главные летние пастбища оленей, ценные рыбные и охотничьи угодья, святылища и могилы предков.

И нас она не отвергла. Мы тоже полюбили эти края, пользовались их дарами, встречали здесь людей разных

национальностей, но единых в одном – здесь человек человеку есть друг, товарищ и брат, а выживать в суровых условиях Севера все привыкли в дружбе и взаимопомощи.

Так мы и работали в части полуострова, которую я называю «сердцем Ямала». А как всё было, расскажу...

Команда в сборе

В 1984 году наша группа в составе шефа, Вячеслава Федоровича Сосина, его неизменного помощника Виктора Георгиевича Штро и автора этой книги собралась только для одной экспедиции. Но в планах поездка выглядела весьма серьезно: надо было от верховьев Левого Юрибея пройти с работой до поселка Сеяха, избородив по рекам и озерам полуострова почти всю среднюю часть Ямала. Это приблизительно тысяча двести километров.

Стандартная заброска вертолетом в верховья Левого Юрибея получилась в начале июля. Мы умудрились запихнуть внутрь Ми-8 аж две лодки, всё барахло и часть замаскированного топлива. Дело в том, что возить бензин на одном борту с пассажирами запрещено, что, в общем-то, по технике безопасности полетов абсолютно правильно. Но нам выбирать не приходилось – залететь на точку без топлива и, не дай бог, не обнаружить там заранее завезенного резерва (из-за того, что его выбросили не совсем туда, куда надо, забыли завезти и т. д.) было нельзя. Поэтому некоторый запас следовало всё-таки иметь с собой. В те годы уровень досмотра при вылетах был не таким строгим, как нынче. Не видно емкостей с топливом, значит, летим чисто... У нас столитровая бочка с бензином была помещена в деревянный ящик под видом экспедиционного снаряжения, а еще две или три канистры запрятаны в брезентовых баулах вместе с палатками и спаль-

ными мешками. А что? Как в знаменитом фильме про особенности национальной охоты: жить захочешь, не так раскорячишься...

Лето было в разгаре, парило, комарики ожили. Мы установили палатки на берегу протоки между двумя соседними озерами, выставили ловушки на грызунов и сеточку на рыбу. Нашлась и бутылочка коньяка в запасе в ознаменование успешного начала работы, и вкуснейшие домашние пирожки, которыми снабдила нас заботливая жена шефа Валентина Григорьевна. А потом начались рабочие будни.

Шквал

В один из дней я уже возвращался из маршрута, когда на юго-западе появились тревожные признаки ухудшения погоды. Нарастала, накатывала просто невероятно черная туча. Нет, рядом пока всё было спокойно, тянул слабый ветерок, причем не со стороны тучи, а навстречу ей. Это говорило о том, что давление воздуха в той области было низким и туда устремились воздушные потоки. Птицы стали замолкать, предчувствуя перемены в природе. До лагеря оставалось пару километров пройти, но я видел, что не успеваю. Укрыться было негде – ни оврагов, ни зарослей более или менее высоких кустарников на этой площадке вообще не встречалось. Кустарниковая тундра, называется!

С собой был самодельный плащик из полиэтилена. А угрожающая туча уже наваливалась. Надел плащик, лег под небольшим бугорком спиной к туче, спрятав дневник и бинокль от дождя. И накатило. Это был мощнейший шквал, но короткий. Пронесся, как экспресс, и всё утихло.

Иду к палаточному лагерю, а там ничего не наблюдается из нашего жилья. Палатки уложило на землю, все вещи: одежда, спальники – мокрые, палатки порваны, жестянка, в которой мы разносили при установке ловушки на мышей, плавают в озере.

В общем, остальную часть дня провели за сушкой и ремонтом снаряжения. А о том, что этот шквал был очень серьезным, мы могли убедиться на примере стойбища наших соседей-оленеводов, чум которых стоял примерно в километре от нас. Это очень надежное и устойчивое ко всяким северным погодным передрягам жилище тоже снесло. Потом из общения с земляками я узнал, что шквал этот прошел полосой от района города Лабытнанги на север и северо-восток полуострова, сбив весь цвет морошки в самый разгар периода опыления ее цветков. В этой полосе в том году выдался неурожай морошки. Так иногда кратковременные и локальные экстремальные погодные явления оказывают решающее влияние на развитие природных процессов.

Вниз по Юрибею

Позднее погода нас еще потрепала, но в целом лето выдалось теплым. Жизнь в тундре шла своим чередом, несмотря на то, что год в плане ее обилия оказался рядовым. Численность леммингов к лету сильно упала, хотя зимой зверьков было много. Об этом говорили многочисленные гнезда грызунов, встречавшиеся повсеместно. Но после пикового подъема численности леммингов в предыдущем году наступил неизбежный и ожидаемый спад.

Песцовые норы по большей части пустовали, небольшие кладки яиц были и в гнездах зимняков, а по тундре рыскали голодные поморники. Всем хищникам приходи-

лось нелегко, но доставалось и самым разным птицам, на которых они переключили свое внимание. Гибли гнезда, птенцы, а нередко и взрослые особи.

Тем не менее на одном береговом обрыве Юрибея мы нашли сразу четыре гнезда краснозобых казарок. Еще бы – рядом с ними устроил свое гнездо сокол-сапсан, а он ни песцов, ни других разбойников к своим владениям не пустит. Вот потому и казарки чувствовали себя здесь спокойно. На другом обрыве обнаружили только одно гнездо казарок и всего с двумя яйцами, а сапсанов тут не было...

Добрались до урочища Ламдонадо. Картина тундровой жизни не менялась – то же обилие зимних лемминговых гнезд, болтающиеся повсюду зимняки и поморники, скопления негнездящихся уток на озерах...

Но я обнаружил и кое-что интересное, хотя весьма обычное для тундры. В одном месте на берегу реки регулярно останавливались оленеводы, проходя здесь маршрутами каслания. За многие годы тут скопился кое-какой мусор, прежде всего прохуdivшиеся резиновые сапоги, которых оказалось аж целых двадцать штук. Зная, что эти укрытия могут использовать птицы и другие животные, стал их осматривать. Находки не заставили себя ждать. В трех обнаружил гнезда белых трясогузок с яйцами и птенцами, в двух – старые постройки тех же трясогузок или каменок, еще пару сапог облюбовали для своих убежищ шмели. Такой небольшой оазис антропогенной фауны.

К середине июля добрались до низовьев реки. Здесь обрадовала находка гнезда бурокрылой ржанки – тундрового кулика, чьи гнезда редко удавалось обнаруживать из-за осторожности птиц и постоянного дефицита времени на маршрутах. И были встречены орланы-белохвосты. Эти могучие птицы, чаще всего неполовозрелые, могут

далеко залетать в безлесные районы. Южнее они гнездятся на деревьях, хотя есть сведения о том, что в тундре встречались гнезда на земляных буграх пучения, или булгуннях. Такие бугры образуются как результат вспучивания почвы в результате намерзания и увеличения под нею массивной ледяной глыбы. Но нам орланьих гнезд на этих широтах находить не удавалось.

Картина сезона становилась всё более очевидной – размножение многих птиц и млекопитающих оказалось в той или иной степени неудачным, а в низовьях Юрибея и на реке, и в окружающей тундре становилось всё пустынное. Не радовала и погода: похолодало, проскакивали дождички, но комариные полчища чувствовали себя вполне комфортно.

На север

Наконец 17 июля прибыли на уже хорошо мне знакомую факторию Усть-Юрибей. Но в этот раз задержались здесь всего на несколько часов, дабы пополнить запасы топлива, провианта и привести себя в порядок. Вечером вышли вниз по реке, чтобы там добраться до Ясавэйяхи, образующей почти общее с Юрибеем устье при впадении в Байдарацкую губу. Прошли вверх по Ясавэю, сколько могли, заночевали, а на следующий день к обеду были уже в устье его правого притока Сэбаяхи (возможно, более правильно – Сэбесьяха). С ненецкого название можно перевести и как сухая, ломкая речка, и как речка, по берегам которой много сушняка – высохших кустов ивы. Оказалось, что в реальности верно и то, и другое. Дров по берегам достаточно. Но и речушка оказалась не подарок. По ней нам предстояло подняться на тридцать три километра, и на это за два дня ушло двенадцать часов.

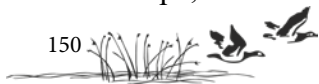
Почти от устья пришлось не менее половины пути вести лодки вверх по перекатам пешком и лишь на поворотах на короткое время проскакивать более глубокие места на моторах. Вечером первого дня начался дождь, и весь следующий мы пробивались к цели, поливаемые водой и сверху, и снизу, поскольку даже болотные сапоги не спасали от брызг при постоянных прыжках с лодки в воду и обратно и от поднимаемой бурлаками волны.

Но и в конце этого пути ждало нас продолжение не менее «увлекательное». Здесь предстояло затащить лодки и весь скарб на крутой яр высотой метров десять, переместить всё метров на триста к безымянному озеру на перешейке, а затем и к озеру Ямбуто. Отсюда, как и тремя годами ранее, начинался маршрут по Мордыяхе.

В дороге все промокли до нитки, поэтому решили не откладывать дела – в работе согреемся. Сначала поставили тент и с трудом сварили чай, обкладывая чайник словами и фуфайками, поскольку непогода не унималась. Потом таскали вверх по песчаному обрыву моторы, баки с топливом, палатки и прочее экспедиционное снаряжение. Пустые лодки первоначально планировали поднимать по обрыву с помощью блоков и веревок, но мы так разошлись, что, по нашему любимому выражению, просто «взяли на пуп», то есть без затей подняли вверх на руках.

И так же перетаскивали их, а следом и все вещи, к озеру на перешейке. Снова загрузили лодки, переправились, разгрузились. Теперь надо было организовать бивуак и поест. Перенесли баулы, рюкзаки, посуду, поставили палатки и сварили ужин. Всё было мокрое, в песке – можно даже сказать, что песок был везде.

Но ничего, поели, приняли наркомовские, поставили давилки на мышей, а к десяти часам вечера перетаскивали

к Ямбуто лодки, моторы и все остальные вещи. По-прежнему дул северный ветер, волнами наплывал туман, сыпала нудная морось. А мы сидели в палатке сырые, но довольные, пили чай и слушали «Полевую почту» на радиостанции «Маяк». Первый волок был пройден.

* * *

После завершения работ на площадке 21 июля вышли от лагеря на Ямбуто. В северной части озера начинался исток Мордыяхи. Шефу до начала наших работ удалось договориться с потребкооперацией о заброске попутным вертолетом бочки бензина в это место, и мы ее там с большим удовольствием обнаружили и разлили в походные емкости. Сразу после короткого участка река впадает в не очень большое, но чистое и глубокое озеро Ерто. С ненецкого его название можно перевести и как Глубокое, и как Среднее. Отсюда Мордыяха выходит уже почти горным потоком с быстрым течением в песчаных берегах. Здесь река чистая, прозрачная и холодная, только ниже по течению постепенно становится качеством похуже. Хорошее место для обитания хариуса и гольца, так же как озеро Ямбуто – прекрасный водоем для нереста сига.

Следующее озеро Морды-Малто (то есть Крайнее на Мордыяхе) встретило нас приличной волной, вынудило остановиться и ждать вечера, когда обычно стихает ветер. Небольшие глубины озера и преобладающие суглинки в его берегах при регулярном волнении делают воды Малто мутными, как и вытекающую из него реку.

Только к утру дошли до следующей площадки в среднем течении реки у озера со странным названием Мальесято. Перевести можно как озеро, на котором закончились деньги или железо. Деньги тут, похоже, тратить было не

на что, поэтому шеф предположил, что, возможно, в этом месте заканчивался путик, на котором охотник ставил железные капканы, и это стало основанием дать озеру такое имя.

Пара фотографий на память у палаток на берегу реки, на следующий день маршрут в тундру, и снова в путь. К вечеру очередная остановка. По всей реке было много гусей – и белолобых, и гуменников, часто с выводками, а еще изобилие шилохвостей, большей частью линных, не летающих. Не редкость были стаи по двадцать – пятьдесят, а то и до ста – трехсот уток. Места тихие, птиц беспокоить почти некому, а это важно, когда теряешь способность летать, хотя бы на непродолжительное время линьки.

А в тундре картина не менялась: по-прежнему встречалось много зимних лемминговых гнезд, обычны были зимняки, но летняя кормовая ситуация ухудшалась. Мало было занятых песцовых нор, в гнездах зимняков птенцы гибли от недоедания.

По земле, предками хоженной

В полдень 28 июля подошли к устью Сеяхи. Да, она действительно Мутная даже по сравнению с мутными водами Мордыяхи: граница раздела этих речных потоков была прекрасно видна. А вскоре мы поднялись и до центральной части Бованенковского газоконденсатного месторождения, нынешнего поселка Бованенково. Остановились возле буровой с горящим факелом у старого знакомого моих попутчиков Ивана Васильевича Юдинцева, смотрителя этого места. Тут газ прямо из скважины и сепаратора шел и на бытовые нужды – в печку и в баню. Я, не задерживаясь, стал обследовать окрестности, по-

сколькx они были сильно изменены движением техники в процессе бурения этой и соседних скважин. Появились новые места для обитания птиц, поменялись растительность и животное население – всё приспособлялось к жизни в непривычной среде.

Белые трясогузки нашли новые укрытия для гнезд среди разных оставшихся построек. Одна пара обосновалась даже в железной штуковине, стоявшей на металлическом помосте всего в двадцати метрах от гудящего факела. Но выбор оказался неудачным. В гнезде я обнаружил двух погибших птенцов и одно яйцо. Скорее всего, порывами ветра огонь факела, вырывавшийся из горизонтальной трубы невысоко над землей, могло отклонить слишком близко к гнезду, что и привело к его гибели. Но остальные обитатели округи чувствовали себя хорошо: кроме нескольких пар белых трясогузок, тут обустроились обычные спутники человека на Севере – желтоголовые трясогузки и белохвостые песочники. Помимо них нарушенные места облюбовали зайцы-беляки – на старых буровых выросло много молодой вкусной травы, а врагов не было.

Еще выше по реке – снова буровая и целый вагон-го-родок. Обитатели его встретили нас радушно и предложили помыться в баньке, от чего никак невозможно было отказаться, – тема для полевиков очень актуальная. Часика через четыре снова тронулись в путь и к двум часам ночи добрались до новой площадки у речки Мышиной (Писияхи). Правда, с мышами тут нынче было неважно, как и в остальных районах полуострова. На маршрутах снова встречались пустые норы песцов, редко – гнезда зимняков с подросшими, но голодными птенцами, и тех всё больше по одному или два.

А вот с мелкими воробьиными птицами ситуация была намного интереснее. Хотя мы находились уже под семиде-

сятым градусом северной широты и недалеко от границы типичной и арктической тундры, в бассейне Сеяхи-Мутной в этом месте, как и в среднем течении Мордыахи, широко распространены заросли кустарников – разные виды ивы и карликовая березка, или ерник. Отчасти это зависит от характера грунтов, поскольку здесь меньше песков, а больше суглинков, задерживающих воду. Вторая причина – удаленность от Карского моря на западе и Обской губы на востоке, из-за длительной задержки льдов на которых климат в окраинных частях Ямала заметно суровее, чем в его центре. Вот потому здесь обычными оказались сразу несколько видов кустарниковых воробьиных: пеночки – веснички и теньковки, желтоголовые трясогузки, чечетки, овсянки-крошки, варакушки.

На следующем отрезке запомнились купание в реке (водичка было нормальная, градусов восемнадцать) и опять выводки белолобых гусей и даже краснозобой казарки. Необычным оказался один случай, отмеченный у гнезда сапсана. Здесь сокол прямо у нашей лодки выхватил из воды довольно крупного гусенка и с трудом унес на берег. Все обстоятельства этого события нестандартные: считается, что сапсан у гнезда не охотится, обычно атакует добычу в воздухе и на человека на участке обитания реагирует за сотни метров от гнезда. Но, как водится, у всякого правила есть исключения.

Второго августа достигли истока реки из озера Нейто 3-е, а к вечеру прошли Нейто 2-е, 1-е и, перетавившись на Ямбуто, встали лагерем в межозерье. Об этом отрезке пути стоит рассказать особо.

Вначале о названиях. Правильнее было бы именовать три озера Нея-то, то есть Налимьими. Самое крупное из них, из которого собственно и берет начало Сеяха-Мутная, имеет также название Нейто-Мал-

то (Крайнее, или Последнее, Нейто), а второе – также Нейто-Ерто (Среднее Нейто). Они соединены проливом Ерто-Езилово, на входе и выходе которого расположены отмели, или бары, с глубинами от пяти до двадцати сантиметров. Последнее в цепочке Нейтинских озер называется также Нгэвахыто. Оно самое маленькое по размерам, но и самое глубокое: при средней глубине двадцать четыре метра и максимуме почти в пятьдесят три метра оно вмещает воды больше, чем другие два озера Нейто. Ямбуто – это уже озеро, из которого берет начало Сеяха-Зелёная. По размерам оно третье среди ямальских озер (после Ярато 1-го и Нейто-Малто) – длиной около двадцати одного с половиной километра и наибольшей шириной до восьми – десяти километров, а по глубине на полуострове первое – почти шестьдесят четыре метра.

Во всей этой гидронимике нетрудно заметить две особенности. Во-первых, явно видно большое сходство в названиях озер в истоках Мордыяхи, Сеяхи-Мутной и Сеяхи-Зелёной. Во-вторых, понятно, что и здесь, и во многих других местах Ямала наименования рек, озер, поселений и других топонимов чаще всего даются по простым очевидным признакам, приметам, а потому нередко повторяются, хотя и с вариациями. И, в-третьих, написание названий сильно меняется от карты к карте и от одного печатного издания к другому. Тут сбавывают и личные представления картографов или краеведов, и ошибки в переносе названий из одних источников в другие, и особенности восприятия на слух названий, записанных со слов местных жителей. То не так услышали, то по-своему записали, а то и просто в букве ошиблись.

Вот так и получаются озера Ярато, Яррото и Яро-то, Нейто и Ней-то, реки Мордыяха, Морды-яха и Муртыяха,

Сеяха и Сё-яга, Лайндтеяха и Пайндтеяха, Палнатосё и Палтаутосё... Примеров этому несть числа, и упоминал я об этом не раз. И по мне, так удобнее без дефисов: Ярсале, Салемал, Салехард, Хэто, Сюмбангто, Яхадыяха, Юреяха.

Нейтинские озера и проливы мы прошли без осложнений и встали у перешейка с Ямбуто, куда предстояло перетащить лодки и всё снаряжение. Расстояние небольшое, как я уже рассказывал в очерке «Дорогами поморов», всего около трехсот метров плюс озеро с ручьем посредине волока. Неподалеку виднелась изба фактории, а вскоре к нам подошел и ее хозяин – бригадир Тимофей Иванович Салиндер. Поскольку никаких лебедек и воротов, с помощью которых наши предшественники Буторин и Скороходов могли перетащить свой баркас, нигде не наблюдалось, по привычке вчетвером затащили лодки и груз на обрыв, а потом и к озерку Луцехавыто. По ручью спустились к его устью. Оно было замыто песком из-за частого волнения на Ямбуто, потому пришлось прокопать русло, чтобы вывести на озеро груженные лодки. И вскоре нашли приятное во всех отношениях местечко на западном берегу Ямбуто в межозерье. В заливе имелась небольшая проточка в аккуратненькое мелководное озеро с песчаным дном, чистой водой и ровной сухой береговой террасой, укрытой с севера склоном холма. Лучшего и пожелать было нельзя.

Дальнейшая работа на Сеяхе-Зелёной оказалась достаточно рутинной – гусей и уток на реке стало меньше, тундра постепенно пустела, только чаще стали встречаться выводки гагар, беспокоившиеся бурокрылые ржанки и короткохвостые поморники. На одном из речных островков шуганули волка, караулившего державшихся здесь гусей с молодняком, – тот махом перескочил узкую проточку, вылез весь мокрый на берег и еще некоторое

время изучал тех, кто его побеспокоил. Погода постепенно стала портиться, начались дожди. 8 августа пришли на последний участок на Сеяхе, где в нее впадает неширокий, но глубокий ручей из озера Морато. Места открытые – ни укрытий от ветра в лощинах, ни кустов высоких. Только булгуннях с характерной раздвоенной вершиной возвышался неподалеку от лагеря. Но сам ручей оказался интересным: в чистой прозрачной воде гуляли крупные хариусы. Да, а я без удочки, даже леску и крючки не взял! Пришлось из небольшого шестика, капроновой нитки и булавки соорудить какую-никакую снасть, червячков удалось найти. Стоя на баке лодки, подводил наживку к самому носу добычи, благо всё видно было. Рыбки наживку время от времени хватали, только вытащить их в лодку было непросто – самодельный крючок ведь без жала! Но на пропитание кое-что удалось добыть. На другой день командор ушел на соседнюю площадку на берегу Обской губы, где стоял дощатый вагончик рыбаков, а мы с Виктором отправились в маршруты в районе лагеря.

Одиннадцатого августа снова зарядил дождь, всё затянуло туманом, температура упала до семи-восьми градусов, так что нам весь день пришлось отсиживаться в палатке. К обеду следующего дня вернулся Вячеслав Федорович, и к вечеру мы добрались до поселка. Устроились на левом берегу в балке, не отапливаемом и без электричества, но с кроватями, столом и стульями – жить можно. Вагончик нам выделил местный смотритель Петя – здесь в сезон, зимой, базировались работники сейсмопартии, а летом, когда все разъезжались в отпуска, помещения освобождались, но за хозяйством – жильем, транспортом и емкостями с топливом, надо было присматривать.

Дальнейшие перспективы оказались неясными – в поселке стоял «Беломорский-28», но предполагалось, что

он пойдет далее в Тамбей и в Яптик-Сале. А потом плохая новость: во время отлива, который у поселка хорошо ощущается, судно село на какую-то затопленную у причала железную штуковину, получило пробоину. И груз в трюме, особенно сахар, сильно пострадал. Вячеслав Федорович старался найти вариант возвращения домой, я съездил на правый берег за свежим хлебом и осматривал окрестности нашего жилья, где на разбитой заболоченной местности держались разные кулики, пуночки и трясогузки.

В итоге договорились отправить лодки и остальное снаряжение на этой невезучей «Беломорке», чтобы забрать всё по прибытии ее в Салехард. Ну, а сами выбирались налегке – сначала вертолетом до Мыса Каменного и только 18 августа самолетом в окружную столицу.

Юрибей – Сеяха. Дальняя дорога

Следующие два сезона мы работали на знакомом маршруте вдвоем с Виктором Георгиевичем и каждый раз залетали на фабрику Усть-Юрибей раньше, чем в предыдущие годы, – к 10 июня уже были на месте.

Первым в 1985 году на базу прибыл Виктор, успев встретиться со многими земляками, причастными к нашей работе на Юрибее, – Афанасием Васильевичем Шумиловым, заведующим фабрикой от Панаевского совхоза Олегом Васильевичем Ручкиным и охотоведом Михаилом Щербининым. Прежних наших знакомых, семью Хмаруков, перебросили на другой фронт торговых работ, а на их место прибыл новый факторщик Анатолий Иванович Пашковский, которому и предстояло решать задачи по снабжению тундровиков.

Я прилетел немного позднее, когда начался перелом погоды, потеплело, но еще две недели пришлось нам ждать, когда можно будет отправиться в путь. Река у фактории в это время скована льдом, по ней не проедешь. И в тундре, и в пойме все низины и заросли кустов забиты снегом. Тоже особо не погуляешь. Кроме того, птичье население полностью не стабилизировалось – у части видов продолжался пролет, другие только приступили к размножению. Поэтому основное внимание мы уделяли наблюдениям за пролетом птиц, численностью грызунов и изредка выбирались с базы туда, куда можно было пройти пешком. Но интересные посетители обнаружались уже на самой фактории и рядом с нею. По весне сюда забрались даже серые вороны, грачи и полевые воробьи. А еще сразу стало ясно, что в 1985 году будет пик численности грызунов – леммингов и полевок. Они во множестве встречались повсюду, особенно благодаря тому, что талая вода выгоняла их из укрытий. Похоже, нас ждал продуктивный полевой сезон, что в дальнейшем полностью подтвердилось.

В этот раз Виктор взял в поездку свою собаку – лайку Кару, которая успешно работала, обнаруживая леммингов, белых куропаток, чем помогала вести их учет. И с первых же метров маршрута в окрестностях Усть-Юрибея появились грызуны, которые буквально кишели под ногами, шли непрерывной чередой. Да, это действительно был год лемминга, и следовало ожидать успешного норения песцов и гнездования многих видов птиц.

Наконец, 20 июня прошел лед у фактории, мы смогли спустить на воду нашу «Казанку-М» и через пару дней выйти вверх по Юрибею на ближайшую рабочую площадку. Здесь пришлось задержаться до 26-го. К этому дню резко потеплело, начались грозы, лед на озерах стал быстро раз-

рушаться, а тундра зазеленела. Проснулись и первые комарики. Только 27 июня прибыли на следующий участок у обрыва Пурнадо, и на другой день отправились в маршруты. К этому времени удалось «собрать» богатый «урожай» птичьих гнезд. Дела у пернатых шли неплохо. Я наткнулся даже на небольшую колонию гусей – гуменников.

Вечером снова были в пути, и перед полуночью добрались до площадки Ламдонадо в среднем течении Юрибея. По дороге всё было привычно – чайки, гагары, гуси и утки, хотя и не слишком обильны. Интересны оказались встречи самцов гоголей – нырковых уток, которые предпочитают обитать на реках в горах и предгорьях Урала, в тайге, а сюда прилетели на линьку. А на площадке снова гнезда поморников, белых куропаток, куликов и мелких воробьиных птиц – и обилие леммингов. В последние дни июня после дождей и тепла тундра разукрасилась, зацвели морощка, багульник, но и комары активизировались.

Второго июля снова дорога вверх по реке и новая площадка между факторией Тарка-Сале и поворотом Юрибея на запад. Как-то всё обыденно. Нечего рассказать о приключениях. Работаем, и всё... Ну, а что, экспедиции – это наша рядовая работа, привычная, ежедневная, иногда не очень комфортная, но обычная. Мы не экстремалы, чтобы искать приключения там, где они будут только мешать делать свое дело нормально, собирать качественные научные данные. Природа, конечно, время от времени вмешивается в наши планы, да и техника не всегда на высоте оказывается, но это тоже ожидаемо.

На участке к моменту нашего приезда выпасались три оленьих стада из Нового Порта, тундра была сильно выбита, тем не менее птичьи гнезда на маршрутах попадались постоянно. Конец июня и начало июля – лучшее время для их поиска, поскольку птицы в это время почти

постоянно находятся в гнездах: идет насиживание, надо греть кладку яиц, а тундровая погода переменчива.

Обратно 5 июля скатились за день до Пурнадо. Тут ждал некоторый сюрприз. Я решил посетить найденную ранее небольшую колонию гуменников и обнаружил, что ей не повезло. В одном гнезде яиц не было, а в трех других осталось по одному. Ясно, что не песцы или поморники поработали – те бы всё подъели. Так поступают тундровики – забирают яйца на еду, а чтобы гуси не покинули это место гнездования в будущем, оставляют обычно по одному яйцу, дабы птицы продолжали их насиживать. Такая практика... Глобального влияния на птиц она, конечно, не оказывает, хотя кому-то может показаться негуманной. Но это как посмотреть – от мяса, яиц, рыбы люди по большей части отказываться не намерены. А супермаркеты, где можно прикупить десяток-другой яиц, в тундре как-то не встречаются. Сапсаны по соседству, кстати, ничуть не пострадали.

Только 10 июля добрались до фактории, истопили баньку и немного отошли от палаточной жизни. Но ненадолго – на следующий день надо было выходить дальше. Беспокоил вопрос с топливом: до места перевалки с Нейто на Ямбуто, куда должен был заброшен запас бензина, требовалось литров триста горючки, оставалось же всего двести двадцать, плюс шестьдесят литров удалось прикупить у Анатолия Ивановича за двадцать пять рублей. Вечером пошли вниз по реке к устью Ясавэя. Дул встречный ветер, тяжело груженная «Казанка» зарывалась в волну, и на глиссирование лишь изредка удавалось выходить на поворотах реки, прижимаясь к береговой отмели. Маневрирование закончилось тем, что на одном из поворотов зацепили мель, демпфер грузового винта провернулся, а штат-

ный совсем не вытягивал на глиссер почти семисоткилограммовую посудину. Пришлось встать на ночевку и ремонт (засверлили дырки в ступице винта и ввернули туда болты – помогло!).

Еще три дня ушло на подъем по Ясавэю и Сэбаяхе при сильном северном ветре и постоянном дожде. Хотя на Сэбе воды в тот год оказалось больше, на моторе довелось идти не часто – груженую лодку приходилось тянуть бечевой, бредя по колено в воде в местах, где запустить двигатель было невозможно.

Наконец, вечером 14 июля добрались к намеченной цели и еще до двух часов ночи за шесть ходок перетащили всё хозяйство на берег Ямбуто. На следующий день Виктор занялся ремонтными работами – поменял часть заклепок на днище лодки, которая изрядно протекала, и крыльчатку водяной помпы в моторе – охлаждение тоже забарахлило, едва двигатель не перегрели. Топлива израсходовали больше ожидаемого, и ситуация была тревожная, но работа продолжалась, и через пару дней мы двинулись вниз по Мордыяхе. Во время короткого затишья ветра успели проскочить Ямбуто, но на Ерто снова забегали «барашки», и три ведра воды в лодку мы всё же насобирали.

На очередной площадке произошел с нами случай, в причинах которого мы так до конца и не разобрались. Вечером я решил с песчаной речной косы у лагеря порыбачить на спиннинг и сначала вытащил хариуса, а потом зацепил и арктического гольца килограмма на два весом. Голец оказался на удивление жирным, но желудок и кишечник его были в каких-то подозрительных оранжевых пузырях. Ну, почистили рыбку, сварили ушицу и наелись вдоволь. А ночью началось... Проснулись с Георгиевичем от ощущения, что зубы буквально вылезают из десен, во рту – привкус железа, сильная головная боль, слабость

и тошнота. Полоскало всю ночь, буквально ползали возле палатки. Меня зацепило несколько слабее, может, потому, что рыбы съел поменьше, а Георгиевича потрепало серьезно. Да он еще на следующий день и в маршрут отправился, хотя очень плохо себя чувствовал, шел через силу, ни есть, ни пить не мог, однако такой уж человек ответственный – надо так надо. Причину события обсуждали. Может быть, белковое отравление из-за большого количества съеденной легко усваиваемой белковой пищи? Вода? Маловероятно, чай пили, всё нормально. А вот накопление токсинов в теле гольца из-за высокой степени заражения гельминтами возможно. Кстати, по наблюдениям ихтиологов нашего института, степень заражения арктического гольца в знаменитых Щучьинских озерах на Полярном Урале превышает девяносто процентов. Для человека сами паразиты не опасны, во всяком случае после термообработки рыбы, хотя и неприятно такую рыбешку кушать, а вот накопившиеся яды – дело другое. Тем более у крупных рыб, успевших получить изрядную их порцию за несколько лет жизни то ли от собственных паразитов, то ли с потребленной пищей. Такие дела...

Но, в общем, эпизод пережили, силы восстановили. Погода в дальнейшем нас особо не баловала, но и работать не мешала – нормальные северные условия. А жизнь в тундре кипела, все хищники старались снять урожай леммингового изобилия. Песцы выкармливали своих щенков, тут и там попадались гнезда канюков и белых сов с разновозрастными птенцами, а ближе к низовьям реки появились и средние поморники. На Мордыяхе были просто скопления линных шилохвостей и гусиных выводков, не меньше их и утиных семейств встречалось и в окрестной тундре. И такую картину буйства

жизни мы могли наблюдать на всем оставшемся пути до Сеяхи.

А что, места-то тихие – в этот раз только однажды на реке мы встретились с экспедицией тюменских геодезистов из 163-й партии, ставивших триангуляционные вышки. Оказалось, что годом ранее они видели нашу группу на Сеяхе-Мутной. Угостили нас рыбкой, чаем с блинами и выделили полканистры топлива – приятный дорожный сюрприз!

На последней площадке по Мордыяхе обнаружили еще один подарок – Вячеслав Федорович оставил нам пятьдесят литров разведенного бензина, крайне нужного для дальнейшего путешествия. Сам он в этом году предпринял очередной сложный круиз по морю вокруг Ямала, но заглянул и в низовья Мордыяхи прежде, чем мы сюда добрались.

После обеда 24 июля пришли на уже знакомое место – базу «У Ивана Васильевича» на Сеяхе. Самого Юдинцева в это время не было, но с его напарником, Сережей Майером, мы провернули выгодную бартерную операцию: обменяли бутылку спирта на канистру бензина, три булочки хлеба, банку компота и банку паштета.

В последних числах месяца добрались до последнего участка на Мутной, где пришлось задержаться из-за сильного ветра – на озера вылезать на нашей посудине было невозможно. Ловили рыбку и вялили малосольчик у костра из ивовых веток. Такой вынужденный выходной с деликатесом!

Только в полночь 29 июля рискнули идти к озерам. Нейто-Малто (Нейто 3-е) прошли под берегом, закрывавшим нас от свежего восточного ветра, не стихшего полностью и ночью, – терпимо, хотя водичкой поливало. В протоку Ерто-Езилово вошли сравнительно легко, но

на выходе в Нейто 2-е пришлось вспомнить взятие лодки «на пуп», продираясь через стометровую отмель глубиной всего пять сантиметров.

Ветер к этому времени снова стал усиливаться, поднимая серьезную волну. Мы выскочили было на озеро и почти сразу поняли, что этого делать не следовало. Не та лодка «Казанка-М», чтобы на ней по такому волнодрому скакать, – ее нещадно заливало и бросало на крутых и высоких валах. Рванули кое-как к берегу, стараясь не въехать в волну, и добрались почти без потерь: сломали только весло, а в транце лодки появилась трещина. Пришлось тащить лодку по мелководью вдоль берега, выбирая место, где можно было бы остановиться на ночлег. В итоге часа за три-четыре проползли три километра до устья ручья Сюмбангтосё, приятного во всех отношениях в качестве пристанища. После всех бивуачных дел только в девять часов утра смогли, наконец, завалиться спать.

Утро снова встретило нас сильным восточным ветром, по озеру бегали «барашки», а посему занялись ремонтом и проверкой давилок. Только поздно вечером покинули базу. На выходе в Нейто 1-е – снова жуткий меляк, пришлось даже разгруженную лодку «брать на пуп» и тащить около двухсот метров, а потом переносить вещи. К берегу у волока подойти не смогли, сотню метров переносили груз по няше. Вылезло громадное количество злющих комаров. До полуночи перетаскали всё на Луцехавыто. К этому времени с рыбалки вернулся Тимофей Салиндер, выделил нам тридцать пять литров бензина из «своих запасов» (мы уж промолчали, что сюда для нас бочку забросили и на оставшийся путь должно было хватить того, что имелось). До знакомого берега на Ямбуто добрались и улеглись спать уже ранним утром под шум дождя.

Вероятно, дожди и туманы этих дней на межозерье вызвали у Виктора желание сделать в полевом дневнике лирические записи о красках и запахах тундры, на которые всегда обращаешь внимание за пределами цивилизации.

О том, что цвет тундры не зеленый, а разной степени желтизны, серо-бело-коричневых оттенков с примесью зелени. Зелеными выглядят только заросли крупного злака – вейника Лансдорфа, даже у ерника цвет коричнево-зеленый, несмотря на яркую глянцевою зелень листа. У ивы он – серо-коричнево-зеленый, у осоки – желтый, у лишайниковой тундры – серо-желтый или бело-черный, у полян отцветающей пушицы – бело-желтый, слегка зеленый.

И о том, что разные кусочки тундры пахнут по-разному, в зависимости от состава растительности. Есть места, где преобладают запахи ивы, полыни, зубровки, багульника, ерника, осоки, пушицы, мха или даже торфа – этот пахнет «мамонтами». Абсолютно с ним согласен. Обоняние здесь обостряется, особенно у некурящих, хотя я к таковым и не отношусь. А нынче, начиная с верховьев Сеяхи-Мутной, в воздухе постоянно чувствовался запах горелого леса – не тундры, не ивы, у них специфический аромат, а именно леса. И здесь еще ощущалась эта гарь, хотя ветер дул уже с северо-востока. Впоследствии выяснилось, что это горели леса аж в районе Надыма, за многие сотни километров от Ямбуто.

В короткие перерывы между дождями и туманами успели обследовать площадку и вечером 2 августа по небольшой зыби прошли по Ямбуто к месту выхода из него Сеяхи-Зелёной. Не успели войти в речку, как снова накрыло: туман, морось, периодически дождь. И так всю дорогу. Промокли до нитки, а дождю конца не было видно. В результате проскочили заход в протоку Палнатосё,

где у нас намечался очередной участок для работы. Стало темнеть, а мы мокрые, замерзшие и как черти голодные и усталые, поэтому решили заночевать, боясь пропустить и площадку у озера Ханавейто. Как потом оказалось, остановились в пяти минутах езды от нужного места.

Тут погода несколько смиростивилась, лишь иногда побрызгивая мелкой моросью. С севера потянуло запахами жженого мазута, горелой земли и репеллентов, которыми от гнуса опрыскивают стада оленей.

На последний рабочий участок добрались 6 августа. Виктор отсюда отправился на соседнюю площадку у побережья Обской губы, где можно было переночевать в рыбацком становище. Я же остался обследовать здешнюю территорию, а по вечерам ловил в ручье Мантысё хариусов, благо теперь снасти у меня были. Свежий жареный хариус – это объедение!

Десятого августа прибыли в Сеяху и, как и раньше, устроились напротив поселка на левом берегу на базе сейсморазведчиков. К нашей радости, утром в Сеяху пришла самоходка «Беломорский-24». На следующий день в девять часов вечера лебедкой подняли на судно лодку и загрузили в трюм. А потом нам выделили целую каюту и включили нагреваться сауну. Познакомились с капитаном самоходки Сергеем Яковлевичем Тютюнником, его помощником Виктором Петровичем и механиком Геннадием. В разговоре выяснилось, что капитан – большой любитель канареек, так что нашлась и тема беседы по орнитологии. Потом мы отогревались в сауне, термометр в которой держался на ста десяти градусах, смывая с себя все экспедиционные заботы.

Рано утром 15 августа самоходка встала на рейде Салехарда. Мы сгрузились на лодку, попрощались с госте-

приимной командой и взяли курс на портовые краны лабытнангского берега. Круг замкнулся – еще один полевой сезон на Ямале был успешно завершён.

Финальный заплыв

Последняя экспедиция в рамках намеченной нашим руководителем программы состоялась летом 1986 года в том же составе, что и годом ранее, и по уже освоенному маршруту. Но различия, как это часто бывает, проявились в деталях, не в мелочах, а именно в деталях, в той или иной степени значимых для нашей работы.

Вертолет «Ямалтрансстрой» доставил нас с Виктором на фабрику Усть-Юрибей 10 июня. И хотя по дороге мы видели, что выше по реке уже есть открытые участки воды, здесь Юрибей еще был в ледяных оковах. На фабрике в это время шла стройка: Олег Васильевич Ручкин и главный зоотехник Панаевского совхоза Николай Викторович Шен доводили до кондиции помещение, в котором могли бы останавливаться тундровики, приезжавшие за продуктами. Сейчас оно пустовало, так что нам в нем разрешили устроиться. Это оказалось как нельзя кстати, поскольку погода стояла холодная – зарядами сыпал снег, температура по ночам падала ниже нуля градусов.

Я заложил несколько площадок на разном удалении от фабрики, чтобы сравнить население птиц в этих условиях. Одновременно отслеживали пролет птиц, искали гнезда и оценивали численность грызунов. Сразу стало ясно, что в отличие от предыдущего сезона с леммингами было совсем плохо – наступил вполне ожидаемый крах популяции после вспышки численно-

сти зверьков в 1985 году. Соответственно, изменились условия жизни и всех обитателей тундры.

Погода понемногу улучшалась: 17-го термометр показал в тени плюс одиннадцать градусов, а на солнце разогревался аж до плюс сорока, несмотря на холодный северный ветер. В этот же день начался ледоход и при малой воде продолжался до 19 июня. Снега в тундре почти не осталось, если не считать забои в оврагах и лощинах.

Двадцатого июня мы смогли выехать вверх. После потепления и дождей к 22 июня тундра зазеленела, ожила. На первой же площадке подтвердилось то, что наблюдали рядом с факторией: леммингов почти не было. Я нашел сразу два брошенных гнезда мохноногих канюков, или зимняков, – птицы начали их строить, но не закончили, и яйца самки не отложили. У палатки крутились поморники, подбирая рыбы потроха. Песцовые норы пустовали. Да, для всех хищников настали плохие времена...

Двадцать третьего продолжили поездку до следующего участка у обрыва Пурнадо и речушки Тарензьяхи (Осоковой). Здесь задержались на день – испортилась погода: задул сильный северный ветер, пошел снег, а температура упала до плюс трех градусов. И ехать по реке, и вести учет пернатых при таком раскладе было очень неудобно, но на месте можно было заняться поисками птичьих гнезд. Кроме того, рядом с нашей палаткой наметились и грядущие перемены, о которых хотелось узнать подробнее. Здесь появилась вездеходная дорога, неподалеку обосновались геологи, которые рассказали нам, что через участок планируется прокладка железной дороги, а в этом месте они должны рассмотреть два варианта возведения мостовых переходов через Юрибей. Много позже тут и был построен знаменитый Юрибейский мост – очень про-

тяженный и технически крайне сложный из-за непростых геологических условий в районе вечной мерзлоты.

Наконец, 25 июня снова двинулись в верховья реки. Начиная еще с первой площадки и далее, на пути встречалось на редкость много гусиных стай, скоплений морских чернотей (в основном самцов) и даже гоголей, что очень характерно для времени, когда эти птицы собираются перемещаться на места линьки. Для вылупления птенцов и появления выводков пока было рано. А вот канюков видели мало. И даже стаи белых куропаток встречали на берегах – те галечку клевали на отмелях, чтобы пополнить запас гастролитов в желудке, вместо того, чтобы свой участок охранять от чужаков и яйца высидывать.

Но краснозобые казарки у излюбленных ими юрибейских обрывов обнаружались и беспокойными криками встречали проезжавшую лодку. Потом на берегу заметили гуся с перебитым крылом. Пришлось добить, оказалось – пискулька, вид из Красной книги, между прочим! А вскоре на кромке обрыва появился и местный оленевод с ружьем, который эту Красную книгу явно не читал, а дальше еще один.

Уже поздно вечером добрались до участка на водоразделе между Юрибеем и Нурмаяхой – выше пройти по реке не позволяли запасы топлива. В этом районе тоже наметились перемены. В северной части площадки в низине у озер появилась буровая, еще две были видны за ее границами на северо-востоке и юго-востоке. По участку пролегли вездеходные дороги, а вскоре мы встретили и вездеход с геодезистами из Мыса Каменного – народ ездил на рыбалку.

Ярким желтым пятном на одном из маршрутов выделялось старое стойбище – здесь тундровая расти-

тельность практически полностью была сбита оленями, заросла вейником, высокие прошлогодние заросли которого свидетельствовали о том, что смесь торфа и гумуса с оленьим пометом для этих растений – прекрасное удобрение. Везде, и особенно у нашей палатки, были видны следы свежего выпаса оленей.

Донимала холодная ветреная погода, временами с моросью и снежной крупой. Один из дней пришлось провести в лагере, поскольку опасались, что палатку может сорвать ветром; сушили вещи и занимались разными текущими делами.

Картина тундровой жизни становилась всё более очевидной. В ловушки совсем не попадались грызуны, и даже наша помощница Кара почти ничего не находила на маршрутах. Куропаток встречали много, но по большей части без каких-либо признаков гнездования, а то и вообще стаями, кочевавшими по тундре. В редких гнездах канюков попадались всего по два-три яйца или только вылупившиеся птенцы, на буграх кое-где безучастно сидели одинокие белые совы, над холодными равнинами рыскали голодные поморники.

Двадцать девятого июня при мерзкой погоде двинулись вниз. Почти три часа шли под дождем до урочища Ламдонадо. Вести наблюдения по дороге было невозможно – лодку трясло, бинокль заливало водой, да и живности встречалось совсем мало. Пока ставили палатку, дождь почти прекратился, в небе появились просветы, но к вечеру всё снова затянуло облаками и начался нудный обложной дождь. Ветер совсем утих, немного потеплело, но зато появились первые комары.

На следующий день в здешней протоке Вынганесёя в массе обнаружил скопление крупных щук. В чистой-

шей воде они были видны как на ладони. Тут же схватился за спиннинг. Каждый заброс блесны сопровождался поклевкой, а поскольку съесть столько рыбы мы не могли, рыболовный азарт быстро прошел, однако случай этот запомнился.

Картина в природе не менялась: стаи белых куропаток, минимум гнезд, стаи уток на озерах, которые по большей части оставались во льду, и почти полное отсутствие леммингов. 2 июля двинулись вниз, опять, как назло, при дрянной погоде. Наша «Обь-М» черпала носом волну на поворотах, так что вода захлестывала через стекло, да и дождь энтузиазма не прибавлял.

Только 4 июля немного потеплело и дожди прекратились. У лагеря на Тарензьяхе паслось большое стадо оленей. Здесь ежегодно ярсалинские оленеводы переправлялись через Юрибей, используя удобное место в излучине двух рек для сбора стада. Ловушки на грызунов мы не ставили по этой причине, а вот некоторые найденные гнезда от оленей пострадали. Но в общем ситуация была такой же, как и в остальных местах, которые мы обследовали: болтающиеся куропатки, стаи гусей, почти полное отсутствие следов жизнедеятельности леммингов. Однако на маршрутах попадалось много зимних гнезд этих зверьков. Было понятно, что катастрофа произошла, как это часто бывает, еще под снегом, скорее всего из-за дефицита кормов, болезней и подобных причин. Так что уже к весне и началу лета этот важнейший кормовой ресурс для хищников оказался почти на нуле, а для пропитания пришлось добывать всё, что только можно было найти. И больше «думать» не о размножении, а о выживании.

Тундровая растительность только-только стала оживать и расцветать: в течение трех дней распустились

листья карликовой березки, ивы, голубики, появились цветки морошки, княженики, арктоуса, или толокнянки, лютиков, калужницы и купальницы. К 6 июля, когда мы прибыли на ближайший к фактории участок, озера уже почти все освободились ото льда. Потеплело градусов до десяти-пятнадцати, но дожди нас так и не отпускали, 7 июля даже гроза накрыла.

Вылетели в большом количестве комары-звонцы, или хирономиды. Это их красные личинки, обитающие на дне водоемов, известны под названием мотыля. Звонцы кровь не пьют, но массово гибнут. На одном из озер я обнаружил на поверхности воды буквально слой из этих насекомых, а по всему водоему виднелись всплески – рыбы спешили собрать богатый урожай легкого корма. В нашу сеточку-шестидесятку рыбка тоже заглянула – пять чиров, или щокуров, по два-три килограмма и муксунчик на полтора килограмма. На ближайшие дни, когда заниматься рыбной ловлей будет некогда, запас малосола был обеспечен.

На фактории задержались на четыре дня. Устроили банный день с постирушками. А еще надо было завезти часть бензина вверх по Ясавю, иначе мы просто не смогли бы взять сразу весь необходимый запас топлива, чтобы добраться до низовьев Мордыяхи. Мне же надо было проверить ситуацию с птицами на заложенных площадках, где уже шло вылупление птенцов в гнездах куликов и воробьиных. Выяснилось, что местные собаки успели похозяйничать в окрестностях – часть кладок оказалась съедена.

Двенадцатого июля тронулись в путь, но продвигались медленно, в основном шли на водоизмещении: «Обь-М» хуже выходит на глиссирование, чем старая «Казанка» с буями, а подгрузили мы ее изрядно. Потеплело. На худосочной Сэбаяхе снова догнали нас дожди и силь-

но взбодрились комары, их время пришло. На этот раз у меня в запасе были рыбацкие прорезиненные штаны на ляшках, которые вместе с развернутыми болотными сапогами неплохо защищали от воды. Я шел впереди, таща лодку по мелководьям, а Георгиевич толкал сзади. При подходе к более глубокому участку я сообщал, что можно заводить мотор, Виктор заскакивал в лодку и, пока я удерживал ее на течении, врубал движок, я прыгал на нос, и так до следующего переката.

Только к полуночи 14 июля за семь ходок закончили волок с Сэбы на Ямбуто и обустроили лагерь. Тут и жара спала – с озера напозд туман, задул ветер, а на следующий день и неперемная морось пожаловала. Виктор разбирался с мотором – появились проблемы с водяной помпой, редуктором, переключением реверса. Железо стало уставать...

Вечером 16-го ветер ослабел, вышли к истоку Мордыяхи, но волна на Ямбуто оказалось приличная: в лодку набросало пару ведер воды, штаны подмочили. На следующей площадке снова дождь, всё обложило. На маршрутах в записях появилось сакраментальное: «Пустыня!». 17 июля, вечер, дождь, плюс три градуса, нет, чуть теплее сегодня, сидим в палатке, пьем чай... 18 июля, дождь. К утру в лодку четыре ведра накапало. Ловушки пустые, мышей нет.

На следующий день ветер немного утих. Только вышли на озеро Морды-Малто, обнаружили, что не работает водяная помпа, мотор перегрелся, пошли на веслах. Ветер снова усилился, появились «барашки», от качки Кара, сидевшая на носу лодки, вывалилась за борт. Вытащили, зашли в Мордыяху.

Уже на реке встали на ремонт. Перебрали мотор, помпу. Вода бежит только на малых оборотах, на больших пропадает. Сменили редуктор, поставили родной, вообще нет воды. Георгиевич разбирал и собирал различные

комбинации редукторов, помп и крыльчаток. Не помогли пять вариантов, пришлось идти на малых оборотах.

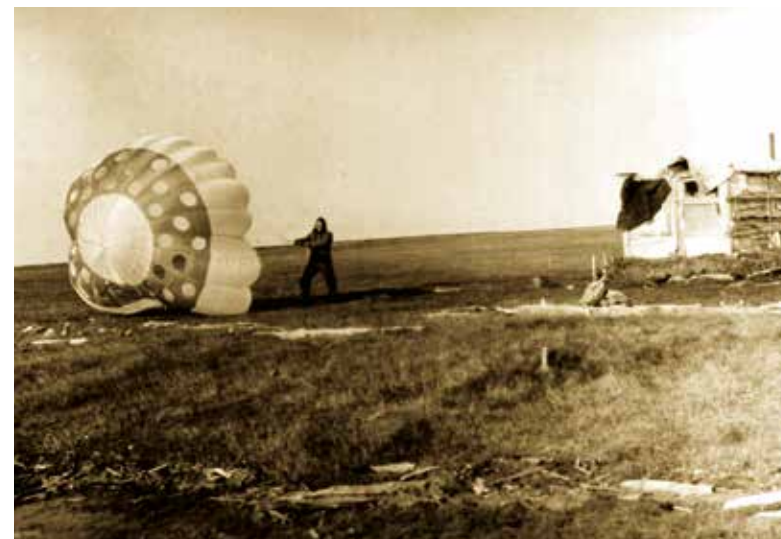
Пришли на участок Малъесято 20 июля в шесть часов утра. Было тихо, солнце слепило. Только пристали к берегу, откуда ни возьмись – туман с моря, и такой густой, видимость двести метров, в точности как в прошлом году.

Я, честно говоря, в сложившейся ситуации запаниковал. Понятно было, что на такой технике до Сеяхи можно и не дотянуть – ведь, кроме спуска по Мордыяхе, предстоит подняться по Мутной, пересечь четыре больших озера, да и по Зелёной не ближний край, с несколькими озерами по пути. Возникло большое желание закончить поездку на Бованенково и выбираться домой, тем более что ситуация с экологической обстановкой в этом сезоне на Ямале была абсолютно ясной. Однако Виктор Георгиевич – человек ответственный: раз поручено задание, будем выполнять. Хорошо, что в дальнейшем главную проблему с мотором удалось решить.

А пока к вечеру подошла гроза, всю ночь грохотало, дождь лил и 21-го. Комар озверел, его погода – тепло и сыро!

Двадцать второго июля вышли на Юреяху, до которой ползли на малых оборотах шесть часов под периодическим дождем. На стоянке нашли опять записку от Вячеслава Федоровича, шедшего вокруг Ямала, узнали, что на всем участке не менее трех недель паслось стадо оленей. Оставил он и сорок литров бензина. Стало понятно, что этого нам не хватит и без помощи Ивана Васильевича Юдинцева до озер не добраться, надо двести литров, у нас только сто двадцать.

До 25 июля потянулись опять туманы, морось и дожди, было свежо и комарно. На маршрутах становилось всё пустынее: минимум занятых песцовых нор, выживших гнезд канюков и куропачьих выводков. Правда, на

«Десант» на остров Белый

Юрибей, 1982 год

Рыбалка на щуку

На берегу Мордыхи с В. Ф. Сосиным, 1984 год

Перед вылетом

У истока Сеяхи-Мутной

Лагерь у Ямбуто (Мордыяха), 1985 год

Вверх по Юрибею

На привале

Тихий вечер на Юрибее

Озеро Халэвто в 1995 году

Озеро Халэвто в 2017 году

Юрибейский обрыв

Остановка у Хутыахи

Гусиное царство

Фактория Тарка-Сале, 2004 год

Фактория Усть-Юрибей, 2004 год

По дороге на Ярато

Перед возвращением домой

Встреча на фактории

Песчаные раздувы

Готовы к поездке

Разгружаемся на Щучьей

Встреча с тундровиками

Идем по Шучьей

Скальный каньон на Шучьей

Речные дали

Встреча с группой поддержки

Могила промышленника

Прибыли в Белоярск

реке, пока шли с верховьев Мордыяхи, гусиные выводки встречались нередко, только число птенцов в них было чаще небольшим.

Но тут обнаружился и прогресс в делах – на базе у Ивана Васильевича удалось справиться с проблемой охлаждения мотора. Оказалось, что даже новые крыльчатки для водяной помпы страдали дефектом: резиновая часть с лопастями проворачивалась на бронзовой втулке, которая вращалась на валу двигателя. Засверлили насквозь резину и металл в нескольких местах, ввернули болты, залили клеем, и всё заработало. Это, равно как и банька, хорошо взбодрило нас. Поэтому, хоть и с опозданием, но 28 июля вышли вверх по Мутной с большим оптимизмом, несмотря на редкостную пустынную на реке и площадках, периодические дожди и ветра.

В час ночи 3 августа добрались до Нейто 3-го, далее по протоке выскочили в Нейто-Ерто, попали на хорошую волну и едва не перевернулись. Лопнул трос рулевого управления, и Георгиевич каким-то чудом сумел удержать лодку на ровном киле. Вернулись в протоку и заночевали. Только к вечеру следующего дня, когда ветер немного ослабел, предприняли попытку прорваться через Нейто 2-е. На нем еще бегали «бараны» и лодку здорово кидало, но проскочили. В проливе в следующее Нейто снова разгружали лодку, однако воды в этот раз оказалось побольше, чем годом ранее, посудину хоть можно было метров двести вести, а не тащить волоком. На озере – снова обрыв рулевого троса, однако доехали. На Луцехавыто перетащить помогли Тимофей Салиндер с напарником, а дальше мы уже сами, благо ветер к полуночи совсем утомился.

Следующие дни как-то слились в череду малоприметных рабочих будней. Тепла становилось всё меньше,

ни ветры, ни дожди не оставляли нас в покое, а записи в полевых дневниках становились всё скуднее. Тундра пустела, многие ее обитатели готовились к отлету, а молодого поколения было немного. Повсюду на площадках виднелись следы выпаса оленей. Даже маршруты без интересных встреч и находок радости не приносили. Пройдешь километров пятнадцать, а в дневник прибавляется всего десяток-другой записей о пустых норах песцов, нескольких встречах уток, чаек и всё более редких канюков и поморников. Что ж говорить о богатстве тундровой жизни в этот год, если даже белая сова у базы Юдинцева пыталась дохлого налима похитить – до ручки дошла от голода...

Наконец 15 августа прибыли в Сеяху, на привычный левый берег. Утром из поселка ушла самоходка, мы на нее опоздали, а следующая могла подойти не раньше чем через неделю. Оставалось ждать. Вместе с нами поселились гидрологи, которым предстояло работать на Сеяхе, выясняя транспортные возможности рек в связи с предстоящим освоением Бованенковского месторождения. Один из курьезных случаев, происшедших тогда, я вспоминал в книге «Север, птицы, люди» – как ребята спутали с гусями гагар, летавших с громкими криками над низиной, простиравшейся к северу от поселка, добыли одну, а потом мы ее и съели.

Двадцать первого августа появилась надежда – по корабельной связи удалось выяснить, что мимо Сеяхи на юг идет «Беломорский-25» и может нас подхватить на траверзе поселка. Так что мы при свежем восточном ветре вышли в губу и встретились с самоходкой. Еще при погрузке заметили перед настройкой судна поперек всей палубы трещину, которая угрожающе дышала и поскрипывала, когда «Беломорка» переваливалась на волнах. Оказалось,

что судно шло на север с грузом леса и попало в серьезный шторм, его хорошо потрепало – отсюда и трещина. Некоторым кораблям повезло меньше, и их выбросило на мель. Но для «25-ки» всё обошлось, и обратно она вернулась с минимальными потерями. Вообще, шторма в Обской губе считаются неприятными: как говорят моряки, из-за малых глубин в заливе волна здесь злая – высокая и короткая, не такая пологая, как в открытом море.

Вечером 23 августа подошли к Салехардскому рейду. Мы дома. Шесть лет поездок по Ямалу были завершены. Но впереди меня еще ожидали годы работы в округе, уже знакомые и новые места, новые встречи, находки, события и впечатления...

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТУНДРОВОГО ОЗЕРА

Эта история относится к 1995 году и тематически связана с очерками, в которых я рассказываю об экспедициях на Бованенково. Дело в том, что с месторождения надо транспортировать его продукцию: газ, газовый конденсат. Нужна ТРУБА. Не одна, конечно, а шлейф труб большого диаметра, по которым можно качать метан туда, где он будет востребован. В Европу, например. Можно также метан переводить из газообразного состояния в жидкое, сильно его охлаждая, и в таком виде закачивать в специальные суда, которые доставят товар по назначению.

В отношении Бованенково выбрали первую схему. От низовьев Сеяхи и Мордыяхи газотранспортная магистраль должна была дойти до побережья Байдаракской губы южнее архипелага Марресальские Кошки, пересечь губу и выйти на западном берегу снова на сушу. Конечный пункт на Ямале, кстати, точно попадал на то место,

где мы с Вячеславом Федоровичем Сосиным в 1983 году сделали остановку в устье речушки Яраяхи перед ночным броском по морю в обход островов.

До района перехода через губу трубопровод и сопутствующие объекты (дорога, ЛЭП) предполагалось проложить западнее Мордыахи, частично захватывая и ее притоки. Необходимо поэтому было провести обследование района трассы, оценить экологические риски, возможный ущерб от изъятия части территории из сельскохозяйственного оборота, рыбных и охотничьих промыслов, определить угрозы для существования редких, особо охраняемых видов растений и животных. Тем более что эти земли входили в состав южной части Ямальского заказника.

Для решения названных задач на отрезке планируемой трассы я и попал в том году на озеро Халэвто. Моим напарником был сын директора стационара, молодой биолог Михаил Шишмарев, специализировавшийся, как и его отец, на ихтиологии. Нас забросили на западный берег озера, где из него вытекала неширокая, но глубокая речушка Халэвтосё (в переводе с ненецкого – протока из озера Халэвто), которая через другие речки соединялась с Мордыахой в ее низовьях. Название самого озера переводится как Чаячье, или Халейское, – гидронимы и топонимы, образованные от названия чайки халея, широко распространены на Ямале. Правда, никаких колоний и скоплений чаек я тут не обнаружил.

Озеро было довольно крупным, местами до двух километров шириной и в длину с севера на юг около семи. У берегов по западу преобладали мелководья, но в восточной части глубины увеличивались метров до шести – десяти, как мы потом установили по замерам.

Место, на котором было решено устроить лагерь, мне не очень нравилось в отношении защищенности от се-

верных ветров: склон с этой стороны был слишком пологим, никаких зарослей кустов, которые могли бы служить защитой, тоже не существовало. Это меня сильно беспокоило, но в расположении первой базы имелись и свои преимущества. Вся северо-западная и северная часть территории, которую надо было обследовать, оказывалась доступной на пеших маршрутах от палатки, а на юго-западную я мог легко попасть, переправившись через протоку на резиновой лодке.

Недолго мешкая после высадки, поставили палатку и, конечно, сеточку. Почти всё озеро в это время, 23 июня, покрывал лед. Но у берегов появились широкие забереги с небольшими глубинами. Тут мы и нашли местечко для сетки. И очень удачно. Вскоре услышали всплески, по воде побежала рябь от ныряющих поплавок. Есть! Бегом к лодке, подъехали – в сетке хороший экземпляр. Вынимаю, и на берег. Миша осматривает, промеряет, взвешивает – муксун, три триста, в смысле три килограмма триста граммов. Хороший «хомяк» попался!

Я бросаю линию давилок. Всё, базируемся! Теперь ужинать. Естественно, малосолочка (точнее, пятиминутка) из муксуна. У меня в запасе к нему бутылочка традиционной. Миша некоторое время еще поддерживает меня, а потом забирается в палатку и падает, сраженный мертвецким сном. День выдался нелегким.

А я всё сижу возле палатки и смотрю на растилающуюся передо мной тундру. Солнце неспешно катит над северным горизонтом. Небо чисто и безмятежно. Утих дневной ветер. Я просматриваю окрестности на сотни метров и слышу все голоса тундры. Вон взлетел с брачным победным криком куропад, и ему ответил сосед. А там уже один гонит другого. Над краем озера летит косяк гусей – им пора на линьку. Ночь, но не перестают петь подорожники

и коньки, высоко надо мной летит с печальным свистом ржанка. На озере заговорили краснозобые гагары.

Вы знаете, в жизни не часто бывают моменты, которые никогда не забудешь. Именно такой я помню эту ночь на берегу Халэвто. Да, есть места, в которые хотелось бы попасть, и ситуации, которые хотелось бы повторить, но река времени необратима и неумолима. Может, остановить ее на мгновение способны перо или клавиатура компьютера... Надеюсь, что так, потому и пишу.

До 28 июня удалось собрать хороший материал о рыбных запасах озера. Ловились щокур, сырок, пыжьян, налим и щука. Попался еще один крупный муксун, теперь аж на семь килограммов. Небольшим бредешком мы прочесывали мелководье у берега, стараясь выловить рыбью молодь, и неизменно за каждый проход зацепляли несколько ряпушек. Да, места тут были богатые! Но в этот день начались подвижки льда, наше место, где можно было ставить сети, полностью им забило, еле снасти успели вытащить. Пришлось ихтиологические сборы остановить до 3 июля, когда лед на озере полностью распался.

Я всё время занимался, конечно, своим привычным делом – обследовал на маршрутах намеченную территорию возле озера. Характер местности и ее фауна были вполне типичны для этого района ямальской тундры. По сравнению с местами, расположенными восточнее, ближе к Мордыяхе и Сеяхе-Мутной, можно было отметить меньшее распространение кустарников и связанных с ними видов птиц. Рельеф тут был сравнительно выровненный, с пологими склонами, поросшими местами ивняками и карликовой березкой, с невысокими возвышениями, на которых на песчаных грунтах

встречались сухие лишайниковые тундры, и с заболоченными плоскими низинами.

Из редких, особо охраняемых видов удалось найти только сапсанов, гнездо которых я обнаружил на обрывистом северном берегу Халэвто. Немало здесь оказалось и гусей, но не гнездившихся, а собиравшихся лететь на линьку в более тихие места на северо-востоке Ямала, на Гыдан и даже, вероятно, на Таймыр. Так что район нельзя было признать каким-то исключительным, особо ценным с точки зрения охраны природы, хотя он и входил в состав Ямальского заказника. О рыбных запасах озера я не говорю, это особая статья.

Но что бросалось в глаза, так это интенсивное использование территории к западу от Халэвто для выпаса домашних северных оленей. Следы временных стоянок оленеводов попадались буквально на каждом сухом бугре. На участке паслось небольшое стадо животных, которые периодически появлялись у нашей палатки. Как потом выяснилось, принадлежало оно одному частнику.

Однако история с оленями на этом не закончилась и получила продолжение через несколько дней, когда мы перебазировались 5 июля на восточный берег озера, откуда можно было обследовать вторую половину района работ. Здесь мы устроились на перешейке между Халэвто и соседним озером Тьясыхыдырто. Название последнего как раз и говорит о существовании здесь очень узкого перешейка. К тому же, вероятно, оно указывает, что сток из озера по ручью на восток, в Мордыяху, довольно слабый (вроде как воды с большим трудом проталкиваются через него). Действительно, русло этого ручья очень извилистое, течение слабое, что видно по наличию на его протяжении цепочки маленьких озер-

ков. К чему все эти рассуждения, станет понятно чуть позже.

Защита от непогоды здесь оказалась лучше, чем на первом месте, хотя это не пригodiлось – дни стояли прекрасные. Еще до переезда появились первые комарики, в массе зацвела морошка, распустились купальницы, незабудочник, копеечник, лапчатка, а потом и багульник. Тундра разукрасилась, птицы сидели на гнездах, а многие уже выкармливали птенцов. Чудесная пора!

Мы поставили сети на глубокой яме у восточного берега, но без результатов: рыба из глубин переместилась на мелководья, где самой многочисленной была ряпушка. Так что Миша работы перенес на соседние водоемы, а я продолжил обследование восточной части площадки.

Вечером 7 июля к нашей стоянке на двух упряжках подъехали оленеводы. Мы еще накануне заметили появившиеся на юго-западном берегу Халэвто два чума и большое стадо оленей, как я прикинул, голов около двух тысяч. Нашими очень зоркими гостями оказались оленеводы из Яр-Сале, а среди них одного я знал – это выпускник Ямальской школы Саша Лаптандер, учившийся в классе, где руководителем была моя школьная коллега Раиса Малькова. Пятнадцать лет с той поры минуло...

Я порасспросил Сашу о том, каким маршрутом они продвигались, что наблюдали в природе в тех местах, поскольку такие сведения помогали составить представление об экологической ситуации в тундре средней части полуострова. В дальнейшем их путь лежал к фактории Мордыяха, а оттуда обратно на юг.

Коридор, по которому шло каслание, оказался довольно узким и пролегал в знакомых мне местах. Юрибей оленеводы форсировали возле Суюханглаваяхи на участке близ обрыва Пурнадо, затем продвигались

вдоль Ясавэя к устью Неруты, где пересекли Мордыяху и вышли к юго-западной оконечности Халэвто. Возвращаться должны будут здесь же. Но по нашему перешейку, где следы выпаса и пребывания животных были хорошо видны, они оленей не прогоняют. И выяснилось, что в стаде не две, а пять тысяч голов, из которых три – так называемые личные. Но к востоку от нас стоят сейчас охотники, которые пойдут дальше через перешеек. Ну, был и частник, чьи олени паслись на участке. Перемычка между озерами, где проходили животные, тоже изрядно пострадала.

Теперь стало понятно, почему следы выпаса и пребывания здесь оленеводов были столь многочисленны. Двумя годами позднее я возвращался из Харасавэя в Лабытнанги, вел видеосъемку района по левобережью Мордыяхи от ее низовьев до озера Ямбуто и был поражен обилием песчаных раздувов на возвышенностях. Промышленным освоением эти места затронуты не были, ни дорог, ни населенных пунктов. Единственным фактором, который приводил к угнетению и уничтожению скудного растительного покрова, состоящего на буграх в основном из лишайников, мхов, трав и мелких кустарничков, был неумеренный выпас оленей.

Проблема эта на Ямале была уже не нова к тому времени. Перетравленные пастбища на полуострове отмечали еще в 1920–30-е годы, но тогда это не достигало таких масштабов. Причины учеными обсуждались, я с ними солидарен в этом и не раз высказывал свое мнение о том, почему ситуация обострилась с начала 1990-х годов. Во времена Советского Союза контроль над поголовьем оленей осуществлялся тщательнее. Во-первых, потому, что за этим следили совхозы, владевшие большей частью поголовья, во-вторых, из-за существовавшего

ограничения для оленеводов на число животных, которое могла иметь семья, – если не ошибаюсь, триста голов. Я не специалист, чтобы оценивать, была ли такая норма справедливой и достаточной для жизни тундровиков, но она существовала и сдерживала бесконтрольный рост поголовья в личном пользовании. После ее отмены увеличение численности оленей пошло без должного контроля, без учета оленеемкости пастбищ. А ведь площадь их только уменьшалась, качество ухудшалось. Часть земли требовалась под освоение месторождений полезных ископаемых, под дороги, карьеры, превращалась в бесплодные развеваемые пески на местах перевыпаса. Нарушилась и отработанная система заготовки продукции отрасли.

Исторические традиции оленеводов естественным образом ориентированы на увеличение поголовья животных, которыми они владеют. Это понятно, поскольку от этого напрямую зависит их благополучие, да и сама жизнь. В городе таким запасом могут служить вклады в банках, недвижимостю или еще что-то ценное, а в тундре вся жизнь связана с оленем, он – гарантия нормального существования. Однако регулирование выпаса и рациональное ведение хозяйства необходимы, от этого никуда не денешься – таковы требования нынешнего дня. Сейчас это, кажется, для всех очевидно.

Теперь собственно к истории, происшедшей с озером. В том году мы успешно завершили свою работу. 10 июля вертолет забрал нас с перемычки между озерами, унося из теплой тундры в Мыс Каменный, который встретил свежим ветром с ледяных полей в губе и температурой всего плюс пять градусов.

И лишь через много лет мне снова пришлось вспомнить о Халэвто. Коллеги сообщили, что озеро практиче-

ски исчезло, погибло, потеряв большую часть своего водного зеркала. Произошло разрушение узкого перешейка между ним и озером Тыясыхыдырто, в которое устремились потоки воды из Халэвто, всё стремительнее размывая остатки преграды между ними. Причин разрушения было несколько. Полоса тундры между водоемами была неширока, растительный покров здесь сильно пострадал от оленей, потому песок, слагавший ее, легко раздувался ветрами, размывался дождями, потоками талой воды и волнами, подтачивающими перемычку с обеих сторон. Процессу способствовало и то, что годы после нашего посещения этих мест выдались теплыми, мерзлота отступала. Ну, а дальше всё пошло по нарастающей и закончилось для Халэвто печально, впрочем, как и для его соседа. Вынесло и его.

Я зашел в программу «Планета Земля», или Google Earth, и обнаружил на космоснимке, сделанном 27 июня 2016 года, всю картину происшедшего. От большого озера осталась лишь часть у восточного края, где глубины были больше, а вся мелководная западная часть обсохла. На обширных грязевых полях можно было даже разглядеть следы проездов то ли нарт, то ли вездеходов. Протока Халэвтосё пересохла, не получая воду. На обнажившемся дне соседнего озера виднелись небольшие пятна мелких водоемов и русло протоки в центре. Вытекавший из него ручеек превратился в грязную канаву. А все воды озер ушли дальше и в конечном счете попали в среднее течение Мордыхаи. Так закончилась на Ямале жизнь одного хорошего рыбного водоема и его спутника.

О чем свидетельствует эта история? С одной стороны, она позволяет увидеть достаточно обычный для тундровых районов Западной Сибири процесс эволюции озер. В условиях многолетнемерзлых пород, или, проще гово-

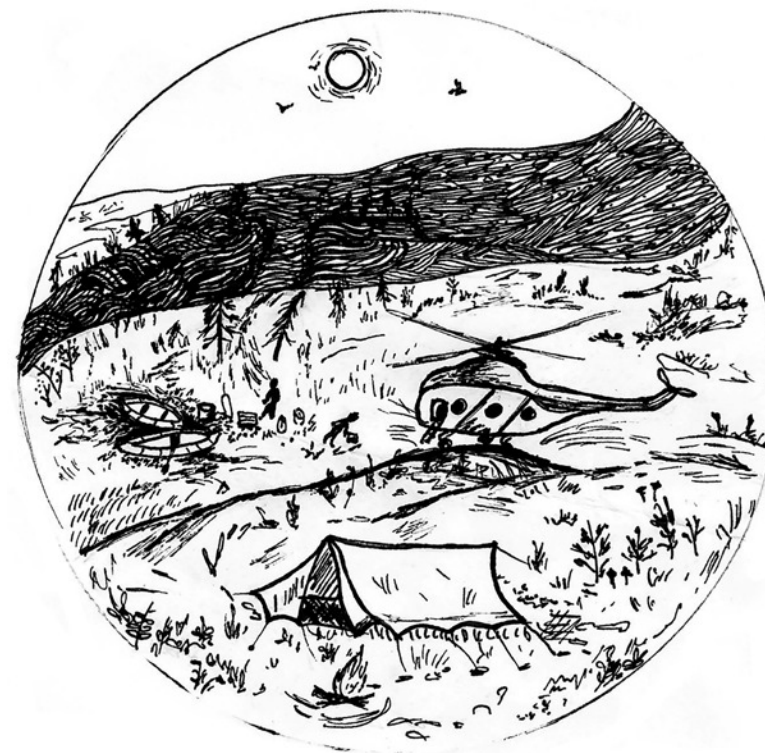

ря, вечной мерзлоты, большое значение имеют процессы термокарста. При этом в некоторых местах происходит протаивание мерзлоты, проседание грунта и образование углублений, которые постепенно заполняются водой. Так озера возникают и постепенно могут расти, поглощая окружающие территории.

С другой стороны, те же сильно льдистые породы легко размываются водами рек и ручьев, русла которых всё время смещаются и могут добраться до соседних озёр. И происходит слив их в реку. Остается территория, которая имеет свое название – хасырей. Поскольку на дне озёр скапливается большое количество органического вещества, в той или иной степени переработанного червями, моллюсками, насекомыми и бактериями, освободившаяся поверхность оказывается очень плодородной и быстро зарастает разными растениями. Так возникают места, привлекательные для многих зверей и птиц.

Но на скорость и масштабы проявления естественных процессов могут влиять и факторы, которые привносит в природу человек. Поэтому необходимо предвидеть результаты нашей деятельности, будь то образование кратеров на месте спонтанных выбросов природного газа, изменение ландшафтов, возникновение и гибель озёр, преобразование растительности и животного мира или разрушение скотомогильников. И выбирать мы должны оптимальные решения: с минимальными потерями и для природы, и для человека.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЮРИБЕЮ. НОВЫЕ РЕАЛИИ

После экспедиций 1982–1986 годов на Юрибее мне пришлось побывать еще несколько раз. Сначала это было связано с подготовкой зоологических карт полуострова Ямал, для чего потребовалось уточнить информацию о некоторых его районах, а позднее с разработкой проекта создания в бассейне реки особо охраняемой природной территории (ООПТ).

Эти поездки во многом пополнили знания о вроде бы уже неплохо изученном крае. Но время бежит, всё меняется, и отмечаешь, какие сдвиги произошли в местной фауне, как преобразилась тундра, насколько иной стала жизнь людей. А порой понимаешь, что перемены в стране добрались и сюда, внося свои коррективы в экономические и просто человеческие отношения.

ПРАВЫЙ ЮРИБЕЙ

О том, что река образуется слиянием двух истоков – Левого и Правого Юрибея, я уже говорил, но если на первом из них я работал в течение семи летних сезонов, то на втором побывал лишь однажды, в 1991 году. Как раз в связи с подготовкой зоокарт. Сезон оказался насыщенным, до этого я успел поработать на реке Щучьей и на трассе газопровода на севере Ханты-Мансийского автономного округа, поэтому попасть на Ямал смог только 17 июля.

Отряд забросили на место, как обычно, вертолетом. Только название «отряд» для этого случая слишком громкое. Кроме меня, в него входил рабочий, которым, за неимением молодых кадров для участия в поездке, согласился стать мой тесть Георгий Павлович, человек опытный и привычный к жизни на природе. Его помощь была незаменима в походном быту: я всегда был уверен,

что из маршрута вернусь к уютному бивуаку, где ждет меня сытный обед, дрова для костра заготовлены, рыбка почищена и посолена. В общем, тылы были обеспечены, а мне оставалось заниматься своими научными делами.

Высадились мы в самых истоках реки из Ярато 1-го (восточного). Она здесь совсем узкая, с чистой водой и быстрым течением. Первым делом занялись обустройством. Установили палатку под склоном холма, перетащили к воде лодку, мотор и баки с горючим. Я отправился ставить давилки на грызунов, а Палыч занялся обедом.

После трапезы решил оценить возможности рыбалки, поскольку в этот раз мне надо было собирать материал и о водной живности. На течении сетки устанавливать оказалось невозможно, заводей поблизости не нашлось, а на спиннинг тоже ничего не ловилось. Стал изучать карту. Ниже по течению справа в Юрибей впадал ручей – так себе ручеек в верховьях, но на низине перед впадением в речку он сильно расширялся. Место хорошее, только от лагеря далековато. Надо будет ездить туда на проверку сетей, а запасов топлива у нас не так много. Но делать нечего, поехали на разведку и выяснили, что с оценкой его перспективности я не ошибся: ручей здесь превращался в длинный широкий залив почти без течения и с залитыми водой низкими травянистыми берегами. Идеальные кормовые угодья для рыбы. Решили в лодке посидеть, перекурить и понаблюдать за сеткой. Буквально через несколько минут поплавки заиграли, потом еще и еще. Вот и первый улов! Вернулись в прекрасном настроении. Я обработал пойманных рыб – почти весь набор местных сигов: муксун, щокур, пыжьян, сырок.

Начались маршруты в окрестностях стоянки. Судя по встречаемости зимних гнезд леммингов, их зимняя численность была средней, местами и сейчас обнаруживались во множестве следы жизнедеятельности зверьков,

а вот в ловушки пока ничего не попадало. Такая картина говорила о падении их обилия к моменту наших работ. Соответствовало этому и животное население тундры. По весне загнездились зимняки, поморники, попадались занятые норы песцов, но к концу июля птицам всё труднее становилось отыскивать корм для подрастающих птенцов. Редко где удавалось на гнездах и норах находить останки леммингов, чаще разных пернатых, а у зимняков я опять стал отмечать случаи каннибализма.

Но в целом было, что называется, то густо, то пусто. Кто из хищников попал на участок с сохранившейся высокой численностью леммингов, успешно выживал, а те, которым повезло меньше, явно голодали. Но вот куропатки, водоплавающие и другие пернатые чувствовали себя неплохо. На озерах везде встречались выводки морянок, морских чернетей, шилохвостей, чирков-свистунков, а также гнездовые пары и группы малых лебедей.

Южнее площадки виднелась буровая, действующая, поскольку туда летал вертолет.

Двадцать первого июля сняли лагерь и без приключений дошли до следующей стоянки. Здесь слева в Юрибей впадала небольшая речка, проходившая через несколько озер, на берегу ближайшего из которых мы и устроились. Место оказалось исключительно приятным во всех отношениях. Палатка стояла на невысокой сухой лишайниковой террасе рядом с водой и зарослями ольшаника на склоне. С севера нас прикрывала возвышенность. Дрова и чистая вода, удобные для установки сетей водоемы. Лучшего и желать невозможно!

Ситуация в здешней тундре ничем не отличалась ни по численности грызунов, ни по размножению миофагов, уток, куропаток и птичьей мелочи от той, что была на предыдущей площадке. С рыбой почти то же, только

стало больше щук и не попадались муксуны. У тестя появилось новое занятие – на удочку он ловил ельцов, а сижков, которые тоже хватали наживку, всё никак вытянуть не мог, срывались.

Я же на склоне речной долины, густо заросшей ольшаником, обнаружил беспокоившуюся самку дербника, долго искал гнездо, но так и не нашел. Оно было где-то на земле в чашобе кустов, а времени на поиски было немного. Неподалеку беспокоился еще и щеголь. Обе эти находки были на тот момент самыми северными встречами на Ямале и сокола, и кулика.

Здесь следы прохода оленеводческих бригад со стадами стали заметнее – район был очень важен для выпаса оленей, а большую часть территории занимали крупные озера со сравнительно узкими коридорами между ними и немногими местами, где можно было форсировать водные преграды. Тут же оленеводы до осени хранили зимние вещи, тщательно упаковывая их на оставляемых нартах, чтобы они не промокли и не попортились.

Отсюда мы вышли вниз к большому озеру Паладито, куда впадал Правый Юрибей, далее по протоке к Нелёко-Паладито и, наконец, по реке в окрестности фактории. Самыми худшими и в то же время наиболее интересными оказались первые отрезки пути через озера.

На выходе из Паладито в межозерную протоку зацепили мель с крупными валунами, наследием ледникового периода. Русло реки тут резко отклонялось к югу и востоку, прижимаясь к коренному берегу почти вплотную. Повезло, винт мотора уцелел, заменить пришлось только шпонки. После Нелёко-Паладито река стала очень мелкой с широкими и ровными перекатами. Лишь когда по берегам появились заросли ивняка и трав, шли без плутания по мелякам, хотя и тут следовало быть вниматель-

ным всё время, до самой фактории – напротив нее на реке был осередок, мель посередине реки.

Однако как раз участок между озерами в фаунистическом отношении оказался наиболее интересным. На коротком отрезке маршрута встретили двух болотных сов, более десятка выводков белолобых гусей и гуменников и даже выводки гаг-гребенушек. Стало очевидно, что наличие крупных внутренних водоемов для таких типичных морских уток, которые обычно гнездятся на морских побережьях или недалеко от них, имеет определяющее значение. Именно в верховьях Левого и Правого Юрибея, где есть большие озера, я неоднократно встречал этих птиц так далеко к югу в центральной части полуострова. Вообще, место это тихое, кормное, гусей и уток никто особо не беспокоил, потому они и жили-поживали тут припеваючи.

Палатку на третьем участке разместили на невысоком обрыве. Место открытое, конечно, но погода позволяла и примет о ее ухудшении не наблюдалось. Как обычно, поставили сетки, давилки, а вечером решили провести факторию. Но там никого не нашли. Местные ненцы сказали, что факторщик в отпуске до сентября. Живет сторож, охраняет балки геофизиков. Действительно, возле старых домиков виднелось скопление домиков на санях – обычное летнее «стойбище» сейсморазведчиков, точнее, их «амгари» (по-ненецки – вещи).

На последней площадке отработали четыре дня. Особых открытий не было. Чуть лучше здесь оказалась ситуация с грызунами и зимняками, опять обычны были выводки куропаток и уток. Нашел гнездо сапсана с крупными птенцами и в антитезу ему – место старой буровой. Рыба ловилась плоховато, но записи с промерами пойманных экземпляров и чешуйные книжки пополнялись, я даже ерша вытащил на удочку. Мешали халеи. Мы стояли не рядом

с факторией, но для этих птиц тридцать-сорок километров до места, где можно рыбкой полакомиться, не крюк. Вот и стали летать из окрестностей Тарка-Сале, где всегда можно было поживиться отбросами, к нашим сеткам. Нашли их моментально, а уж ловкость халеев по части расклеивания попавшей в сеть рыбы всем северянам хорошо известна. Не успел рыбу вовремя из снасти вынуть, достанешь уже снулую без головы и потрохов. Но вот что удивительно, я не знаю ни единого случая, чтобы сами чайки в сетках запутались. Лапами ли, головой ли... Нет, расклюют, и поминай как звали. И никто из многих моих знакомых попадания чаек в сеть тоже не видел. Исключительно ловкие мошенницы!

Так в то время жизнь тундры и развитие в ней человеческой цивилизации шли параллельно, то соприкасаясь, то расходясь, пока только в деталях и лишь местами указывая на серьезные грядущие перемены. Законы природы по-прежнему управляли большинством естественных процессов, а люди или подчинялись им, или их нарушали. Обычно не осознанно, а просто в результате своей деятельности, в своих интересах. Но лиха беда начало...

Хэто – Юрибей. Большой десант

В 2004 году группа специалистов Института экологии и лабытнангского стационара, включавшая геоботаника, ихтиологов, орнитологов и териолога, выехала на машине на север по трассе Обская – Бованенково, рассчитывая добраться до озера Хэто, а оттуда и на Юрибей. Команда мне была уже хорошо знакома. Изучение растительности возлагалось на Светлану Эктову, продолжение ихтиоло-

гического обследования реки – на Александра Гаврилова и Виктора Сидорова. Мы с Михаилом Головатиним и Василием Соколовым занимались сбором данных о птицах, а кроме того, помогали и главному специалисту по млекопитающим Виктору Георгиевичу Штро. Полевики все опытные, на севере проработавшие не один год. К тому же экипировка у нас была уже не то что в 1980-е годы – новые лодки, моторы, палатки, фототехника, GPS-навигаторы гарантировали успех предприятия.

Из озера Хэто вытекает неширокая, но глубокая речка Хэяха с быстрым течением, практически канава, но на лодках вполне проходима. Только на первом этапе надо было внимательно следить за причудливыми изгибами русла, чтобы вписаться на скорости в повороты. На своем пути Хэяха пересекает озеро с отмелями на входе в него и выходе, а дальше принимает облик типичной тундровой реки с песчаными обрывами и косами. Впадает она в Байдарацкую губу, но, не доходя до нее, от низовьев Хэяхи до Юрибей тянется небольшая проточка Хэхэдейяха, по которой мы собирались выйти в основной район работ. Некоторая сложность прохождения по этой водной перемычке состоит в том, что тут уже проявляют себя приливы и отливы. Так что в одну сторону мы прошли без проблем, а на обратном пути попали в отлив, помучились на вылезших отмелях, да и сети, поставленные оленеводами, приходилось аккуратно форсировать.

Первый лагерь установили неподалеку от фактории, там же, где обычно работали в 1980-е годы. Вечерело, солнце скрылось на западе за стеной туч. Заштиллело. На глади Юрибей виднелась только лодка ихтиологов, возвращавшихся к палаткам после проверки своих снастей. Привезли ведро ельцов – это такая небольшая рыбка из семейства карповых. Я в экспедицию 1986 года у факто-

рии Усть-Юрибей на удочку натаскал немногим меньше, но отдал местным голодным псам – хоть меньше в окрестной тундре будут разбойничать. А в этот раз пожарили и с большим аппетитом за ужином приговорили. Рыба, в общем-то, вкусная, тем более только выловленная, но на Оби все карповые несут проклятие распространенной в бассейне этой реки заразы – описторхоза, который вызывает паразитический червь (по-научному «гельминт») описторхис, или двуустка. Передается он по цепочке промежуточных хозяев, включающих моллюска битинию и чаек, рыбам, а потом и человеку, если съедена будет недостаточно обжаренная, проваренная, просоленная или замороженная рыба. Гельминт поражает печень, вывести его без последствий для здоровья очень сложно. А в бассейне Оби все карповые рыбы этой гадостью заражены. Язь, например, почти поголовно – более девяноста процентов популяции. На Юрибей, к счастью, сия напасть не проникла, так что рыбку мы ели без опаски.

Продвигаясь вверх по реке, добрались до Хутыяхи. У подножья обрыва обнаружилась небольшая частная фактория, где я рассчитывал найти завезенную нам бочку бензина. Дело в том, что предварительно я встречался с хозяином фактории Николаем Минаевым в городе Лабытнанги, договорился о заброске топлива, выделил на это деньги. Однако бочки тут не было, как объяснил Николай, из-за проблем с завозом, поэтому всему отряду подниматься дальше по реке оказалось невозможно. Группа разделилась: ихтиологи с Виктором Георгиевичем остались, а мы вчетвером на одной лодке пошли вверх. Резон был еще и в ихтиологическом интересе к этому району. Николай в своем небольшом мерзлотнике, вырытом в склоне холма, продемонстрировал нам выдающийся

экземпляр пойманного у фактории шокура весом более девяти килограммов! Таких я раньше не видывал!

В результате пришлось пройти до начала возвышенности Хой, у которой Юрибей делает резкий поворот на запад, и возвращаться назад. Но несколько участков удалось обследовать, собрав новые данные о растительности и птицах, причем многое оказалось совершенно новым и даже не ожидаемым.

По-прежнему здесь гнездились сапсаны, краснозобые казарки и держалось немало гусей, но вот линных скоплений шилохвости мы не обнаружили. Зато нашли несколько новых для района видов птиц: степного лурия, рябинников, желтых трясогузок, черногорлую завирушку и таинственного сибирского конька, о распространении которого на Ямале вообще мало что было известно. А большие колонии ласточек-береговушек, немногие норки которых мы в 1980-х годах видели только на Левом Юрибее, теперь встречались буквально на каждом более или менее высоком песчаном обрыве. Обрадовали находки выводков турпана и малого лебедя – местные популяции этих птиц находились в неплохом состоянии.

Но обнаружили тут и брошенную буровую. Вышка так и осталась стоять, окруженная разным металлическим хламом, остатками разбитых балков и прочим мусором. Памятник бесхозяйственности периода развала геолого-разведочной отрасли в регионе.

На обратном пути в оговоренном месте отряд снова объединился и так, с работой, продолжил свой путь к исходному пункту.

Какие чудесные были времена. Просматриваю фотографии, сделанные моим первым цифровым фотоаппаратом Nikon. Тут начало пути, загружаем амгари в лодки. Вот наша команда на берегу Хэяхи, отмечаем в навигато-

ре место, где оставили запас бензина на обратную дорогу. На этом снимке – берег Юрибея, моя палатка, спасавшая меня в непогоду, которая не за горами, – на юге уже толпятся тучи, собирается дождь.

Вот мы уже в низовьях Хэяхи после возвращения с Юрибея. Тихий вечер, над рекой кружат чайки, в кадр попадают и вездесущие комары. Тут приехали на берег Байдарацкой губы. Приморские тампы, стада гусей, причудливые краски обнажившегося в отлив морского берега...

Отсюда вверх по реке к озеру, где наша дорога началась. С небольшими приключениями, правда. Пришлось повозиться на отмелях озера Хурехото, а после него проишошел навигационный казус. На этом отрезке пути в Хэяху впадает небольшой правый приток, причем вход в него, когда идешь снизу, хорошо виден, а заход в самую Хэяху узкий и неприметный из-за кустов на берегу. Вот и заскочили не туда. Я смотрю, что-то не знакомо мне эти места, не такие, которые видел, когда шли вниз, хотя навигатор упорно показывал, что находимся где-то рядом. Только когда наткнулись на совсем уж явное «не то», стали разбираться. Я решил, что надо вернуться, идем неправильно. Прошли назад, и точно, не заметили вход в Хэяху и свернули влево, даже привязанный кем-то к кусту кусок белой тряпки не заметили. Дальше пошло почти нормально. До еще одного дурного места. Если двигаться по реке снизу, здесь она делает резкий поворот вправо, а прямо тянется мелководный залив, шириной точь-в-точь с узкое речное русло. Какой-то умный юморист установил тут даже пугало вроде огородного, одна рука которого указывала, куда надо сворачивать. А я замешкался, сунулся было в залив, а когда понял, что не туда, было поздно – берег нас уже заключил в свои объятья. Потом смеялись: куда смотрел, чучело? Вон же подсказка на берегу.

Тихое утро возле Хэто, стелется туман, на палатках в лучах поднимающегося солнца блестят капли росы. На душе хорошо – программа работ завершена, все живы-здоровы. Вскоре пришедший со стационара «Урал» забрал нас, и через несколько часов мы были уже дома.

ЯРАТО – ХЭТО. ВСТРЕЧИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На следующий год схему заброски выбрали другую: надо было пройти с обследованием верховья Юрибея, куда не добрались в предыдущем сезоне. Поэтому я договорился о транспорте с моим знакомым Владимиром Алексеевичем, который на фактории Еркута держал небольшой магазинчик, а еще имел пару вездеходов и свой интерес в поездках к оленеводам. Разрешение на заброску научной группы было получено, маршрут согласован, так что к намеченной дате мы уже прибыли на факторию.

Устроились пока в палатках на берегу Еркутаяхи, где у хозяина фактории Такучи Лаптандера стоял небольшой сарайчик. На следующий день съездили в устье реки на приморские луга. Назавтра похолодало, ветер, дождь, машин нет. Еще день, машин нет и связи тоже, народ нервничает. И у меня настроение неважное, надежды не теряю, но регулярно кидаю взгляды на дорогу, спускающуюся с холма к фактории. Только на четвертый день к вечеру пришли три вездехода. Сняли свой лагерь. Сразу стали разгружать товар с машин, а две из них готовить в дорогу. Наконец, в ночь на 30 июня тронулись.

Маршрут оказался нелегким, газушки уже старенькие, частенько приходилось останавливаться, чинить наспех,

а заодно перекусывать и осматривать окрестности. В итоге ночью 1 июля добрались до небольшой речки, впадающей в озеро Ярато 2-е (западное), разгрузились. Вездеходы урча скрылись в предрассветном тумане, оставив меня, Михаила Григорьевича Головатина и Людмилу Михайловну Морозову у груды экспедиционного снаряжения. Там, вдаль, на северо-востоке мы должны были выйти на Ярато и в Юрибей. А пока следовало организовать лагерь, поставить сеточку, поужинать (или позавтракать?), накачать лодку... Всё как обычно, работа началась.

Вечером 2 июля были уже на фактории Ярато, расположенной на берегу Левого Юрибея. Невеликое поселение – восемь балков, чум и мерзлотник. В этом году Николай опять обещал сюда завезти бензин. В одном из балков я встретил ярсалинского знакомого Романа Сергеевича Раенбакова, стал узнавать насчет топлива и выяснил, что с этим снова проблема. Не довезли, вроде дорога раскисла под весну и бочка осталась на фактории Порсьяха. Минаев и второй раз подвел. Оставалось надеяться, что либо расход топлива на этот раз будет меньше, либо раздобудем по дороге.

Тут еще одна неожиданная встреча. На Ярато факторщиком оказался мой школьный приятель Ваня Ламдо, теперь уже, конечно, Иван Николаевич. Он пригласил нас в свое традиционное жилище и по моей просьбе выделил бутылочку из магазинных запасов. Сам он этим не баловался, но мы с его женой подняли по паре стопочек за встречу и успех нашего предприятия. А перед отъездом на память несколько фотографий сделали. Такие встречи в тундре!

На первой же остановке ниже фактории обозначились тревожные изменения. Я на маршруте вышел на место стоянки оленеводов и обнаружил помимо нескольких

нарт с вещами обширное пространство, практически без какой-либо растительности, – выбито и съедено всё до земли. А возле реки мы с Мишей попали на участок выдува, где песок был снесен водой и ветрами на глубину около двух метров от прежнего уровня. В рост человека и больше, я даже фото сделал для сравнения: Михаил Григорьевич роста изрядного, а уместился под обрывчиком! Но были здесь и ласкающие взгляд фотографии: гнездо сапсана, в котором вылупился первый птенец, красивое гнездышко чечетки, цветущий багульник...

На следующей площадке задержала обычная тундровая непогода: сильный ветер, дождь, похолодание, и только 7 июля пришли на новую точку при впадении в Левый Юрибей протоки Янгорэйнгынесё. Здесь сделали несколько интересных находок. По направлению на юго-запад и северо-восток от места стоянки видны были буровые вышки, похоже, не работающие, поскольку вертолеты туда не летали. Всего три штуки в пяти-восьми километрах от нас.

По берегу реки тянулись высокие заросли ольшаника. В 1980-е годы мы таких по Юрибею не встречали. Не удивительно, что и новые обитатели тут обнаружили – серая ворона и пеночка-таловка. Здесь опять по сухим местам раздувы, сбой растительности, хотя немалая часть территории занята болотами. А на одном озере еще находка – прямо в центре его видны были явно ископаемые остатки дерева, хотя, может, и не так давно росшего здесь.

Через два дня вышли вниз и вскоре были на фактории Тарка-Сале. Тут внешне почти ничего не изменилось с прошлых моих приездов: из строений один жилой дом, два балка, полуразрушенный магазин, сарай и дизельная. Однако перемены всё же были.

Мы познакомились с обитателями фактории. Здесь жила семья Владимира Ядне. Сам хозяин уехал на вездеходе в Новый Порт, должен был через день-два вернуться с коммерсантами, собиравшими панты. Дома оставалась жена с двумя маленькими ребятишками. Она рассказала о жизни и промыслах. В сезон они заготавливают ягоды, около сорока килограммов морошки, по два ведра брусники и голубики. Ловят рыбу. В день нашего приезда в сетях было три рыбины. Фактория работает, как и раньше, от новопортовской кооперации. Связь держат по радию. Есть спутниковая антенна НТВ+, прием очень хороший. А мы смогли подзарядить свой спутниковый телефон и фотоаппараты. Да, всё-таки жизнь понемногу меняется даже в таких глухих уголках.

Кстати, по дороге в окрестностях Тарка-Сале (до фактории и после) мы видели две стоянки ненцев, на одной четыре, на другой три чума. Жена Володи сказала, что стоят они здесь постоянно, не кочуют, ловят рыбу, что мы и сами видели.

Очередной лагерь организовали на нашей старой площадке Севлахато. Тут уже и до нас побывал народ, но, судя по всему, не местный, а приезжавший по весне на охоту. В окрестностях обнаружили следы «снегоходов», кострище, пустые консервные банки и стреляные ружейные гильзы. Скорее всего, на гусей выезжали, хотя сейчас их тут было мало. А на юго-востоке опять виднелась буровая вышка.

Но живности по дороге от Янгорэйнгынесё попадалось всё же немало. Встретили несколько пар и стаю из девятнадцати малых лебедей, выводки гусей, а у лагеря держался десяток линных краснозобых казарок. До фактории насчитали больше тридцати зайцев: было тихо, и они, спасаясь от комаров, повылезали на речные косы, где хоть немного обдувало ветерком.

Следующее место работы выбрали у возвышенности Хой. Здесь Юрибей резко меняет свое направление, натолкнувшись на обширное поднятие с высотами до шестидесяти – восьмидесяти метров над уровнем моря к востоку и северу от реки, и поворачивает на запад. Палатки установили в живописном месте у подножия сорокаметрового обрыва, расщепленного глубокими оврагами. С его вершины открывалась красивая панорама речной долины, а наши жилища и лодка казались совсем крохотными.

Прогреваемые солнцем склоны обрыва пестрели цветами. Вот целый ковер тимьяна с нежно-фиолетовыми лепестками цветов, голубые незабудки, желтые лапчатки, белые ясколки и головки пушицы. И даже единственный на полуострове Ямал вид семейства орхидных – ладьян трехраздельный. Только это не какая-то тропическая орхидея с экзотическими цветами, а маленькое невзрачное растеньице, высотой до десяти сантиметров и даже не зеленое. Ладьян – паразит, питается за счет других растений, но в силу своей редкости внесен в Красную книгу.

Как отметили наши специалисты, сообщества обрывов постоянно нарушаются в связи с оползнями грунта, видовой состав их неустойчив, но очень разнообразен и интересен с ботанической точки зрения. Здесь находятся местообитания многих редких видов, нигде на Ямале больше не встречающихся. Вот такие они, юрибейские обрывы.

Подтвердились здесь и прошлогодние встречи – теперь в среднем течении реки обжились и ондатра, и черногорлая завирушка.

Дальше мы пошли в низовья реки лишь с короткой остановкой на фактории у Хутыяхи. Николай Минаев с напарником Алексеем были на месте, но с топливом помочь не могли, на что я, в общем-то, уже и не рассчитывал. Оставалась надежда на Усть-Юрибей.

По дороге встретили четыре ненецких «дачи», народ промыслял рыбку. Я сидел на румпеле, а Михаил вел путевые записи. На редкость много было в этот год малых лебедей – опять отмечали одиночных птиц, пары и группы лебедей, а в одном месте даже стаю из двадцати восьми особей. Как и раньше, у обрывов держались краснозобые казарки, сапсаны, нередко встречались линияющие гоголи, снова увидели степного луня. Да, фауна района менялась.

От последнего лагеря на Тарензьяхе, что возле обрыва Пурнадо, ушли при крепчающем северо-западном ветре. Тут наша грузоподъемная и шустрая надувная лодка, которая даже под «Нептуном» всего в двадцать три «лошадки» держала скорость в тридцать – тридцать два километра в час, на волне спасовала. Пока добрались до фактории, изрядно промокли и подмерзли, но не напрасно – здесь нас ожидала долгожданная банька.

Фактория еще в прошлом году сильно подросла, на берегу реки появился небольшой «квартал» из новых домов – гостиницы, жилых зданий, большого склада, бани. Мой знакомый факторщик Егор Федорович Резанов, который годом ранее со своей женой Любовью Александровной уже работал здесь, устроил нас в доме для приезжих, где мы с Виктором Георгиевичем останавливались почти два десятка лет назад. Остальное предназначалось для высоких персон, включая одну из бань. Но была и вторая в небольшом вагончике. Ну, а нам и это было привычно. Из соседнего озерка натаскали воды, протопили печурку и вдоволь наплескались, смывая трудовой пот. Накрыли стол со всеми привычными северными закусками. На складе нашелся очень приличного качества коньячок. Для VIP-персон, правда, но солидные складские запасы от этого ничуть не пострадали.

Основные работы были закончены, оставалось только дойти до Хэто, откуда можно вернуться в город на машине. Уже на месте обнаружили, что деньги на счете для оплаты спутниковой связи иссякли. Пользовались мы ею немного, а стоимость минуты кусалась. Было еще одно обстоятельство. В начале поездки, когда ждали на Еркуте вездеходы, к нам подъехали два оленевода на упряжке: у них потерялся человек в тундре – ушел из стойбища, и найти его никак не получалось. Мы постарались передать информацию в службу, которая могла бы в этом помочь, но пока созванивались с разными инстанциями, финансовый ресурс на телефоне поистратили, а в тундре его не пополнишь.

От места остановки на Хэто решили сходить на соседние базы дорожников, одну из которых традиционно называли «Канарами» то ли из-за удаленности, то ли в насмешку над «курортными» условиями. На той, куда я пришел, со связью оказалось плохо, почти никого на базе не было, транспорт сюда не ходил. Но повезло – на север шла одна машина. Водитель согласился от озера вывезти нас со снаряжением на дорогу, а на обратном пути забрать. Пришлось, конечно, ждать, но это дело обычное для всех экспедиций. По расписанию – не в данном случае, не столица, однако! И забрал, не подвел. В кунге, оборудованном под ремонтную мастерскую, без комфорта, но до дома добрались.

НА ЮЖНОМ РУБЕЖЕ ПОЛУОСТРОВА

Пыряяха, БОЛЕЕ ИЗВЕСТНАЯ КАК Щучья

Река Щучья, чье название является точным переводом с ненецкого, – одна из самых заметных рек на южной границе полуострова Ямал. На протяжении многих лет она привлекала к себе внимание зоологов и других специалистов по ряду причин, часть которых станет понятна из моего рассказа.

Река берет начало в горах Полярного Урала из глубочайшего в округе озера Большое Щучье и почти сразу принимает приток из соседнего озера Малое Щучье. По выходу из гор река долго петляет по предгорным и равнинным территориям Приуральского района у северной границы лесотундры и, наконец, несколькими рукавами впадает в Обь близ поселка Белоярск. На более чем пятистах шестидесяти километрах пути Щучья несколько раз меняет свой характер. Типичная горная река то превращается в спокойную равнинную, то сужается в теснинах крутых берегов, то разливается обширными мелководными песчаными плесами. Наткнувшись на последние отроги Урала, становится стремительным потоком, бегущим по усыпанному валунами днищу реки, и бьется о скальные выступы в северном плече Большой излучины, а перед слиянием с Обью обрастает целой системой проточек и соровых озер.

Меняется растительность по берегам реки и животный мир. Участки тундры чередуются с массивами лишайников или редкими цепочками лишайников на границе речной долины, там и здесь появляются заросли ивняков и ольшаники, местами заметными становятся береза, рябина, можжевельник. По берегам в среднем те-

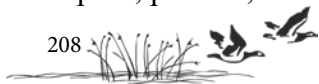
чении реки нередки плантации королевской (точнее, княжеской) ягоды – княженики, или поленики, изумительной по своему вкусу и аромату. К сожалению, урожаем она дает небольшой и не часто.

Здесь обитают несколько редких особо охраняемых видов птиц. Среди них самые крупные пернатые хищники, орлы, соколы и ястребы – беркут, орлан-белохвост, кречет, сапсан и ястреб-тетеревятник. Здесь же гнездятся большие сорокопуть, изредка – краснозобые казарки и небольшие гуси – пискульки. Встречается немало и других ценных птиц – гусей, уток, мелких соколов, сов, куликов и воробьиных. От верховьев к низовьям реки типично горная фауна всё больше сменяется на равнинную – с продвижением к устью одних видов оказывается меньше, а другие становятся всё многочисленнее.

Богата Щучья и рыбой: не считая обычных щуки, окуня, налима и разной рыбьей мелочи, это важнейшее место обитания и нереста ряпушки, сига-пыжьяна и чира, или щокура. Неводной промысел ряпушки в низовьях реки обеспечивает существенное поступление этой ценной рыбы на столы не только жителей округа, но и всей страны.

Первое посещение биологами бассейна Щучьей относится еще ко второй половине XIX века. В состав экспедиции Бременского Географического общества входили немецкие ученые – зоолог и путешественник Альфред Брем, автор знаменитого многотомного труда «Жизнь животных», и орнитолог Отто Финш, который и опубликовал описание этого путешествия.

Летом 1876 года они добрались пароходом до Самарова (ныне Ханты-Мансийска), а отсюда уже на крытых весельных лодках при поддержке и с помощью местных жителей спустились до Обдорска (Салехарда) и далее к устью Щучьей. По ней экспедиция таким же способом поднялась

по реке, перевалила к реке Байдарате, а впоследствии вернулась назад в Обдорск. Основную и безвозмездную помощь исследователям тогда оказал самаровский старожил Василий Трифионович Земцов, называвший себя «рязанским крестьянином».

Во время этой сложнейшей поездки ко всем природным и бытовым тяготам прибавилась еще и вспышка эпидемии сибирской язвы на Южном Ямале, когда путешественники попали в угрожающую жизни ситуацию, наблюдая вокруг себя гибель оленей и людей.

На рубеже веков Щучья привлекала к себе внимание исследователей Севера в качестве возможного альтернативного пути из района Байдарацкой губы в низовья Оби, но изыскания не имели перспективы – не столь многоводна эта река, а проблем для судоходства тут более чем с избытком.

Начиная с 1930-х годов район Щучьей неоднократно посещали московские зоологи. Можно даже сказать, что он стал традиционным местом для проведения их полевых исследований. В разные годы здесь работали Валент Викторович Кучерук, Варвара Ивановна Осмоловская, Татьяна Николаевна Дунаева, Владимир Николаевич Калякин и многие их коллеги и помощники.

В связи с научными задачами мне тоже довелось поработать в этом районе, и некоторыми деталями этих поездок хотелось бы поделиться с читателями.

Туризм и птицы

В начале 1990-х годов в стране настало время поиска новых возможностей освоения природных ресурсов, в том числе обусловленных не их добычей в сугубо утилитарных целях, а связанных, так сказать, с духовным потреблением, оздоровлением человека. Среди проче-

го возник интерес к развитию туризма, включая такую интересную его форму, как экологический туризм. Идея разработки маршрутов на Ямале не прошла мимо научных сотрудников лабытнангского стационара. И одним из перспективных и достаточно реальных к этому времени вариантов совершенно естественно была выбрана река Щучья со множеством интересных объектов для экотуризма. К этому времени до реки были уже проложены железная и автомобильная дороги. В верховьях маршруты могли начинаться от фактории Лаборовой или от мостового перехода через реку, а в низовьях заканчиваться в поселках Щучье или Белоярск, с которыми можно обеспечить сообщение на катерах разного типа. Нашелся и спонсор этого проекта – владелец небольшого коммерческого банка в городе Лабытнанги.

Но, пользуясь современными словечками, надо было отработать логистику маршрута и его маркетинговые фишки. А проще говоря, проверить транспортные возможности заброски к реке, варианты передвижения по ней и возвращения в базовый пункт, наметить места остановок, посчитать затраты на топливо, уточнить сроки турне, выбор снаряжения, а также определить наиболее привлекательные для туристов особенности маршрута (уникальные ландшафты, редкие животные, этнографические объекты и так далее).

Существовал и сугубо научный интерес – постройка платформ для гнезд крупных пернатых хищников, точнее основ, на которых птицы могли бы сооружать гнезда. В дальнейшем можно было бы отслеживать эффективность этой меры для их привлечения и поддержания численности. Другая обычная работа полевых зоологов заключалась в сборе данных о видовом составе, численности и пространственном распределении птиц в этом районе округа.

Основным инициатором этих проектов стал сотрудник стационара доктор биологических наук Вячеслав Николаевич Рыжановский, предложивший мне принять в них участие. С такими целями в августе 1991 года наш небольшой десант и отправился на Щучью.

В начале месяца на грузовике добрались до моста через реку. Дорога оказалась тяжелой. Отсыпанная вдоль железнодорожного полотна трасса состояла из крупных скальных обломков, щебня и песчано-гравийной смеси, из которых мелкие фракции достаточно быстро погружались в болотистую тундровую почву, а крупные вылезали на поверхность. В результате этот «автобан» больше напоминал стиральную доску, и ехать по нему приходилось очень осторожно – сто десять километров пути преодолели часов за шесть. Отсюда спустились на пятнадцать километров ниже моста, где с трудом пристроили палатку на очень крутом оплывающем кочковатом склоне речного берега. Как выяснилось позднее, такие берега очень распространены на этой реке.

Так уже в начале пути обозначились два обстоятельства не в пользу туристического маршрута – некомфортный вариант заезда и сложности в подборе мест для ночлегов во время путешествий по реке.

На следующий день было решено подняться вверх по Щучьей до впадения в нее Большой Хадаты, и наблюдения во время этой поездки были уже обнадеживающими. Перед мостом встретили взрослого кречета, который пытался атаковать утку, а выше – выводок кречетов, причем смогли наблюдать эпизод удачной охоты, когда один из соколов атаковал самку крохалея с птенцами и одного из пуховичков выхватил с воды. Не доходя Большой Хадаты, видели еще одного кречета. На маршруте постоянно встречали мелких соколов – дербников. Нашли и не-

сколько красивых мест с лиственничными массивами на сухих берегах реки, где можно делать остановки.

На следующий день двинулись вниз по реке. И новые впечатления то радовали нас, то заставляли задуматься о возможностях организации туристических поездок. Опять стали встречать кречетов и наблюдали, как сокол красиво атаковал подвернувшуюся ему серую ворону. Остатки вороньих перьев под опустевшим гнездом явно указывали на то, что серых разбойниц кречет, мягко говоря, недолюбливает. По пути регулярно видели дербников, иногда орланов-белохвостов, появилось больше разных уток и гусей. И берега там и тут встречались очень живописные. Однако чаще стали тормозить движение отмели и каменистые перекаты, а на ночлег снова пришлось устраиваться буквально на клочке суши, где с трудом удалось поместить палатку. Берега в основном были крутыми, а у воды глинистыми или каменистыми.

К полудню 9 августа дошли до резкого поворота реки на север, или к началу Большой излучины Щучьей. Здесь обнаружили чум и решили познакомиться с его обитателями. Хозяином оказался Арсентий Осипович Талеев, обосновавшийся здесь уже давно. А место в самом деле интересное. Дело в том, что, уходя отсюда далеко на север, а потом на восток и юг, Щучья снова подходит на небольшое расстояние к точке начала излучины, всего около пяти километров. Так что от чума можно пешком выйти прямо в среднее течение реки близ поселка Щучье, куда всегда легко попасть, скажем, для пополнения продуктовых запасов. Кстати, этим путем неоднократно пользовались и московские орнитологи. От верховьев реки они спускались на байдарках до нижнего участка Большой излучины, затем перетаскивали лодки и остальной груз в ее начало и проходили этот участок Щучьей повторно.

Это позволяло более полно изучить птичье население района.

Мы ненадолго задержались в гостях у Арсентия Осиповича, поговорили о делах, о рыбалке, попили чайку, угостились вяленой ряпушкой и снова двинулись в путь.

Характер реки резко поменялся. Русло сузилось в крутых берегах, течение ускорилось и непрерывной чередой пошли каменистые косы, а потом и перекаты. Стали еще чаще встречаться дербники, стаи гусей, регулярно видели кречетов, гнезда их и орланов-белохвостов. В одном из орланьих гнезд сидели крупные птенцы. Остановку сделали в северном плече излучины близ впадения в Щучью Юньяхи. По соседству держался выводок сорокопутов – это была уже не первая встреча птиц на реке.

С утра сразу втянулись в мощный перекат. Из-за низкого уровня воды лавировать между крупными камнями на моторке порой было очень сложно, в одном месте мы едва не перевернулись, попав на сливе под мощную боковую струю воды. Только бросившись вдвоем на борт лодки, смогли ее выровнять и выбраться из круговорота между валунами. Чуть далее река вошла в узкую горловину между высокими скальными выходами по берегам – очень симпатичное место! Но бдительности терять не приходилось, каменистые перекаты и невысокие скальные выступы еще много километров сопровождали нас. Редкие лишайничники по берегам чередовались с тундрами. Постоянно взлетали стаи гусей – белолобых и гуменников, нередко до пятидесяти – ста птиц одновременно, а вот пернатых хищников стало меньше.

Наконец в северо-восточном углу Большой излучины дошли до впадения в Щучью Хэяхи. Далее каменистые отмели и косы стали быстро исчезать. Мы смогли сменить «Ветерок», на котором шли ранее, на более мощный «Вихрь»

и несколько увеличить скорость продвижения, хотя идти приходилось всё же осторожно, опасаясь отмелей.

На реке наметилось оживление: после урочища Верхнее Щучье встретила группа туристов, две моторные лодки, а ниже устья Тарчеды – три чума. А там уже и поселок Щучье. Река стала типично равнинной и всё более населенной. Из птиц чаще стали встречаться гагары, чайки и крачки, а наиболее интересная часть маршрута закончилась. В полдень 11 августа были уже в Белоярске и, не задерживаясь, двинулись домой.

Основные выводы о возможности организации туров по реке были сделаны. В пользу этого говорило наличие интересных, красивых и очень разных мест, сравнительная обычность редких видов птиц, чередование разных типов фауны и флоры. К проблемам следовало отнести сложности заезда на Щучью и спуска по ней в августе, когда уровень воды сильно падает, отсутствие на многих участках средней части реки удобных мест для бивуаков. Позднее обнаружатся и другие минусы, но об этом после.

ФРАНЦУЗСКИЙ ВОЯЖ ПО-РУССКИ

Зимой был подготовлен и представлен на тематической конференции в Санкт-Петербурге проект туристического маршрута по Щучьей. В ходе этой презентации появилась новая задача – организация тестового тура для экспертной группы, которая смогла бы сравнить его с похожими маршрутами, соответствующими европейским стандартам. Помочь нам в поиске экспертов вызвались

сотрудники Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ). Как позднее выяснилось, поступили они, прямо скажу, не по-джентльменски, но маховик событий был запущен. Новая поездка началась в августе 1992 года.

Гости добрались весьма неожиданным образом – наши «коллеги» из ААНИИ их сначала завезли в Воркуту, а потом на тепловозе (на локомотиве!) доставили в Лабитнанги. Прибыла молодая пара из Франции – орнитолог Жан Роше и его подруга Николь. С нашей стороны к поездке всё было готово. «Эксперты» переночевали у меня дома, и утром караван из двух автомашин, груженных лодками, топливом и прочими припасами, вышел на север по уже знакомой трассе. Всю поездку обеспечивал наш спонсор – банкир Игорь Владимирович, привлечший к этому делу и своих людей, и транспорт. От стационара, кроме Вячеслава Николаевича Рыжановского и меня, участие принял Юрий Михайлович Малафеев, с которым я был знаком еще по давней экспедиции 1972 года на Хадыту.

Дорога оказалась непростой, но до Щучьей добрались успешно. Разгрузились и готовы были двигаться дальше. По договоренности в районе поселка Щучье нас должны были встретить две скоростные мотолодки, на одной из которых в качестве капитана от инспекции маломерных судов Владимир Васильевич Гольшев, на другой – Александр Анатольевич Варнаков. Так что страховка на всякий непредвиденный случай была обеспечена.

На этот раз первую стоянку организовали со знанием местности – на ровном сухом песчаном берегу с негустым лиственничником несколько ниже моста. На другой стороне реки стоял чум. Мы познакомились с молодой семьей ненцев, промышлявших здесь рыбной ловлей.

Наши иностранцы с интересом изучали особенности быта здешних жителей. Остались на память и фотографии об этой встрече. Вот только дневник мне вести не удавалось – приходилось служить толмачом и организатором быта, поэтому и не записал имена и фамилию гостеприимных ребят.

После ночевки двинулись вниз по реке. Все наши прогнозы о разнообразной орнитофауне сбывались. Первых кречетов встретили у покинутого лагеря и затем видели регулярно, так же как орланов, дербников, больших сорокопутов, стаи уток и гусей. Жан особенно заинтересовался небольшими куликами, мородунками, очень обычными на здешних речных берегах. А в Европе это вид экзотический, малочисленный и обитающий только в Финляндии. Вот Жан и не выпускал из рук бинокль и блокнот, стараясь всё зарегистрировать.

Однако ему приходилось мне помогать, когда мы наткнулись на отмели и каменистые перекаты и надо было продвигаться на веслах. Парень он оказался подготовленный, такой же полевой зоолог, как и я. Работал на многих реках Франции, а в последние годы трудился в заповеднике на юго-западе страны в Камарге, обширной области, изобилующей болотами. Так что к условиям полевой экспедиционной жизни был привычен.

Следующую остановку сделали в начале Большой излучины. Тут проявился негативный момент августовских поездок по реке – это было время массового вылета мошки, для развития которой на Щучьей складываются почти идеальные условия. Комары – это еще полбеда, с мошкой бороться сложнее, проникает эта ползучая гнусь в самые малые пространства – в сапоги, в рукава курток... И грызет, грызет... Да, это не французские москиты, посерьезнее зверюги. Я предложил использовать

наше наиболее эффективное средство для защиты от кровососов – «ДЭТу», но ребята предпочли пользоваться своим, как оказалось, гораздо менее результативным. В итоге и Жан, и Мишель сильно от мошки пострадали, так что было больно смотреть на их покусанные руки и лица.

Но пока двигаешься на лодке, жить можно, хотя я старался идти не быстро, чтобы удобно было вести наблюдения. Постоянное общение в дороге помогало оживлять в памяти навыки английского, так что вскоре мы даже шутить стали, хорошо понимая друг друга.

Так дошли до скального каньона с кусочком песчаного пляжа под обрывом. Ребята решили остановиться в этом красивом месте, что мы и сделали. А вторая лодка с Вячеславом Николаевичем и Юрием Михайловичем ушла вниз на встречу с группой, которая должна была прийти к поселку Щучье.

На следующий день снова пробирались по каменистым перекатам, так что порой и времени на обозрение речных красот и живности не хватало. После Хэяи уже шли потихоньку на моторе и отдыхали. А перед поселком встретились и с командой поддержки. По случаю встречи организовали небольшой пикничок на берегу неподалеку от памятного места – могилы известного рыбопромышленника этих мест, как мне помнится, Седельникова (есть на реке и селеньице с таким названием), жившего еще в царские времена.

Теперь все перебрались на более комфортабельные и скоростные суда, наши лодки взяли на буксир и полетели вниз по реке. Не считая небольшого недоразумения, случившегося на развилке Щучьей перед Белоярском (на три рукава), когда наши капитаны по ошибке не свернули в нужное нам правое русло, а пошли прямо, добрались успешно.

Здесь уже была договоренность о жилье со старожилом Белоярска Виктором Константиновичем Серебряковым – он предложил разместиться в своем доме, а на следующий день организовал поездку на Обь. Так что наши гости смогли познакомиться с природой этих мест, заняться ловлей окуней и щучек на каменистой косе. А вечером всех ждал незабываемый ужин из всех северных деликатесов и подарки в дорогу.

После возвращения по предложению нашего спонсора перво-наперво отправились в баньку, а потом и на прощальный ужин в частном ресторанчике. Вот здесь и состоялся мой разговор с Жаном, прояснивший весьма неожиданные и неприятные обстоятельства, которыми сопровождалась эта поездка.

Оказалось, что экспертами по туризму они не являются, поехали просто как туристы, оплатив немалую сумму за поездку, не считая стоимости билетов на перелет в Москву и обратно. К тому же в округ и обратно добрались худшим вариантом передвижения. Фактически «господа» из ААНИИ их обманули, а мы-то считали, что расходы по поездке экспертов будут компенсированы за счет спонсора проекта.

Жан в течение ряда лет изучал формирование птичьего населения в речных долинах, стараясь найти закономерности его состава и численности в зависимости от целого комплекса особенностей рек. К ним относятся и обилие озер в окрестностях, и характер растительности, берегов, тип грунта, скорость течения и другие показатели. Именно это и заинтересовало его, когда он наткнулся на предложение совершить поездку по северной реке. О задачах оценки маршрута в качестве туристического ему никто даже не сообщил, впрочем, как и нам не сказали, что приглашены не те специалисты, которые

были нам необходимы. Так что от этого контакта с питерскими коллегами у меня остался весьма неприятный осадок.

А с Жаном и Николь мы расстались хорошими друзьями и решили попробовать использовать наблюдения на Щучьей для подготовки научной публикации. Но об этом отдельный рассказ.

НЕ ВСЯКО ПЫКО В СТРОКУ

Для сбора дополнительной информации о Щучьей, необходимой для подготовки статьи о закономерностях формирования фауны птиц, требовалась еще одна экспедиция. В ее задачи входило описание десятикилометровых отрезков реки по схеме, которую использовал Жан Роше в прежних работах, и непрерывная регистрация птиц на всем пути. Понятно, что я не мог одновременно управлять лодкой и вести тщательные путевые записи. Поэтому участие в поездке моего надежнейшего спутника в ямальских странствиях, Виктора Георгиевича Штро, было predetermined.

В конце июня 1993 года мы заехали по знакомой трассе на факторию Лаборовую, откуда и начали свой маршрут. По сторонам неширокой спокойной реки чередовались тундры, заросли кустарников и участки лиственничников, низкие берега сменялись песчаными обрывами с колониями ласточек-береговушек. Дневник стал заполняться записями о ширине реки, скорости течения, характере берегов на каждом ее отрезке и, конечно, о птицах.

Но пока живности на реке было немного – чаще встречались поодиночке утки разных видов: крохали, гоголи, морянки, шилохвосты, связы. Преобладали

самцы, что было понятно – в это время самки еще сидели на гнездах. Большинство дневниковых записей касались характера самой Щучьей и ее берегов. На второй день и погода стала портиться – поднялся ветер и пошел дождь. Надо было останавливаться. С трудом нашли место для палатки – везде попадались либо затопленные, либо очень крутые берега. Устроились на сыром склоне, практически полусидя. Всё вокруг напиталось водой, в том числе дрова, при заготовке которых моментально промокли и сами.

Утро встретило тихой пасмурной погодой и туманом после дождя. Поставленная в заливе сеточка уловом не порадовала. Дальше по берегам постоянно встречались участки довольно плотных лиственничников, почти на каждом обрыве – колонии ласточек-береговушек. А вот и жилое гнездо орланов-белохвостов. Осмотрели и ранее установленные «платформы», но пока ни одна из них птиц не привлекла.

У железнодорожного моста снова начался дождь. Прошли место прошлогодней остановки, где по соседству стояла семья местных рыбаков, но сейчас их здесь не было. Лесные участки по мере нашего продвижения становились по берегам реки всё более редкими, сменяясь тундрами. Но больше стало уток, иногда встречались и гуси. Вскоре опять заморосило, а потом и гроза накатила, вынудив нас сделать остановку и переждать непогоду.

До вечера прошли почти шестьдесят километров от моста и решили устроиться на ночлег, тем более что снова надвигался дождь. Щучья проявила свой горный характер: уровень воды в реке стал быстро подниматься после дождей, прошедших в ее верховьях, понесло смывтый ил и разную растительную ветошь. В таких условиях

рыба часто уходит в более чистые притоки, поэтому мы решили поставить сеть на небольшом ручье, в устье которого остановились. И не ошиблись – наутро были с нашей привычной полевой едой.

На следующем переходе начались каменистые участки, водовороты, но проблем с проходом отмелей не было, уровень воды в реке был и так высоким, тут еще и дожди сработали. Остановились, немного не доходя начала Большой излучины у речушки Яратояхи, где планировали обследовать наземную площадку. Но оставшуюся половину дня пришлось отсиживаться в палатке – через нас прошли четыре грозных фронта и еще три-четыре угрожающе проскочили рядом. Между ливнями занимались рыбалкой. В сеть попались несколько пелядей и чиров, щука и хариус, а на удочку – окуни, плотва и ельцы. Так, благодаря дождям, мы без труда пополнили запасы провизии.

Утром подъем воды продолжался, а мы отправились в маршруты. И некоторые находки были показательны. Я почти сразу в узкой полосе прибрежного лиственничника наткнулся на многочисленные свидетельства человеческой деятельности. Вот след вездехода, рядом мусор; дальше постоянно попадались места стоянок оленеводов, мусор, пни от спиленных лиственниц (в одном месте сразу шесть штук). Еще обнаружил и знакомую по другим ямальским поездкам коллекцию прохудившихся резиновых сапог. В одном из них нашлось старое, а в другом жилое гнездо каменки, большой любительницы устраивать свои гнезда в разных укрытиях. Самка насиживала яйца, хотя после ливней они буквально плавали в воде, даже сапог не защитил. Вот так даже в местах довольно глухих и труднодоступных влияние человека на природу всё же сказывается.

Вечером прошли еще две грозы, река на глазах вспухала, а рыба продолжала убежать в Яраяху – чирьи, пыжьяны, сырки, хариусы...

Утром 29 июня вышли вниз, сменив «Вихрь» на «Ветерок», поскольку течение хорошо помогало, а экономия топлива была нам важна. Все каменистые косы оказались затоплены, уровень воды всего полметра не достигал максимального в период ледохода.

Вот и новые встречи: на берегу гнездо орлана-белохвоста с уже крупными птенцами, под деревом валяются скелеты обглоданных щук; снова два орлана, но неполовозрелых. Еще через несколько километров – гнездо кречета, птенцы на вылете: два сидят в гнезде, а один уже перебрался на соседнюю ветку. В прошлом году тут птенцов вырастила пара орланов. Снова орланы, редкие утки – турпаны...

У отметки сто сорок километров от моста сделали короткую остановку на обед, а еще через пятнадцать встали лагерем перед началом скального каньона. Уже в пять утра я был на маршруте и тут же отметил сапсана, гонявшего появившегося орлана, значит, где-то рядом было гнездо этого сокола. Позднее на левом берегу реки на лиственнице заметил и гнездо кречета с сидящими в нем тремя крупными оперившимися молодыми птицами.

Вообще окрестности лагеря, где преобладали тундровые участки, лишь кое-где разбавленные разреженными лиственничниками, оказались очень живым местом. Здесь был представлен богатый набор тундровых и лесотундровых куликов, воробьиных и водоплавающих птиц. Почти непрерывно токовали азиатские бекасы, выписывая в небе свои пируэты, беспокоились золотистые ржанки, средние кроншнепы, малые веретенники, звучали песни и беспокойные крики дроздов-белобровиков, варакушек, овсянок-крошек, луговых и краснозобых конь-

ков, желтых трясогузок, пеночек – весничек и таловок. А еще чайки и крачки, белые куропатки, утки и гуси, на озере – гнездо лебедя-кликуна. Раздолье для любителя природы и бёдвотчера, как называют в Европе людей, у которых наблюдение за птицами – хобби. Так что шансы Щучьей в качестве места для организации экотуризма повышались.

Далее почти по всему северному плечу Большой излучины до устья Хэяхи стали регулярно встречаться стайки гусей и уток, чаще средних крохалей. Новую площадку мы обследовали ниже урочища Верхнее Щучье на правом берегу, в так называемом Сопкее. Маршруты здесь тоже оказались очень интересными, было найдено немало птичьих гнезд, обнаружен беспокоившимся довольно редкий кулик – щеголь. Но уже к вечеру продолжили спуск по реке, описывая ее характеристики и орнитофауну.

Перед поселком Щучье задержались у избы, в которой многие годы останавливались и работали московские орнитологи. Сейчас она пустовала, хотя и выглядела вполне пригодной для жилья после небольшой приборки.

Дальнейшая поездка мало что добавила к представлениям о реке и фауне этих мест по сравнению с экспедициями двух предшествующих лет. По-прежнему отмечали многочисленные колонии береговушек, чаще попадались лебеди, заметили несколько гнезд орланов.

Места становились всё более оживленными: нет-нет да встречались лодки, становища рыбаков, вверх по реке шли катера. А вот и Белоярск. Здесь нам надо было пополнить запасы горючего, но в поселке с этим было проблематично, поскольку танкеры в эту навигацию сюда добраться еще не успели. Однако благодаря содействию местной власти проблему решили и взяли курс к дому.

* * *

Так завершилась последняя экспедиция по этой интересной реке на стыке Южного Ямала, Нижнего Приобья и Полярного Урала. Было затрачено много времени и сил на сбор научного материала и изучение возможностей организации здесь экологического туризма. Но получилось по пословице: «Не всяко лыко в строку».

Я еще долго готовил данные для намеченной статьи, вместе с лаборанткой Светланой тщательно анализировал характеристики Щучьей почти на всем протяжении реки, состав и численность птиц. Но удалось издать только небольшое краткое сообщение.

Как-то сама собой растворилась и идея туристического проекта. Отчасти из-за проблем, возникших у его спонсора, общей слабости региональной логистики и многих других трудностей «лихих девяностых». Но в целом идея имеет право на жизнь в современных условиях. Щучья действительно интересна своей разнообразной природой, флорой и фауной, ландшафтами. Здесь можно создать этнографические памятники или музеи под открытым небом. Существенно расширились и транспортные возможности, если иметь в виду железную дорогу и новые скоростные катера, значительно изменилось туристическое снаряжение, появились надежные средства связи.

Конечно, естественные факторы Севера, усложняющие поездки, никуда не делись, но их можно учитывать. Скажем, в начале лета меньше комаров и нет мошки, а уровень воды в реке выше. Но в августе есть свои плюсы и минусы, и кому-то из туристов, возможно, больше понравится преодолевать трудности.

А то, что намерения не удалось воплотить в жизнь, – дело достаточно обычное. Когда я пару лет назад стал

разбирать свои рабочие архивы, то буквально ужаснулся, какое количество черновиков и уже почти чистовых записей скопилось за минувшие годы. И далеко не всё потом превратилось в научные работы, воплотилось в практические дела по охране природы нашего Ямала. Но это нормально, ведь даже у стальных двигателей внутреннего сгорания КПД не бывает стопроцентным!

ДЕРЕВЯННЫЕ ГОРОДА

Для человека, занимающегося наукой, вполне естественно ставить себе задачи профессионального роста, повышения квалификации, а это и переход с лаборантской должности на ставку научного сотрудника, и защита диссертации. Однако в рамках той работы, которую приходилось выполнять в 1981–1986 годах в экспедициях на Ямал, темы для меня не находилось, хотя материал мы собрали весьма обширный по самым разным группам птиц. Я планировал заняться обобщением данных по водоплавающим, но у шефа были свои взгляды на это дело.

Пришлось искать другие варианты, и одним из них виделось изучение воздействия человека на северную фауну, мало исследованное к тому времени, но особенно актуальное для региона, где разворачивалось масштабное освоение месторождений полезных ископаемых в тайге и тундре, росли поселки и города, прокладывались дороги и трубопроводы.

Однако ямальские экспедиции, в которых я участвовал, проводились в местах, слабо затронутых этой деятельностью, и удавалось собрать только отрывочные сведения в те немногие моменты, когда оказывался в интересующих меня условиях.

Поэтому одним из главных направлений моей работы в последующие годы было изучение влияния человека на северных птиц, а следовательно, и места для нее приходилось выбирать соответствующие. Это города и поселки с их ближайшими окрестностями, небольшие фактории, буровые, свалки, зверофермы и прочие так называемые элементы антропогенного ландшафта. В дикой или почти нетронутой природе работать, конечно, намного приятнее, но тут выбирать не приходилось.

Так с конца 1980-х годов и состоялись поездки по нескольким ямальским поселениям, приносящие и научный материал, и впечатления о жизни моих земляков.

Для меня северные поселочки остались в памяти неразрывно связаны со строками из песни Александра Городницкого: «А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят как половицы...». Хотя и не везде это было именно так.

ЯР-САПЕ

О поселке более раннего времени я немного рассказал. С тех пор он заметно изменился, но общий облик свой сохранил. Старую одноэтажную застройку всё больше сменяла новая и двухэтажная, по главным улицам пролегали широкие деревянные мостовые и тротуары. Появились водопроводы и кое-где в домах бытовые удобства. На улицах можно было встретить автомобиль.

Но на части территории сохранялись заболоченные луговины или даже лужи из-за того, что больше стало сливаться из жилищ грязной воды, а за поселком у аэродрома росла большая свалка. Таковы были издержки цивилизационного процесса тех лет – улучшение людского быта сопровождалось изменениями экологических условий. Правда, для птиц они оказались не столь негативными, а в определенной степени даже благоприятными.

В 1987 году я приехал в поселок фактически домой – мои родители еще жили здесь в стареньком одноэтажном доме на улице Полярной между аэропортом и центральной мостовой. Для работы это было очень удобно. Но вот погода той весной выдалась на редкость суровая.

Почти до 20 июня тепла не было совсем, периодически шел снег, по ночам всё замерзало. Так что первое время мне пришлось наблюдать весеннюю картину птичьего населения: одни уже осели на местах гнездования, а другие еще не закончили свои странствия. Ночью под окном дома среди пучков сухой осоки на заледеневшей земле, присыпанной снегом, зябко жались турухтаны, белохвостые песочники и кулики-воробьи, коньки и трясогузки. Со зверофермы доносились крики чаек да взлаивание песцов. Всем было тяжело. Только поднимающееся солнышко отогревало землю и побуждало к активности птичье население. Тем не менее в поселке птиц было много и очень разных, что я всегда наблюдал в сложных погодных условиях. Всё-таки здесь они находили больше укрытий и больше источников корма, что помогало пережить суровую пору года. Многочисленнее всех были небольшие кулики и мелкие воробьиные птицы. А по окраинам, у зверофермы скапливались чайки, поморники, не представляли редкости утки и крупные кулики и даже более осторожные болотные совы и соколы – дербники. До середины месяца не покидали район гнездящиеся севернее семидесятой параллели пестрые крикливые камнешарки, деловито обыскивая помойки в поисках съестного. До конца второй декады месяца не улетали кулики-воробьи, песчанки, средние поморники, хотя по срокам им полагалось уже быть гораздо дальше к северу. Еще 18 июня продолжался пролет крупных нырковых уток – синьги.

Я работал в самом поселке, по его окраинам, в окружающей пойме и соседней тундре, уходя от селения на три-четыре километра. Надо было понять, где и какие птицы обитают, сколько их, как меняется фауна в разных местообитаниях, в той или иной степени измененных че-

ловеком. Дело привычное и даже рутинное, но это – базис экологических исследований.

С 19 июня, наконец, погода понемногу стала налаживаться, хотя последний снег выпал 22-го. Освободился от воды зимний аэродром в пойме у села, где раньше кормились многочисленные малые чайки и полярные крачки. Пролет птиц закончился, работы в Яр-Сале были выполнены, настало время двигаться дальше на север.

Но в поселок я приезжал еще несколько раз, отслеживая происходящие в нем перемены. В очередной раз прилетел в 1988 году, с теми же задачами, но попал в совсем другие условия начала лета. 11 июня было уже тепло и солнечно, снег лежал только по оврагам и лощинам, хотя на озерах сохранялось много льда. Соответственно изменилось и птичье население: и в поселке, и в его окрестностях оказалось намного пустынее. Все, кому полагалось улететь севернее, пролетели, а местные обитатели были поглощены гнездовыми заботами, но все-таки жизнь тут шла своим чередом. Мои дневники заполнялись записями о встречах многих видов птиц среди застройки и по окраинам села. Однако признаков того, что этот год снова будет изобиловать леммингами, на юге Ямала заметно не было.

На страницах тех блокнотов нахожу и названия приметных поселковых мест, чтобы отмечать для себя, какими маршрутами я проходил. Сейчас уже немного осталось в Яр-Сале жителей, которым что-нибудь скажут эти названия, но для старожилов это памятные «маяки», хорошо всем знакомые. Вот с моста выхожу к береговому магазину, к центральному, а теперь к совхозному, нахожусь возле зверофермы или молочно-товарной фермы и конного двора, у детского сада «Оленёнок» или совхозного клуба, возле таких родных районного Дома культуры и школы... Да, и остановился я уже не у себя дома, а в деревянной

гостинице возле старого здания райисполкома и столовой, где не так давно состоялась моя свадьба. Жизнь идет, всё меняется, но тогда Яр-Сале еще сохранял свой облик типичного северного поселения. В тундре за ним стали заметнее перемены не в лучшую сторону: росла свалка, замусоривая окрестности, увеличивались песчаные раздувы на месте прежних сопок, где так любили отдыхать сельчане.

Работать мешала подпортившаяся погода, дожди и ветра, но таков уж север, приходилось использовать все удобные моменты для дела. Но ситуация с птичьим населением для меня прояснилась, можно было сравнивать итоги двух лет.

Вечером 17 июня улетал в Мыс Каменный. Попрощался в аэропорту с моим школьным другом Саней Тихоновым. Как потом выяснилось, в тот год мы виделись в последний раз, последний раз проехали на лодке по нашим знакомым местам на Большой и Малой Юмбе, поговорили о птичках, которых он тоже неплохо знал. Невозможно было даже подумать, что вскоре трагический несчастный случай внесет жестокую поправку в его судьбу...

На короткое время я еще приезжал в Яр-Сале, каждый раз отмечая перемены в нем. В июле 1997 года обследовал территорию села и район к северо-западу от него. Много еще было мне здесь хорошо знакомо. К причалу тянулся старый деревянный мост, по которому мы гуляли с одноклассниками. Жива была звероферма, возле которой провел много часов, наблюдая за птицами. Но уже стали заметны изменения, коснувшиеся в той или иной степени моих объектов. У домов неплохо подросли насаждения ивы и ольхи, уменьшилось число болот и луж. К Малой Хадыте, или Ябта-Хадыте, пролегла дорога, а у речки возник песчаный карьер. И если в окрестностях больших

изменений фауны я не увидел, то в самом селении они были явными. Среди застройки селились только самые стойкие к этим условиям представители орнитофауны: домовые воробьи, белые трясогузки да кое-где желтые и желтоголовые трясогузки и белохвостые песочники. Появились дрозды-рябинники, которых тут раньше я не видел, а вот заросли кустарников пока никто не облюбовал. На карьере и в песчаных оврагах у аэродрома обычными стали ласточки-береговушки – возникли удобные для них места, где в норках птички прячут свои гнезда. Обычными стали и ранее редкие озерные чайки.

Однако очередные посещения поселка в 2006–2008 годах в полном смысле оказались шоковыми. Во-первых, его облик полностью изменился – это было уже не то знакомое мне деревянное северное поселение. Повсюду выросли капитальные здания, двухэтажная школа, церковь и еще много чего, а старые здания сильно обновились. Новый облик приобрел даже районный Дом культуры, но со знакомым памятником вождю революции в палисаднике.

Уцелевшие древние домишки можно было с трудом отыскать среди каменных построек. По селу пролегли бетонные дороги. И старый мост не уцелел, и причал. Исчезли старые сельхозпредприятия – звероферма, коровник и конный двор, часть производственных объектов были вынесены в пойму у села. Исчезли болота и лужи у домов, деревянных настилов и тротуаров. За десять лет Яр-Сале полностью преобразился, и процесс этот продолжался.

В 2008 году на причале меня встретил на внедорожнике мой старый ярсалинский друг Николай Иванович Гаврилец, с которым мы немало времени провели на сценах поселка, играя в составе вокально-инструментального ансамбля на праздниках и танцах. В этот раз я поселился в очень даже приличной гостинице «Ялэмд», где, кста-

ти, работала жена Николая Галина и где даже состоялся наш мальчишник с участием моего одноклассника Толи (Дильбара) Мамеева, наполненный воспоминаниями о годах нашей юности.

Ну, а работы для меня в поселке уже почти не осталось – всё, чем он привлекал к себе разнообразных птиц, ушло в прошлое. Теперь он превратился в небольшой, но почти полностью урбанизированный населенный пункт, такой город в миниатюре. И живность на перемены тоже отреагировала. Но если людям здесь жить стало комфортнее, то большинству птиц нет. Им труднее было найти места для гнездования, источники пищи, возросло беспокойство. Выживали здесь только самые верные спутники человека – домовые и полевые воробьи, кое-где белые и желтые трясогузки, а на старых деревянных складах у реки устраивали гнезда дрозды-рябинники. Такие процессы происходят во всех новостройках. Со временем, конечно, полугородская среда будет меняться, а в зависимости от того, как быстро и в каком направлении, изменится и фауна птиц. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Новый Порт

В 1987 году напрямую из Яр-Сале в один из старейших и во многом уникальный ямальский поселок попасть не получалось, поэтому залетел сюда через перевалочный транспортный узел, коим на полуострове всегда являлся Мыс Каменный, где на пару дней пришлось задержаться в ожидании вертолета.

Перво-наперво надо было определиться с жильем, потому направился в контору главного поселкового предприятия – рыбозавода. Получил «добро» на проживание

в гостинице, хотя и с оговоркой: ненадолго, не более четырех дней. Меня это, в общем, устраивало, поскольку за лето надо было посетить еще ряд мест и времени тут терять не следовало, но погода внесла свои коррективы.

Новый Порт тогда был известен двумя своими особенностями. Во-первых, как порт на Обской губе, благодаря наличию здесь подходящей бухты, открытой еще в 1920 году гидрографом А. И. Осиповым. В сталинские времена к ней планировалась прокладка железной дороги и даже проводились соответствующие изыскания. Но смерть вождя и смена политической власти остановили стройку дороги от Салехарда к Игарке на Енисее, а также отменили дорогу на Новый Порт. Это недалевидное решение привело к тому, что освоение месторождений углеводородов у Надыма, Уренгоя, а потом и на Ямале пришлось вести с огромными затратами из-за бездорожья. А теперь восстанавливать бездумно разрушенное. Да только ли дороги? А заводы, поселки, метеостанции, сельскохозяйственные предприятия? Волонтаризм и недалевидность – страшное зло для экономики и для жизни людей!

Ну, а вторая достопримечательность Нового Порты – самый протяженный в мире естественный холодильник, вырубленный в вечной мерзлоте, прекрасное хранилище для мяса, рыбы и других продуктов. Не знаю, в каком состоянии он сейчас находится, но тогда, в конце 1980-х, и оленесовхоз, и рыбозавод, чья продукция могла заполнить мерзлотник, уже дышали на ладан. Перестройка стала душировать всё, что раньше работало на благо народа. На краю поселка еще сохранялась молочная ферма, а по соседнему лугу бродили коровы, в отдалении виднелись бойни. Но в магазине на полках было уже шаром покати: банки с овощной икрой, хлеб да соль.

Однако столовая работала, и работала хорошо: тарелка вкусного супа, порция гречки с большущей мясной котлетой и компот с булочкой за скромные деньги – чего еще желать полевику! Гостиничка тоже оказалась приличная – небольшая, скромная, но чистенькая и уютная. Я ходил на экскурсии по селу, его окраинам и вдоль вездеходной дороги, ведущей к призрачному поселку Ямальску, построенному, но тогда не действующему в районе перспективного Новопортовского нефтяного месторождения.

Все застройка селения состояла из деревянных одно- или двухэтажных домов разной степени ветхости, кое-где были проложены теплотрассы в деревянных коробах и деревянные же мостки-тротуары. Летом жизнь в поселке не кипела: рыбный промысел приостановился уже, школа опустела, народ в отпуска разъехался. Так что любопытных на улицах я почти не встречал. Но донимали своры ездовых собак, отдохавшие у нескольких домов. Без них выезд сельчан в губу для установки и проверки сетей был проблематичен – снегоходы являлись тогда редкостью, но сейчас пёсики отдыхали и от безделья не прочь были побрехать на бродящего по селу незнакомца.

А я отмечал немало интересного в составе птичьего населения поселка и его окрестностей. Обнаружилось здесь самое южное на Ямале поселение полярных «воробьев» – пуночек. По столбам среди домов перелетали и пели пеночки-теньковки. Птички эти обычно населяют леса и заросли кустарников, которых тут совсем не было. Но, судя по всему, дома и столбы ЛЭП создавали пейзаж, в чем-то сходный с лесом, а гнездышко можно было пристроить на одной из полянок.

Над лугом у коровника токовала мородунка. Этого кулика, большого любителя заселять разные нарушенные

человеком места, так далеко к северу я больше нигде не встречал. У окраины поселка охотилась болотная сова и держалось много разных мелких куликов и воробьиных – белых, желтых и желтоголовых трясогузок, краснозобых и луговых коньков...

Даже лапландские подорожники, неохотно заселяющие полностью измененные ландшафты, обосновались тут в очень непривычных для них условиях, включая территорию поселка. Несколько гнезд я нашел в высоких зарослях прошлогоднего вейника, образовавшего кусок мощного кочкарника на краю застройки. Видно было, что это место хорошо удобрялось органикой от соседних домов, люди тут не ходили, вот беспокойные подорожники и спрятали свои гнезда в густых зарослях сухого злака. Очень для этого вида необычно. Он, можно сказать, закоснелый приверженец привычной тундровой обстановки, тут себе изменил. Предположу, что именно низкий уровень беспокойства этому способствовал. Люди здесь почти не появлялись, собаки предпочитали греться на солнышке у домов своих хозяев, а подорожники, однажды удачно отгнездившись в каком-либо месте, любят возвращаться туда же. Этот так называемый гнездовой консерватизм, вероятно, и срабатывал.

Я сравнивал поселок с Яр-Сале: застройка здесь оказалась более разреженной и старой, в прибрежной части встречалось много сухих злаковых луговин, а дальше от Обской губы – осоково-злаковых болот. Вообще, вся полоса по периметру села представляла собой антропогенный ландшафт с пятнами вторичной, не тундровой растительности. А по мере удаления от него начиналась в разной степени поврежденная тундра, где обитали уже почти все типичные ее жители, кроме самых осторожных птиц, вроде гусей или крупных хищников.

Несмотря на то, что в этом году, в отличие от предыдущего, численность леммингов стала восстанавливаться, все три вида поморников, державшиеся у поселка, крутились в основном у бойни, молочно-товарной фермы и небольших куч мусора на окраинах селения.

Так прошли уже девять дней, а я всё еще оставался в Новом Порту – испортилась погода, с губы регулярно стал наползать туман. Дело обычное для прибрежных селений в пору, когда в губе стоит лед. Да и дождички периодически набегали. Но зато и гостиничка не заселялась пока. В первые погожие дни заглянули двое корреспондентов из тюменской газеты, удивились необычной встрече со мной и даже интервью взяли, но потом гостей уже не было. Я курсировал между моей обителью и балочком у вертолетной площадки, донимал диспетчера Надю расспросами о погодных перспективах, но тщетно. В дальние маршруты уходить было нельзя, вот и работал урывками утром и вечером, когда вертолета можно было не ждать, и при коротких пробежках днем, если давали задержку рейса.

Вот привычная картина. Выхожу на причал. Туман клубится над губой, неспешно скользят над льдинами чайки. Тишина, покой... Если честно, вернулся бы туда, в то самое время еще раз, но только память возвращает меня ненадолго на берег Обской губы, в поселок, который впереди ждут большие перемены.

Мыс Каменный

Здесь я наездами бывал неоднократно, задерживаясь когда на день-два, а когда и подольше. Первый визит состоялся в начале июля 1981 года, когда мы с коллегами из лабытнангского стационара прибыли сюда, чтобы про-

вести авиаучеты птиц на полуострове. В Мысе Каменном базировалась эскадрилья Ан-2 – самолетов, наиболее подходящих для таких целей. При сравнительно небольшой скорости полета (до ста двадцати – ста сорока километров в час) и высоте около пятидесяти метров с них можно было вести учет лебедей, гусей, уток, различая даже их вид, а также белых сов, куропаток и достаточно заметных песцовых норвищ. Кроме того, «кукурузник» был экономичен и обладал большим запасом полетного времени – мы могли находиться до семи часов в воздухе, покрывая за это время огромные территории от Южного до Северного Ямала. Правда, «удобства» в этом неутомимом извозчике были минимальные – в хвостовой части за брезентовой шторкой можно было отыскать ведро. И временами нас хорошо взбалтывало на воздушных ямках, так что выдерживали не все...

Поселок расположен на длинной песчаной косе, протянувшейся вдоль берега Обской губы. В южной части она огибает с востока обширный мелководный залив, а к северу расширяется, переходя в заболоченную низину с множеством разнокалиберных озер, которая тянется до коренного берега полуострова. Само название поселения курьезно. Вообще-то по-ненецки эта коса называется или Пайсаля, то есть кривой мыс, или Пьясале, что можно трактовать как носовой мыс или мыс, похожий на клюв. Однако никак не Пэсаля, или каменный, ибо сколь-нибудь крупных камней тут просто нет. Но что за название для поселка: Мыс Кривой? Такой и посещать бы не хотелось...

А если ближе к делу, то Мыс Каменный занимает, так сказать, стратегическое положение на полуострове, прежде всего благодаря наличию аэродрома с грунтовой взлетно-посадочной полосой и всей системой обеспече-

ния воздушного движения. Это позволяет отслеживать и сопровождать, например, авиарейсы из Европы в Азию, пролегающие здесь по кратчайшему пути. На глобусе всё это можно очень наглядно видеть. Кроме того, по Обской губе летом сюда приходят грузовые суда, которые разгружаются в самых низовьях реки Нурмаяхи к северу от поселка, доставляя топливо для заправки самолетов и вертолетов и все нужные грузы для жителей. Снабжали эти суда и работавшие здесь тогда Ямальскую нефтегазоразведочную экспедицию (ЯНГРЭ) и сеймопартию. Приходил изредка к поселку даже ветеран обского пассажирского флота, теплоход «Механик Калашников», остановившаяся в губе на рейде.

Конфигурация населенного пункта тоже достаточно оригинальна для ямальских селений и отражает производственную дифференциацию и некоторую автономность отдельных частей. На самом юге косы находился аэропорт со всеми прилегающими службами, жилыми домами, столовой, гостиницей и магазином. Естественно, ближе к берегу губы тянулась взлетно-посадочная полоса.

Дальше к северу, в трех километрах начинался поселок геологов с базой экспедиции и всеми необходимыми строениями и учреждениями: жилыми домами, общежитиями, школой, переговорным пунктом, магазинами, диспетчерской службой и собственной вертолетной площадкой. И еще ближе к Нурмаяхе располагались сейсморазведчики, чей поселок больше напоминал временно остановившийся на просторах тундры экспедиционный караван.

В первые краткие визиты останавливаться приходилось в гостинице аэропорта, поскольку надо всегда быть готовым к вылету. Синоптическая обстановка меняется

Центр Яр-Сале, 1980-е годы

Центр Яр-Сале, 2008 год

Дом культуры в 2008 году

Напоминание о прошлом

Памятник вождю

Гостиница

Мыс Каменный, поселок геологов, 1987 год

Один из районов поселка Сеяха

Центр Сеяхи, 1987 год

Окраина Сабетты, 1987 год

Новый Порт, май 1997 года

Бованенково, куст скважин, 1988 год

Мыс Каменный, 2000 год

Антропогенная луговина

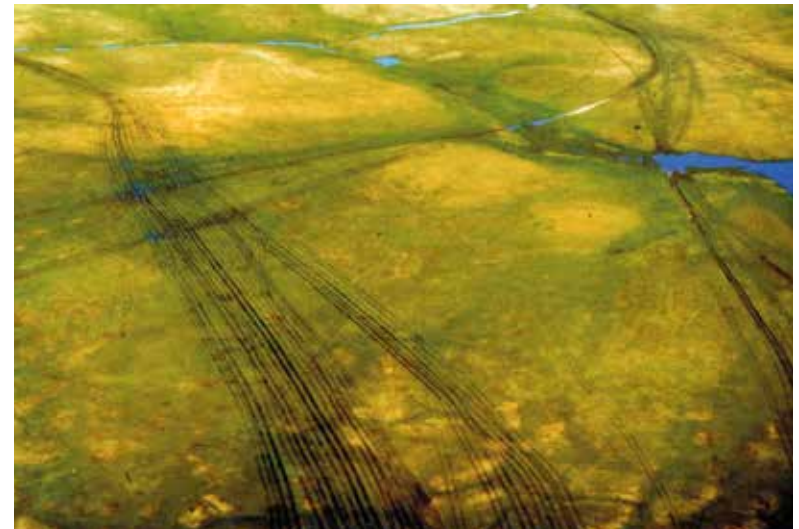
Встреча на Мордыхе

Брошенная буровая на Юрибее

Буровая

Дороги у буровой

На карьере

Радуга над промыслом

Наш транспорт

Полевой лагерь на Юрибее

У подножия возвышенности Хой

Гнездо сапсана в устье Хутыяхи

Краснозобые казарки

Выводок малого лебедя

Выводок турпана

Выезжаем на полевые работы в пойме Оби

Обрывы Юрибея

Бивуак в пойме

На обской протоке. Форма одежды рабочая

Добрались до места работы

здесь очень быстро, даже для Севера, известного погодным непостоянством. Всему причиной – соседство Обской губы, которая до середины июля остается в плену ледяных полей. Контакт нагретого над сушей воздуха с холодным и влажным, приходящим с губы, приводит к частому появлению туманов, отсюда и проблемы с аэронавигацией. Поэтому, чтобы быть наготове к полетам, приходилось делать только короткие экскурсии в поселке авиаторов и его ближайших окрестностях. Из-за преобладания песчаных грунтов здесь встречалось совсем немного участков сохранившейся тундры или вновь выросшей травянистой растительности, поэтому в этих условиях могли обитать только самые стойкие пернатые жильцы. Из куликов это были зуйки-галстучники и белохвостые песочники, из воробьиных – пуночки, белые трясогузки и каменки. Чуть далее от самых нарушенных мест селились и другие интересующие меня объекты.

После возвращения в 1987 году из Нового Порта я перебрался в поселок геологов. Здесь местообитания встречались поразнообразнее. Кроме того, планировалась поездка на буровые, следовательно, надо было держаться ближе к месту, откуда она возможна. Из конторы ЯНГРЭ меня направили в общежитие, где мне выделили даже целую комнату на трех постояльцев. Всё скромно: кровати, стол, стулья, на столе графин для воды и стаканы, правда, сильно отдающие запахом одеколona «Тройной». А что, буровики – народ крепкий и суровый, в период «засухи» каждый борется с ней как может.

В общем, устроился в тепле, что с учетом здешнего климата дорогого стоит. Столовая тоже имелась, а если что, и магазин работал. Сама территория поселка оказалась не столь богата птицами. На значительной ее части встречались почти стерильный песок, лужи, ме-

стами скудные лужайки. Помоек оказалось тоже на редкость мало – это были результаты месячника санитарной уборки. Да и бродячей домашней живности в поселке не встречалось. Как выяснилось, все собаки сидели на цепях у сарайчиков, вынесенных за границы застройки. Так жители отреагировали на вопиющий случай, происшедший в поселке ранее: бродячие псы напали на девочку и разорвали ее. Так что наша любовь к братьям меньшим должна быть основана на строгом соблюдении правил их содержания, и мы должны отвечать за тех, кого приручили. А иначе собаки не только людям угрожают и заразу разносят, но и всякую живность в окрестностях человеческих поселений уничтожают.

Хорошо, что здесь оказалось не так, и уже по окраинам поселка, где растительность была побогаче, появлялись осоковые болота и небольшие озера, жизнь закипала. На воде крутились стаи круглоносых плавунчиков, по луговинам с беспокойством встречали меня многочисленные желтоголовые трясогузки и белохвостые песочники. А на берегу озера нашлось и гнездо морской чернети.

К северу от села имелась небольшая свалка, где тоже обнаружилось много интересного для меня. Кроме вездесущих песочников, появились и зуйки-галстучники, и лапландские подорожники. Среди старой техники крутились трясогузки. В груде каких-то старых коротких цилиндрических труб в промасленной бумаге, лежавших в кузове автоприцепа, нашел гнездо желтоголовой трясогузки. Эти птицы, как и их родственницы, белые трясогузки, – большие любительницы выбирать для постройки гнезд всякие созданные человеком укрытия. Буквально несколькими днями ранее на краю Нового Порта нашел гнездо желтоголовой в старом ведре, наполовину вросшем в землю и полузасыпанном сверху прочим хламом.

Работа в Каменном шла своим чередом и без особых новостей. В диспетчерской я уже договорился о заброске на одну из соседних буровых, когда появится такая возможность. Вертолеты тогда летали на точки достаточно регулярно, и уже вечером 7 июля я высадился на разведочной буровой Р-52 в низовьях Нурмаяхи. Как оказалось, неподалеку от полевого стационара «Ханавэй», на котором много лет проводила исследования орнитологическая экспедиция под руководством моего первого наставника Вадима Константиновича Рябицева. В очередной раз подтвердилось мнение, что Земля круглая. И на одном из маршрутов в окрестностях буровой я дошел до базового лагеря стационара. Обменялись новостями, попили чайку, но нежданная встреча оказалась недолгой: всех ждали неотлагательные дела – короткое лето неумолимо катилось к своему пику, а дел еще оставалось много.

Только вечером 13 июля удалось вылететь в Мыс Каменный – в районе буровой погода была нормальная, а вот берег губы постоянно накрывало туманом. В Каменном сели у сейсморазведчиков, в пяти километрах от поселка геологов. Пока добрался до общежития, накатила гроза, потом туман приполз, а я бегом в столовую и на переговорный пункт – отсюда с трудом, но можно было связаться с домом.

До 16 июля успел еще обследовать ближайшую к поселку тундру и участок между основной базой и аэропортом, но транспорта до Сеяхи, куда я дальше собирался, пока не было. Здесь встретил диспетчера Каменского аэропорта Георгия Катеринича, с которым меня в Яр-Сале недавно познакомил мой школьный друг Саша Тихонов, к этому времени тоже работавший диспетчером в ярсалинском аэропорту. Георгий и посодействовал моей отправке на север, понимая, что сроки для

изысканий у меня на исходе. Так что 17 июля этот визит на Мыс успешно завершился.

Ровно через год, день в день, я снова прибыл в Мыс Каменный. Было уже девять часов вечера, но добрался на машине до поселка геологов и, несмотря на позднее время, устроился в небольшой гостинице возле конторы ЯНГРЭ, где останавливались и пилоты, летавшие на буровые. Именно туда в этот раз я в основном и собирался.

Обращало на себя внимание постепенное угасание поселка. В одной части селения печальной кучкой столпились несколько брошенных двухэтажных домов. Жильцы их покинули, и бесприютные замусоренные здания зияли распахнутыми дверями подъездов, там и сям битыми окнами. Откровенно кладбищенскую грусть навевало это зрелище начала тяжелых времен. Правда, жизнь продолжалась: на другой стороне поселка шла новостройка, несколько болот с мусором оказались засыпаны песком.

Жду транспорт, периодически наведываясь в диспетчерскую, но успеваю облазить и поселок, и его ближайшие окрестности. Всё очень похоже на предыдущий сезон, но больше встречаю домовых воробьев – прижились уже? Наконец, вечером 19 июля дают добро, лечу на буровую. Вернулся через три дня. Погода весенняя: дует северо-восток, утром сыплет снежок, днем моросит и температура плюс два-три градуса. Успеваю пробежаться по селению. Неожиданная встреча со школьным другом Славиком Федоровым, с которым мы на острове Сенном попали в переплет. Он перебрался сюда из Яр-Сале. От него узнаю, что и моя одноклассница Зоя Федорова тоже работает в Каменном. Разбрасывает нас взрослая жизнь в своем водовороте событий.

В последующие годы случалось еще не раз бывать в Каменном, но только транзитом, когда приходилось забрасы-

ваться на места полевых работ на Ямале или возвращаться домой. И за это, и за принят спасибо всем, кто мне помогал!

И последний штрих. На днях в Интернете наткнулся на сайт одного путешественника, побывавшего недавно в поселке, и прочел подтвержденный фотографиями весьма положительный отзыв о переменах в нем. Это уже совсем не то, что приходилось видеть мне, многое изменилось к лучшему, Каменный оживает, чего я ему и желаю!

СЕЯХА

В Сеяху, уже знакомую читателю по речным ямальским путешествиям, прибыл после обеда. Замещавший директора совхоза Иван Алиевич Тусида помог попасть в совхозную гостиницу. Я оставил вещи в домике, служившем аэропортом, а пока устраивался на проживание, его закрыли. В рюкзаке были все рабочие принадлежности, бинокль и, что особенно огорчительно, съестные припасы, а местная столовая работала только с полудня до часа дня. Спасибо, выручил еще один постоялец гостиницы. Володя работал на вездеходе, приехав сюда в командировку. Его начальник, руководивший строительными делами в поселке, сейчас был на Большой земле, а Вова периодически помогал подвозить товар со складов в местные магазины, столовую. При тогдашнем состоянии поселковых дорог, то поднимающихся вверх, то спускающихся в низины, где грязи по колено, помощь «железного коня» была абсолютно неоценима. Так что у Володи нашлось чем угостить меня. А вскоре я перенес вещи в гостиницу и, не мешкая, приступил к привычным делам.

План действий, собственно, ничем не отличался от обычного – маршруты по селению и его окрестностям, на которых велся учет птиц, фиксация местообитаний, где на-

ходился учетчик, и удаление от поселка. Полученные данные позволяли делать выводы о степени и зоне антропогенного влияния на население птиц тундры. В общем, рутинно. В экспедициях находки и открытия случаются не так часто, обычно топчешь землю, наблюдаешь, записываешь, а что из этого получится, узнать сможешь только зимой, когда обработаешь собранный материал. Потому рабочие будни всегда сливаются в череду более или менее похожих дней, а в памяти остаются не очень значимые для дела, но выбивающиеся из этой мозаики яркие пятна неожиданных событий или совпадений.

В Сеяхе таковые нашлись. Во-первых, сюда я попал не в первый раз – уже бывал здесь и во время поездок вокруг Ямала в 1981 и 1983 годах, ну, и потом, когда с Вячеславом Федоровичем и Виктором Штро в 1984–1986 годах ходили «дорогами поморов». В сезон 1986-го я даже успел немного в поселке поработать, но в основном мы сюда с левого берега реки наведывались в пекарню. Хлебушек поспевал после обеда, помнится, часам к четырем. Ароматные, мягкие булки так и готовы были проплавить пластиковые пакеты, в которые их укладывали. Единственный недостаток сеяхинского хлеба заключался в том, что он катастрофически быстро исчезал: съесть за раз целую булку для нас, приученных к сухарям, а порой и к заплесневелым «кирпичам», проблемы не составляло. Благо, что к моменту возвращения в цивилизацию еще не все запасы малосольных щокуров и пыжьянов были подъедены.

Во-вторых, к этому моему визиту в Сеяху сложилась некоторая историография моих родственников, с поселком связанных. Дело в том, что после окончания Салехардского педучилища сюда приехала работать сестра моей будущей жены Галина Георгиевна, а вслед за ней после того же училища в 1980 году попросилась и ее младшая сестренка Людмила. Общежитие, в котором устроились молодые педагоги,

заслуживает, конечно, отдельного живописания. Однако я это знаю только по рассказам очевидцев. Удобства тогда были минимальные, на улице, под общагой, стоявшей на сваях, гулял студёный арктический ветер, а сквозь щели меж половых досок было слышно, как под домом выли мохнатые псы. Умопомрачительная экзотика для молодых девчонок!

Правда, в следующем, 1981 году, Людмилу перевели в Яр-Сале, где мы и встретились после моего памятного воляжа вокруг Ямала. На свадьбу из Сеяхи приехала ее сестра с женихом, Сашей Овсянниковым, работавшим в команде геофизиков, которая базировалась в поселке. Начальником одной из партий тогда был его родственник Володя Седов. Оба с Волги, не коренные северяне, но проработали здесь немало лет. Помню, как Володя Седов рассказывал о приколе, который он применял на отдыхе после полевого сезона. Когда его спрашивали, где и кем работает, он отвечал: «Начальник СП». Всё правильно – начальник сейсмопартии. Но народ помнил о дрейфующих во льдах Северного Ледовитого океана станциях, имевших названия от СП-1 (первой, папанинской) и далее. Уважение собеседников росло на глазах. Хотя работа в сейсме не намного легче, чем во льдах. Конечно, под ногами земля, а не лед и вода, но холод, ветер и тяготы каждодневного труда не меньше.

И, в-третьих, не могу не вспомнить о событии, случившемся в 1987 году. Начальник вездеходчика Володи Борис Васильевич прилетел 18 июля. Оказалось, что у него тут были приличные служебные апартаменты в три комнаты с мебелью, где мы вечером и собрались, чтобы пообщаться за рюмкой «чая». Слово за слово, я рассказывал о своих поездках по Ямалу и между делом упомянул нашу ближайшую площадку Морато в низовьях Сеяхи-Зелёной. Конечно, не удержался и от рассказа о том, как ловил на ручье Мантысё хариусов. Это было опрометчиво! Оказалось, что Борис

Васильевич – рыбак до мозга костей. Услышав о таком интересном варианте рыбной ловли, загорелся желанием туда отправиться. В эту же ночь выехали на вездеходе. Расстояние до цели в общем небольшое, около пятнадцати километров, так что в третьем часу ночи были уже на месте. Достали снасти – и к ручью. Но вот незадача – хариус категорически не брал. Это у него в норме – то хватает всякую наживку, то, как обрезало, ничего... Мы с Вовой довольно быстро закисли – азарта нет, а позади и целый день работы, и ночная поездка. Так что залезли в «газушку» и благополучно заснули. А через несколько часов начальник разбудил нас торжествующими возгласами. Оказывается, он не смирился с вялостью хариусов и продолжал упорно забрасывать свою снасть. И вот уже утром вдруг всё изменилось – начался клев, да какой! В общем, к нашему подъему у шефа была уже полная сумка отборных рыбин. Так нам наглядно было продемонстрировано значение пословицы «Терпенье и труд всё перетрут».

До 22 июля продолжал работать в поселке, облазил всю его правобережную часть на высоком берегу реки и простирившуюся к югу тундру с характерным чередованием заболоченных низин и грядами окружающих холмов. Сезон размножения у многих птиц уже заканчивался, а мне надо было еще успеть побывать в арктическом поселке, чтобы охватить все природные зоны полуострова. На следующий день удачно прилетел вертолет и под шум дождя унес меня дальше на север. Прощай, Сеяха!

САБЕТТА

Дорога до Сабетты оказалась не такой близкой, как можно было ожидать. Сначала вертушка взяла курс на восток через Обскую губу, на которой даже напротив Сеяхи еще стоял

лед, хотя его и отжало ближе к Гыданскому полуострову. Сели в Тадибеяхе, на голом песке вертолетной площадки, где нас накрыло сильнейшим туманом. Не помню точно, как отсюда вылетели, может, просвет появился, но выбрались и приземлились уже в Тамбее. Тут погода оказалась приемлемая, и после обеда прилетели наконец в Сабетту.

Первое впечатление было вполне определенным – поселок во многом напоминал мне Мыс Каменный, только компактный. Он также находился на низком песчаном берегу Обской губы, вдоль которой, как и на Мысу, была устроена взлетно-посадочная полоса, позволяющая садиться достаточно большим самолетам вроде Ан-24. Скопление сборно-щитовых одно- и двухэтажных зданий, вахты, собранные из модулей, и разные производственные постройки довершали картину. У северного края селения заметил обвалованное озеро с водозаборными, у южного гудела электростанция. А вот и столовая, и даже магазин «72-я параллель».

Надо было определяться с жильем. Я направился в контору Тамбейской нефтегазоразведочной экспедиции (НГРЭ), где встретился с ее тогдашним руководителем Сергеем Григорьевичем Кекухом. Мои объяснения о том, кто я и зачем сюда прибыл, его вполне устроили, добро на вселение в общежитие № 9 было получено, так что никаких проблем в работе не возникло.

Кстати, позднее в окрестностях Сабетты, на расположенной несколько южнее речке Венуйеуо, Вадим Константинович Рябицев заложил новый полевой стационар, где в течение нескольких лет успешно работали интернациональные коллективы орнитологов. Стационар получил имя «Яйбарри» – так по-ненецки называется один небольшой куличок, чернозобик, очень обычный в этих краях. С названием же речки, у которой базировался лагерь полевиков, сложнее. Я пытался узнать это у коренных северян, но получил только

достаточно приблизительный ответ, что это, скорее всего, место, где забрасывали невод, то есть неводили. Разумно – в такие речки в северной части Ямала рыба обыкновенно периодически поднимается, и ловить ее здесь удобно.

Стационар «Яйбари» проработал несколько лет до той поры, пока авиасообщение с Сабеттой не разладилось до такой степени, что можно было неделями ждать возможности заехать сюда и выбраться. Но руководство экспедиции неизменно помогало ученым и с транспортом, и с жильем. Кстати, Сергей Григорьевич, будучи уже начальником Департамента природно-ресурсного регулирования и развития нефтегазового комплекса ЯНАО, посодействовал изданию моей научно-популярной книжки «Север, птицы, люди», за что я ему тоже очень признателен.

А пока шли рабочие будни в привычных маршрутах. Окрестности селения были интересны тем, что здесь сочетались и хорошо сохранившиеся участки тундры, и места, затронутые человеческим воздействием. Вот в глубину полуострова уходят дороги, тянутся линии электропередачи и газопровод, вдали виднеются пирамиды буровых вышек, а тут осталась разбуренная и законсервированная скважина. Тяжелые Ми-6 с угрожающим ревом тянут на подвеске кипы мешков с баритом – утяжелителем для бурового раствора. Создается плацдарм для будущего освоения перспективного Тамбейского месторождения.

Но в целом работы ведутся достаточно аккуратно, если принимать во внимание соблюдение мер охраны природы. Бродячих собак в поселке не наблюдается, браконьеров я не встречал, на территории поселения чисто. Удивило только огромное количество старой техники, собранной на отдельной площадке по краю Сабетты. Чего здесь только не было: машины разных мастей, тракторы, вездеходы, всё в разной степени сохранности. Смею предположить,

что со временем этот хлам отсюда вывезли, просто мне не довелось побывать здесь после 1990 года.

В самом поселке живности было немного, поскольку песок зарастает плохо, а если мало растительности, не хватает и корма для птиц. Но стойкие пуночки, белые и желтоголовые трясогузки, галстучники и белохвостые песочники всё же умудрялись выживать даже здесь. А сразу за окраиной застройки тундра начинала радовать новыми встречами.

На маршрутах почти непрерывно беспокоились подорожники, там и тут к ним присоединялись рогатые жаворонки, чернозобики, тулеса. С кустарниками тут было плохо. Во-первых, территория относилась к подзоне арктических тундр, где заросли ивняков встречаются лишь в немногих наиболее теплых местах, например в поймах рек, во-вторых, это было побережье холодной губы. Потому и птицы, связанные с кустарниками, стали редко встречаться или совсем исчезли. Но появились краснозобые гагары, гаги-гребенушки и даже сибирские гаги – птицы, больше привязанные к морю и крупным водоемам. Такую роль здесь играла Обская губа – широченная, хотя уже и не соленая. Поразило и множество стай поморников – длиннохвостых и короткохвостых. Часть из них болталась на месте в поисках пищи, но остальные целеустремленно летели на север, где у моря можно было найти больше корма. Только за полчаса на одном маршруте я насчитал две сотни таких птиц.

А 27 июля удалось наблюдать достаточно регулярное в тундре, но кратковременное событие – массовый вылет комаров-звонцов, или хирономид, личинки которых развиваются на дне водоемов, питаются растительными остатками, и рыболовам хорошо известны как мотыль. Кровью самки этих насекомых не питаются, следовательно, для человека и животных опасности не представляют. В тот день тучи этих двукрылых роились над про-

гревшейся тундрой подобно столбам дыма, а при взгляде в бинокль казалось, что вся местность покрыта сплошной пеленой тумана. Этим не преминули воспользоваться птицы – утки на озерах переключились на сбор комаров, сотнями падавших на воду. Такое временное пиршество!

А с юга опять потянуло гарью, даже сюда доносились дымные приветы от пожаров в тайге и лесотундре.

Размножение большинства птиц уже завершилось, но несколько гнезд с птенцами мне удалось обнаружить, а одна гусыня продолжала упорно насиживать кладку совсем недалеко от селения, под трассой взлета тяжелых вертолетов. В гнезде у мамы уцелели всего два яйца, и шансов, что из них удастся вырастить гусят, практически не было. Рядом валялись скорлупки еще трех. Может, трех птенцов увел гусак, а может, голодные поморники успели расклевать их? Выяснить это мне не удалось.

На следующий год я на пару дней еще прилетал в поселок, который почти не изменился, но больше судьба меня сюда не забрасывала. Сейчас Сабетту, конечно, не узнать. Большой производственный комплекс по сжижению природного газа и портовый терминал по загрузке морских танкеров-газовозов радикально изменили облик и жизнь этого некогда небольшого северного форпоста геолого-разведчиков. Но гуси и песцы не покинули окрестности Сабетты: они вполне могут уживаться с человеком, который грамотно, аккуратно осваивает природные ресурсы Севера. Хороший пример всем!

ХАРАСАВЭЙ

Свою основную историю этот вахтовый поселок начал с 1976 года, когда здесь высадился первый десант строителей, а затем стали сходящих к побережью Ямала кора-

блей выгружать на лед Карского моря и доставлять на берег стройматериалы, оборудование и всё необходимое для жизни Харасавэя. Так что ко времени моих первых кратких визитов сюда в 1981 и 1983 годах он уже был вполне оформившимся поселением с двумя тысячами жителей и со всеми необходимыми службами – электростанцией, узлом связи, баней, клубом, спортзалом и магазином.

Располагается Харасавэй чуть севернее семьдесят первой параллели вдоль обрывистого берега моря. Южнее в устье одноименной реки в те годы существовала небольшая база, а севернее – аэродром с песчаной взлетно-посадочной полосой. К востоку протянулось большое водохранилище, созданное на маленькой речушке, поскольку до основной реки было далеко, да и вода в ее низовьях в большей или меньшей степени смешивалась с морской, а крупных озер поблизости не было. В первые приезды мы задерживались здесь всего на несколько часов, только чтобы решить вопросы с пополнением запасов топлива и продуктов, и двигались дальше, пока позволяла погода.

Возможность поработать в поселке появилась в 1988 году, когда начались наши научные изыскания в соседнем районе – на Бованенковском месторождении. Тогда основные сезонные работы на Мутной и Мордыяхе уже завершались, и был небольшой запас времени, чтобы пополнить материалы для диссертации о влиянии человека на природу в арктической тундре Ямала. Так удалось выкроить три дня в конце июля и слетать в Харасавэй.

Здесь устроился в общежитии «Севергазпрома», располагавшемся в единственном капитальном четырехэтажном здании северной части поселка. Рядом находились столовая и несколько жилых и производственных зданий. Вторая часть Харасавэя с базой Карской НГРЭ занимала территорию южнее, а между этими частями селения простирал-

ся сильно замусоренный пустырь и ревела газотурбинная электростанция, работавшая на газу из соседней скважины. Шум от нее был такой сильный, что, как я предполагал, в ее окрестностях птицы селиться не станут. Однако всё оказалось иначе – ни грохочущая станция, ни горящий факел их особенно и не беспокоили. Рядом гнездились краснозобые коньки, белые трясогузки, пуночки, галстучники и белохвостые песочники, летали чайки и поморники. Похожую картину я потом наблюдал и у одной голосистой компрессорной станции на магистральном газопроводе. Получалось, что даже сильный уровень шума не является большой проблемой для птиц, хотя они и партнеров ищут, и территорию свою обозначают в том числе и с помощью своих голосов, которые трудно различить в такой обстановке.

Но в самом поселении живности было немного. Главная причина – почти повсеместное распространение в нем голых песков и, соответственно, скудность пропитания. Но уже по краю застройки встречались грунты с большей примесью глины, и все места старых нарушений хорошо заросли. Правда, это была уже не исходная тундровая растительность, а смешанные моховые луговины со злаками, осоками и другим разнотравьем, устраивавшие многие виды птиц. Здесь появлялись типичные обитатели тундры: подорожники и кулики-воробьи, камнешарки и средние поморники. Последних оказалось необыкновенно много, поскольку год выдался урожайным на леммингов, что прежде всего и влияет на размножение этих птиц. Они даже над поселком летали. А приморским положением Харасавэя объяснялось и появление крупных чаек – халеев и бургомистров. И даже домовые воробьи тут появились, околачивались у столовой и внутрь проникали.

Что касается более удаленных участков тундры, то здесь нарушений растительного покрова имелось мень-

ше, и встречались они лишь местами. Понятно, что жители сюда почти не выбирались, были заняты работой, немного рыбалкой на побережье, а на дары природы вроде грибов и ягод в окрестностях рассчитывать особо не приходилось. Однако на двух песчаных норах я обнаружил погибших в капканах животных – кто-то решил поохотиться, но ловушки не снял и добычу не забрал...

На территории одной старой буровой нашел привет от коллег – доску-указатель с надписью «Опыт 08.81. ВНИИ природа». Судя по информации, занимались рекультивацией территории. И, видимо, не без успеха, поскольку на большей ее части растительностью было покрыто семьдесят-восемьдесят и более процентов площади. И даже у самой скважины половина.

Возвращаясь из этого маршрута, попал в ситуацию вроде бы курьезную, но вместе с тем и достаточно неприятную. У края поселка решил пройти напрямик к гостинице, минуя уже обследованные участки, и оказался на территории погранзаставы. Но понял это только тогда, когда меня остановил офицер. «Ты куда зашел? А если бы караульный пальнул в нарушителя?» – огорошил он меня первой же фразой. Я стал объяснять, что возвращался из тундры, а никаких предупредительных аншлагов или заборов на пути не имелось. В общем, разошлись миром.

Через год в начале августа снова прилетел в Харасавэй из Бованенково, теперь уже в составе группы коллег из нашего института. В гостинице «Севергазпрома» встретились с командой геоботаников, в которую входили несколько специалистов. Маргарита Алексеевна Магомедова была руководителем своей группы и своеобразным двигателем в решении многих технических вопросов работы всей экспедиции и согласования их с руководством промысла. С нею сюда прибыли Людмила Михайловна Морозо-

ва, с которой мы немало поработали на Ямале, Полярном Урале и в пойме Оби, и Алла Валерьевна Степанова. Геоботаникам предстояло обследовать пастбища северной части полуострова, а зоологам – собирать материалы о фауне района в соответствии с планами научных исследований.

Передо мной же стояла задача попасть на несколько точек проведения геологоразведочных работ в арктической тундре Ямала. Поэтому направился в контору Карской НГРЭ, где встретился с главным геологом экспедиции Виктором Семеновичем Гировичем. Разговор получился продуктивным: определился с местами, куда можно будет слетать, уточнил, что в пассажирско-диспетчерской службе (ПДС) обо мне будут знать, ну, и договорился об устройстве в гостиницу. Всё прекрасно! В поселке, правда, в этот раз поработать долго не пришлось – на следующий день после обеда улетел на буровые. А уже 10 августа вернулся обратно. Погода стояла хорошая, но с транспортом было хуже – в Карской НГРЭ в этот день вылетов не было, на следующий отдыхали службы Ямальской экспедиции глубокого бурения (ЯЭГБ), куда мне надо было попасть, потом туман подкрался... В результате только 13 августа полетел в Сабетту, чтобы оттуда причудливым маршрутом по карьерам и стройкам Бованенковского месторождения вернуться к незавершенным делам.

Последний раз попал в поселок в конце июля 1997 года. И тогда почти вся поездка прошла под знаком типичной приморской погоды: ежедневно накатывали туманы, порой с дождичками. Но время для работы всё же удалось выкроить. И в селении, и в окружающей тундре встретил знакомый набор видов птиц, а благодаря довольно высокой численности леммингов в окрестностях гнездились немало средних поморников и зимняков. В тот год у меня уже появилась видеокамера, и я с большим энтузиазмом

снимал все интересующие меня сюжеты. Тут и песчаный морской пляж, который облизывают ленивые волны, и туманная даль тундры, и подрастающий молодняк зимняков, и шустрые пуночки. Но рядом с ними – выплывающие из пелены тумана груды мусора, свалки разнокалиберного железа... Весь набор местных пейзажей.

В гостинице «Севергазпрома», где я снова остановился, познакомился с мастером, который руководил разными работами на территории, разговорились. Я сетовал на то, что погода временами не позволяет работать, приходится ждать, когда появится «окно» в тумане, а по вечерам заняться нечем. Он предложил немного помочь ему в делах – нужно было покрасить баллоны из-под кислорода, те, что используют при сварке и резке металла. Так что я на некоторое время переквалифицировался в маляра. А вечером в номере у мастера мы устраивались у телевизора, запускали видеомагнитофон и попивали баночное пиво. Такие фишки цивилизации на краю земли.

Успел еще съездить на аэродром и побеседовать с начальником метеослужбы (АМГС) Валерием Николаевичем Корнеевым. Мне надо было расспросить его об условиях весны и лета этого года, чтобы представлять, как они могли повлиять на жизнь зверей и птиц в этом сезоне. Оказалось, весна в 1997 году в Харасавэе выдалась поздняя, затяжная и почти незаметно перешла в холодное, ветреное лето. Снег по берегу моря лежал до середины июля, и почти в это же время отошел лед от берега. По всему получалось, что на жизни тундры отрицательно это не сказалось, всё шло своим чередом, а ее обитатели к такому развитию событий были вполне готовы.

Третьего августа появилась возможность побывать на Бованенково, а шестого я вылетел на вертолете обратно в Харасавэй. Но сесть там не смогли – экипаж не был

знаком с аэропортом, прошли прямо над аэродромом, но пилоты его не узнали, а потом и видимость ухудшилась. Вернулись обратно на ЯЭГБ. Туман, морось, видимость двести метров. На следующий день небеса смилоstinивились, погода наладилась. Добрался до поселка, а там уже ожидался борт на Лабитнанги. Харасавэйские вояжи завершились.

Но об одной особенности Харасавэя, которая тогда особенно бросилась мне в глаза, надо сказать еще несколько слов. Это огромное количество накопившегося мусора, который встречался почти везде, кроме собственно жилой зоны. Разный металлический и деревянный хлам валялся на морском пляже, заполнял выходящие к морю овраги, окраины поселка, часть пустыря между северной и южной частями селения. А вдоль восточной стороны у вертолетной площадки тянулась обширная свалка. Всё, что сюда завозилось, а потом приходило в негодность, накапливалось тут же. Вплоть до моего последнего визита в 1997 году, а судя по всему, и до 1999-го, когда прекратила свое существование Карская НГРЭ, и позднее. Мне пришлось даже встречаться с некими предприимчивыми мужичками-добытчиками, которые на вездеходах добирались сюда, чтобы выбрать всё ценное в полузаброшенном поселке и на свалках.

Правда, не так давно я обнаружил в Интернете информацию, что, «по сообщениям из официальных источников, в ближайшее время на Харасавэе планируется провести мероприятия по вывозу 25 тысяч тонн мусора, скопившегося еще с незапамятных времен». Времена-то памятные, но хорошо, если так. Мусорная проблема давно перезрела, и приборка в Арктике, да и по всей стране, весьма актуальна.

ЯМА ПРОМЫШЛЕННАЯ

На буровых

Буровые вышки – неизменный элемент ландшафта на месторождениях нефти и газа, поэтому на Ямале эти своеобразные «маяки» встречались во многих перспективных для добычи углеводородов районах. Конечно, их присутствие влияло на местную природу, а вот как и в какой степени, мне было интересно выяснить. Так, параллельно с работами в населенных пунктах и на Бованенковском месторождении, я старался определить формы и степень воздействия этих объектов на птиц.

Первые материалы удалось собрать в 1987 и 1988 годах близ поселка Мыс Каменный, в бассейне реки Нурмаяхи, где шло бурение нескольких разведочных скважин. Работы вела уже знакомая мне Ямальская НГРЭ, на помощь которой и следовало рассчитывать. Руководство отнеслось к моей просьбе с пониманием, диспетчеры в ПДС тоже, поэтому никаких сколько-нибудь существенных проблем не возникло. В начале июля 1987 года неделю удалось поработать на буровой Р-52, во второй половине июня 1988 года – на Р-66 и Р-57, а кроме того, посетить соседние действующие объекты и места, где вышки были уже демонтированы.

На следующий год благодаря помощи Карской НГРЭ из Харасавэя так же попал на Р-32 в верховьях Яхадьяхи, на Р-38 и отработавшую буровую в низовьях Холеяхи, и несколько дней обследовал окрестности подбазы № 3 в устье Яптормаяхи. Кроме того, в разное время я по возможности посещал места, где проводились буровые работы: на Бованенковском месторождении и в окрестностях поселков – Мыса Каменного, Сабетты, Харасавэя.

Какова была конкретная цель моей деятельности? Дело в том, что буровая – объект временный, после за-

вершения проходки скважины она демонтируется и, в зависимости от результатов, ставится на консервацию до начала эксплуатации, если получен приток нефти, газа или конденсата. Соответственно, ее влияние на окружающую среду двоякое. В активный период возникает и существует определенный кусок нарушенного ландшафта, а, кроме того, в окрестностях вышки действует фактор беспокойства, распугивания живности вследствие ее реакции на вид и шум буровой, полеты вертолетов, передвижение людей, присутствие собак... А после остается участок бывшей тундры, в большей или меньшей степени загрязненный и почти без растительности. Потому надо выяснить, кто выдерживает сильнейшие изменения среды обитания на самой буровой в период ее работы и после, и в окрестностях, пока ведется бурение. Так что я обследовал территории действующих и старых буровых и на маршрутах изучал население птиц вокруг них на удалении до трех-четырёх километров.

О результатах немного позднее, а пока о том, как можно было в те годы побывать в интересующих меня местах (по-нынешнему, о логистике) и как там жилось. Основные работы по установке вышек и бурению велись зимой, когда завозили оборудование, топливо и продукты на точку с наименьшими и финансовыми, и экологическими потерями наземным транспортом по зимникам. Но летом бурение не останавливалось, время от времени возникали проблемы с техникой, надо было снабжать рабочие коллективы продуктами. В общем, связь с базами не прерывалась. А основное средство для этого – вертолеты. И летали они в это время на места работ достаточно регулярно. Причем нередко по экстренной необходимости, например, когда выходил из строя буровой инструмент или какая-нибудь жизненно необходимая техника. Вот

это и помогло мне воспользоваться ситуацией. Пару раз летел на вертушке, в которой, кроме меня, были только несколько железяк типа шарошек или других непонятных мне запчастей, по ящику огурцов и помидоров, свежее мясо. Работы останавливать нельзя, и людей надо кормить.

Летом интенсивность бурения несколько снижалась, как я мог судить по уменьшению состава бригад, но для меня условия жизни здесь становились очень подходящими: везде имелись свободные места в жилых балках. Мастера, конечно, удивлялись тому, зачем я прилетел на буровую, но радушно отводили жилье, ставили в известность поваров о временном пополнении коллектива. А поварахи везде были отменные, меню разнообразное. После завтрака и обеда на первом километре маршрутов скорость моего передвижения явно падала. И как не падать после добрых порций первого и второго да чая или компота с вкуснейшей выпечкой! Я, конечно, расплачивался за питание как в обычной столовой, но цены на всех буровых были совсем смешными, учитывая размеры и качество порций.

Имелся еще один плюс в работе – наличие постоянной связи с базой, а значит, информации о рейсах вертушек, в том числе и о том, куда они пойдут после посадки на буровой, где я в это время находился. Так иногда перемещаться между точками получалось без залета в Каменный или Харасавэй, экономя время.

Да, в 1980-е были возможности находить варианты достижения своих целей, просто поговорив с людьми, отвечавшими за решение государственных задач, с теми, кто осознавал, что помощь одному орнитологу с рюкзаком не нанесет ущерба ни организации, ни стране. Потом ситуация стала сложнее, но не всегда – понимающие люди на Ямале были, есть и будут. Я в этом не сомневаюсь.

Везде я встречался с очень приятными людьми, помогавшими мне в работе. Но корю себя за то, что в дневниках делал почти исключительно рабочие записи, а немногие другие помещал в конец блокнотов. Они в электронные варианты дневников оказались пока не перенесены и сейчас, когда я пишу эти очерки, мне не доступны. Но впечатления о встречах на севере с хорошими людьми из памяти не сотрешь. Такие впечатления оставили все коллективы буровых, где я побывал, и коллектив подбазы в устье Яптормаяхи на северо-западе Ямала. Подбаза служила своеобразным аэродромом подскока для вертолетов, поскольку здесь были установлены цистерны с запасами керосина. Ребята выделили мне место в балке на берегу моря, я много с ними беседовал, узнавая новые для себя сведения о природе этих мест. Ходил в маршруты по окрестной тундре и берегу моря. Нашел, кстати, на берегу даже разрозненный скелет погибшего моржа. Один позвонок потом долго хранил в качестве сувенира, пока не передал на хранение в музей. А к западу от базы простиралось бескрайнее Карское море. У берега неплотно толпились льды, прижатые к полуострову западными ветрами, на льдинах грелись под нежарким полярным солнцем кольчатые нерпы, неспешно пролетали над водой халеи и бургомистры. Между тундрой и морем тянулись великолепные пляжи с чистейшим песком, омытые солеными морскими волнами... Невольно еще раз вспоминалась известная аббревиатура ЮБК, хотя тут был не южный берег Крыма, а южный берег Карского моря. Забыть эти места невозможно, они всегда со мной.

Теперь немного о научных итогах поездок. Сама территория буровой обычно занимает небольшую площадь, что зависит от ее местоположения: на сухих песчаных грунтах она может уместиться на одном гектаре, а на плавущих глинистых и обводненных в поймах рек расширяется до

двух-четырех. Попробуйте на грязевых пльвунах и топях подвезти и смонтировать многотонные конструкции вышки, буровой станок, электростанцию и жилые постройки. Тут, как ни крутись, растительность будет уничтожена, почвенно-растительный покров перемешан с подстилающей породой. Все эти варианты буровых мне приходилось видеть. Чистенькая и аккуратная Р-32 на сухом песчаном бугорке совсем не походила на Р-38, стоявшую на краю речной долины, или Р-66, которая вообще в пойме Нурмы находилась. Но самую обширную разбитую техникой территорию обнаружил на месте Р-71, которая к моменту моего посещения была уже демонтирована. Скважина попала на глинистый участок со сплошными пльвунами, техника в таком грунте буквально тонула. Тем не менее антропогенного мусора на ней не было, а характер местности позволял предполагать, что зарастет этот нарушенный участок столь же быстро, как на Бованенковском месторождении.

Однако размер сильно нарушенной территории во всех случаях был не катастрофичным – от одного до четырех гектаров максимум. Вокруг, правда, имелись следы проездов тракторов и вездеходов, но основной облик тундры сохранялся.

И вот результат: совсем скудная фауна птиц была только на этой самой нарушенной части земли. А сразу за нею большинство мелких воробьиных и куликов буровую не замечали. Гнездились здесь и куропатки. Чувствительнее оказались, как я и предполагал, крупные и осторожные виды птиц, прежде всего хищники, гуси, беспокойные кулики – тулеса и ржанки. Взлеты и посадки вертолетов, работа электростанций, дизелей или электроприводов на скважине практически не влияли на фауну ближайших окрестностей. Конечно, в радиусе до пяти-шести километров местами были и другие буровые, а по периферии

тех, которые я обследовал, там и тут встречались следы вездеходных проездов разного возраста, но значимого воздействия на фауну это тоже не оказывало. На всех нарушенных участках происходила смена растительности, однако последствия этого могли проявиться только через много лет.

Определенное влияние на фауну оказывали также зимники. Из-за уплотнения снега на них таяние его происходило поздно, местами слой фирна лежал до конца июня. Такие места были малопригодны для гнездования птиц и обитания грызунов, кормов здесь тоже было мало. Даже растительность сильно страдала от передвижения тяжелой техники, несмотря на то, что использовались трассы в зимний период. Так что и эти участки в той или иной степени выпадали на определенный период времени из нормального функционирования экосистем.

Добавлю к этому пару замечаний, которые относятся только к времени, о котором пишу. Сейчас, судя по изменениям в правилах работы вахтовиков, эти проблемы решены, но тогда они существовали. Во-первых, на всех действующих буровых содержались собаки, на одной даже целый выводок. Их, конечно, подкармливали у столовых, но за мной они тоже нередко увязывались, не пропуская обнаруженных леммингов и найденные гнезда птиц. Во-вторых, хотя времени у рабочих на прогулки по тундре было мало, всё же иногда любителям охоты удавалось провезти на буровую ружьишко. В целом это влияние нельзя считать сильным, но оно дополняло всё остальное, что не способствовало сохранению природы. Поэтому последующее ужесточение правил работы в тундре надо признать необходимым. Разведка и добыча полезных ископаемых и без того оказывает серьезное воздействие на северные регионы, и усугублять его не следует.

БОВАНЕНКОВО

Бованенковское газоконденсатное месторождение сейчас широко известно не только в нашей стране, но и за ее пределами, а здесь мне хочется рассказать о начале его освоения и о своих экспедициях сюда в те годы, о нашей жизни и работе, о том, какие изменения происходили в здешней природе. Попробую вспомнить всё.

Первые результаты

Во время экспедиций по Среднему Ямалу в 1980-х годах нам с коллегами несколько раз приходилось пересекать территорию Бованенковского газоконденсатного месторождения, простирающегося в низовьях Сеяхи-Мутной, и проводить тут и по его периферии кратковременные наблюдения. В то время здесь велись геологоразведочные работы, в разных точках разбуривались скважины.

Но в 1988 году темпы освоения резко возросли, что заставило небольшую группу научных сотрудников Института экологии и лабытнангского стационара обратить более пристальное внимание на изучение природы Ямала в данном районе. Как позднее оказалось, этим было положено начало широкомасштабным комплексным научно-исследовательским работам на месторождении.

А уже в начале октября того года в Надыме состоялась примечательная во многих отношениях 1-я Всесоюзная конференция «Экология нефтегазового комплекса», на которой развернулась весьма острая полемика между научной делегацией и производителями о подходах к освоению полуострова. Вопрос, собственно, состоял в разбалансировке темпов промышленного развития региона и научного ее изучения. Требовалось углубленное

исследование всех процессов в северных экосистемах, на которые воздействует промышленное освоение. К сожалению, многие проблемы к тому времени были еще крайне слабо изучены, но и при этом уровне знаний сложилось обоснованное представление о хрупкости, ранимости экосистем Севера и медленном их восстановлении. Работы 1988 года на Бованенково наглядно это подтвердили и поставили на повестку дня необходимость развернуть исследования в полном масштабе и по всем направлениям.

Однако тогда мы только окунулись в эту тематику, и многие результаты оказались как ожидаемыми, так и парадоксальными. Подготовка к полевым работам началась зимой: надо было выбрать участки, подвергавшиеся воздействию человека и сравнительно мало измененные, но сходные по своим условиям, подобрать методики исследований и еще многое другое. Кроме того, я планировал снова посетить Яр-Сале, Мыс Каменный и буровые. Так что на Бованенково прибыл только в самом конце июня 1988 года. И район работы, и сезон оказались на редкость интересными.

Основные опытные площадки располагались на высоком правом берегу Сеяхи в районе СУ-33, где мы проживали (и где ранее находилось «хозяйство» Ивана Васильевича Юдинцева), ЯЭГБ и далее к западу до озера Тибейто (Гнилого), возле которого планировалось строительство головной компрессорной станции. В пойме на левом берегу напротив СУ-33 находилась третья опытная площадка, тогда сравнительно слабо затронутая антропогенным воздействием. Контрольные участки были выбраны на нашей старой площадке в низовьях Мордыяхи, где в нее впадает Юреяха, и в правобережной пойме, а также еще ближе к морю.

На двух водораздельных территориях нарушения были очень существенными, а местами просто разрушитель-

ными. Это касалось рабочих поселков, обширной полосы разрезанной тундры между СУ-33 и ЯЭГБ и куста из трех буровых вышек неподалеку от нашей базы. Местами тут на десятки и сотни метров простиралась просто голая земля, сквозь которую пробивалась молодая травка. Но грунты здесь были не песчаными, а суглинистыми, и ко всему прочему перемешанными с размолотой почвой и остатками растений. Как выяснилось, это много лучше, чем если бы центр разрушений пришелся на территорию с бедными песчаными грунтами, легко раздуваемыми и плохо зарастающими.

Но и эти голые участки размывались водой, потоки стекали в озера, загрязняя их и забивая глинистыми отложениями живность на дне. На местах, где почвенно-растительный покров был уничтожен, мерзлая земля стала активно протаивать и поплыла вниз по склонам. Затрагивал этот процесс и соседние территории. Неподалеку от куста буровых я наткнулся на целый пласт толщиной в метр и площадью почти с гектар, съехавший в долину ручейка со всей растительностью. Не обошла эта, так называемая солифлюкция, и возведенные объекты. Возле ЯЭГБ стала «уплывать» бетонная вертолетная площадка, проседали постройки. Раскисшие дороги становились всё более труднопроходимыми даже для гусеничных машин и постепенно покрыли центр освоения сетью разнокалиберных проездов. Для этого района Ямала не редкость скрытые в земле ледяные линзы размером в несколько десятков метров, так что угроза для промысла была реальной, и производственникам надо было решать эту проблему как можно скорее. Насыщенный водой грунт при оттаивании – плохой фундамент для строительства. В тундре и в естественных условиях тоже встречаются такие участки, у водоемов или там, где растительности нет, –

смотришь, вроде хорошая твердая земля, а встанешь на нее, два-три раза ногой топнешь, и уже под сапогом кiesel дрожащий. Такие грунты называют тиксотропными, то есть реагирующими на механическое воздействие, на прикосновение, если переводить буквально.

Что касается животного мира, то здесь сразу выявились три особенности его реакции на развитие антропогенных ландшафтов. Некоторые весьма осторожные птицы старались избегать нарушенных территорий, другие, наоборот, находили для себя тут наиболее подходящие условия. Ну, а третьи проявляли чудеса приспособления к необычным обстоятельствам, чего от них трудно было ожидать, ведь все изменения были радикальными и происходили очень быстро. Возможно, этому способствовала и специфика сезона, поскольку на 1988 год снова пришелся пик численности леммингов, причем, пожалуй, самый высокий из тех, которые мне удалось наблюдать.

Понятно, что все птицы, тяготевшие к человеку, здесь чувствовали себя хорошо: в разных постройках, штабелях труб и других укрытиях там и тут устроили свои гнезда белые трясогузки и пуночки, по краям застройки поселились желтоголовые трясогузки, белохвостые песочники и галстучники. А на всяких сохранившихся пятнах тундры и зарослей кустарников устраивались мелкие пташки, не слишком обращавшие внимание на присутствие людей, – коньки, пеночки, овсянки.

Но весьма терпимо к переменам в своем доме отнеслись даже белые куропатки и поморники. Средние поморники, так те вообще шастали почти повсеместно, хотя их гнезд в самых нарушенных местах я не обнаружил. Но чуть дальше от поселений и буровых они были.

Особенно меня поразили белые куропатки. Птицы гнездились на почти голой земле, едва покрытой редки-

ми всходами злаков и осок, рядом с домами... И успешно выводили птенцов! Но не всегда. Вот нахожу куропатку, которую переехал вездеход – сидела до последнего, но кладку не бросила, под проводами ЛЭП встречаю разбившихся птиц.

А для всякой птичьей мелочи тут обнаружили свои проблемы: несколько гнезд белых трясогузок и пуночек погибли во время непогоды с дождем и холодным северным ветром. Располагались они в хороших укрытиях, но на местности, лишенной растительности, а значит, и насекомых, которыми родители могли бы кормить птенцов. Летать в такую погоду на большие расстояния и отыскивать пищу для молодняка было почти невозможно, а холод и голод птенцов погубили.

Крупные кулики – тулеса и ржанки, белые совы, гуси и утки самые беспокойные места старались избегать. Однако в пойме реки, где нарушений было меньше, гуси и утки гнездились. Привыкли даже к движению и шуму вертолетов, хотя в другой обстановке эти птицы, особенно гуси, всегда на это панически реагировали. На краю одной из опытных площадок нашлось даже гнездо белой совы с птенцами, а на речном обрыве рядом с небольшой временной базой обосновались сапсаны и успешно вырастили молодняк.

В целом же сезон в этом районе выдался на редкость продуктивным. За пределами зоны освоения встречалось много гнезд, а потом и птенцов средних, короткохвостых и длиннохвостых поморников, гагар, гусей, самых разных уток и белых куропаток. Удалось обнаружить и гнезда нескольких видов птиц, у которых здесь проходила северная граница распространения. На участке возле Юреяхи я нашел несколько гнезд белых сов и окольцевал птенцов. В песчаных норах тут и там встречались выводки.

В общем, год оказался исключительно благоприятным для обитателей тундры и вполне успешным для нашей работы. В этом сезоне моим помощником был Николай, сын известного уральского зоолога Льва Николаевича Добринского. Вот мы с ним и курсировали на лодке между площадками по Сеяхе-Мутной и Мордыяхе, тем более что препятствий для этого не было, если не считать одного памятного момента. Встали мы тогда в устье небольшого ручья, вытекающего из оврага возле Юреяхи, где разбивали лагерь и в прошлые годы. Место было закрыто от севера высоким склоном холма. В овраге до конца июля обычно лежал снег, поэтому в ручье и на снежнике была чистая талая вода, а в естественном холодильнике прекрасно сохранялись рыба или масло. В этот раз мы тоже свои припасы там уложили и отправились в маршруты. А когда вернулись, обнаружили, что мешок с припасами выкопан, рыба растащена или поклевана чайками. Стало ясно, что поработали песцы из соседней норы и халеи – штук девять их с довольным видом сидели на другом берегу реки.

Но проблемы этого дня только начались. Вечером зарядил дождь и с каждой минутой стал усиливаться северный ветер. Скоро он достиг такой силы, что не спасала даже защита склона. Брезентовая палатка безбожно текла и готова была пойти на взлет. Решили переставить ее глубже в овраг, хотя там, на месте уже стаявшего снежника, было сыро и грязно. Но делать нечего, перетащились, дуло здесь чуть меньше, но промокли мы напрочь. Дождь утих только к вечеру следующего дня, ветер ослабел, но похолодало до плюс трех градусов. Мокрые и замерзшие, вернулись на базу, чтобы привести себя в порядок, – наустро нас снова ждала работа.

В конце сезона предприняли поездку вверх по Мордыяхе, чтобы посетить район реки с обрывами, где гнезди-

лись сапсаны. По дороге заехали в становище на одном из притоков реки и обнаружили очень уютное жилище со всеми удобствами, которые в этих условиях можно было организовать. Как выяснилось, это была база харасавэйских пограничников, которые тут рыбачили, поставляя рыбку на стол в свою часть.

Еще выше по реке заметили на берегу вездеход и одинокий балок. Когда возвращались, у вагончика увидели женщину, решили остановиться и пообщаться. Оказалось, что это жена в некотором смысле знаменитого ямальского скитальца Геннадия Коновалова, который здесь обосновался. Я с ним встречался еще в Харасавэе, когда в наши первые поездки вокруг полуострова он дал ценные подсказки о том, где можно найти неизрасходованные остатки бензина, чем очень помог нам. Выяснилось, что Гена скоро подъедет. А мы пока осматривали его скромное хозяйство. В загончике бродили несколько крупных гусят: был уже конец июля, так что молодежь хорошо подросла. Жена сказала, что птицы всегда ждут хозяина, а звук лодочного мотора слышат раньше, чем она. И действительно, через некоторое время гуси оживились, стали «переговариваться», а еще минут через пять и мы услышали, что снизу идет лодка. Вскоре подъехал Геннадий, пригласил нас в свое жилище откусать. Для этой тундровой глухомани стол оказался отменным: кроме северных деликатесов, свежие овощи и фрукты да под рюмочку за встречу. Так и жил сей тундровый отшельник, рыбачил, а к нему время от времени гости залетали с подарками. Смотрю сейчас на старую фотографию с Геннадием и думаю, а мог бы я так жить? Не уверен... Тут нужен особый склад характера, а меня всегда неудержимо тянуло домой после завершения экспедиций. Так же, как это происходило с выросшими

у Гены гусятами: до осени они держались возле его жилища, но потом инстинкт и стаи летящих на юг сорочичей влекли их в неведомые теплые края.

Сезон заканчивался. Лодку оставили на СУ-33, с тем чтобы использовать в будущем, а сами на борт – и домой.

Наука и жизнь

В следующие два года на Бованенково развернулись самые масштабные научные работы, в которых принимали участие специалисты разного профиля из многих научных учреждений страны. Здесь можно было встретить ученых из Москвы, Ленинграда, Новосибирска и других городов Сибири и Урала. Один из самых многочисленных отрядов представляла команда исследователей из Свердловска. Группу зоологов пополнили мои университетские товарищи, коллеги из Института экологии и других учреждений города. В ее составе в разное время работали Михаил Головатин, Николай Корытин, Михаил Чепраков, Виктор Конев, Виктор Куприн, Сергей Шутов, лаборанты. Бок о бок с нами трудились ихтиологи, ботаники и геоботаники, почвоведы, радиобиологи. Без преувеличения – это был реальный научный штурм бованенковских и вообще северных проблем.

В 1989 году я еще успеть обследовать на Тазовском полуострове поселок Ямбург и его окрестности, поэтому в район работ прилетел с некоторым опозданием, только в начале июля. Теперь здесь сформировался сплоченный коллектив единомышленников, подготовленных к полевым исследованиям на Севере, поэтому и объемы работ, и их тщательность заметно выросли. Обычная экспедиционная жизнь, заполненная разными событиями, пошла своим чередом.

Изучение наземных позвоночных (зверей и птиц) в основном было сосредоточено на выбранных ранее опытных и контрольных площадках, но теперь здесь проводили самое полное и многократное обследование в течение лета, чтобы получить наиболее детальную характеристику фауны. Основное место базирования отряда осталось прежним как наиболее удобное – поселок СУ-33. Здесь были условия для проживания, вертолетная площадка, рядом находились самые нарушенные территории и река, по которой легко можно было перемещаться по всему району. Для жилья нам были выделены несколько балков-бочек – не шикарно, но и не палаточный лагерь. А на удаленных площадках установили большие брезентовые палатки на деревянных каркасах, места в них значительно больше и от непогоды защита надежная. В общем, обустроились основательно.

С первых маршрутов в 1989 году стало ясно, что по условиям этот год кардинально отличался от предыдущего. После вспышки численности леммингов в предшествующем сезоне зимой наступил крах популяции. В местах, где обычно любят зимовать грызуны, в снежных забоях, снеговых наносах по склонам оврагов и возвышенностей растительность была съедена буквально до земли. Повсюду на голом грунте валялись остатки скелетиков погибших животных. Голод и болезни буквально выкосили всех леммингов. А это грозило суровыми условиями жизни и остальным обитателям тундры. Песцам и хищным птицам нечем стало кормить потомство, но поскольку годом ранее размножение прошло успешно, их численность увеличилась. И они переключились на поиски хоть какого-то пропитания, если только не покидали эти районы совсем. Так что под угрозой оказались и многие птицы – гуси, утки, куропатки, кулики и воробьиные, чьи

гнезда и птенцы стали желанной добычей для песцов, чаек, поморников. Но для нашей работы такое развитие ситуации было даже полезным, поскольку за три года удалось охватить полный цикл типичного развития экологической обстановки в тундре.

В этом сезоне опять было много находок интересных видов птиц и гнезд в самых неожиданных местах, сильно измененных деятельностью человека. Всё живое приспособилось к новым условиям насколько могло. Однако ярких эпизодов этого года не помню – всё слилось в череду непрерывных маршрутов, которую только изредка прерывали временные ухудшения погоды. Можно сказать, что в этом году методику сбора и обработки материалов мы обкатали, отшлифовали и в полной готовности встретили новый полевой сезон. Такой коллективный исследовательский штурм даже позволил мне ближе к концу работ слетать на буровые в арктической тундре Ямала, а в последнюю пару дней перед отлетом в конце августа найти время, чтобы сходить в тундру за морошкой. Там такие плантации этих ягод попадались – оранжевый ковер! Я не любитель ягоды собирать, больше мне нравится за грибочками ходить. Но тут даже я за два или три часа набрал пару ведер. Жена и дети качество продукта оценили.

1990 год ознаменовался самыми активными (и наиболее финансово обеспеченными) работами на месторождении и в соседних районах Ямала. Главное, у нас появился вертолет, который обслуживал экспедицию – забрасывал людей и грузы, перевозил группы с точки на точку, в общем, расширял возможности работы и повышал оперативность. Машина эта была непростая и вскоре стала известна на Ямале как «вертушка со звездой». Борт прибыл из одной уральской воинской части, а экипаж состоял из пилотов-испытателей, асов своего дела, в чем мы сразу

смогли убедиться. Летали они как боги. Я не помню, чтобы перед посадкой они делали круг для осмотра площадки: как шли напрямик к точке, так и садились, ювелирно.

И хотя забрались пилоты далеко к северу от места основной работы, оказалось, что погода тут совсем не заполярная. В тот год лето выдалось очень жарким, вода в реках и озерах даже на семидесятом градусе северной широты нагревалась до плюс двадцати пяти градусов и выше. Сети, которые ставили мы, чтобы пополнять свой стол, или ихтиологи, которым надо было собирать научный материал, проверять следовало не реже одного раза в час, иначе рыба засыпала, просто сваривалась в теплой воде и начинала расползаться. На маршрутах мы изнывали от жары и жажды. Я таскал с собой фляжку, чтобы наполнить ее из очередного озера, до которого доходил, хотя многие из водоемов сильно цвели и кишели дафниями и циклопами. Миша Головатин, например, предпочитал использовать минимум одежды и обуви, в крайнем варианте – пропитанную антикомарином неводную дель и короткие сапоги, благо людей в тундре не встречалось, и почти в каждом озере устраивал водные процедуры. Комары, кстати, в такую погоду тоже чувствовали себя неважно, я уже об этом рассказывал.

Нелегко было и нашим вертолетчикам. На солнце их машина нагревалась как консервная банка. Не удивительно, что однажды, когда они сели возле нашей палатки на берегу Мордыахи, весь экипаж выскочил и с радостными криками бросился в речку. Припекло!

Вообще с вертолетами в этот и другие годы было связано немало историй, в чем-то забавных, а в некоторых случаях на грани фола, причем чаще не по вине пилотов, а по недоразумению или из-за невнимательности пассажиров. Как-то одного зоолога (если память мне не изме-

няет, им оказался Вадим Федоров) решено было высадить у северной границы месторождения, то ли на Надуйяхе, то ли на реке Харасавэй. Всего на несколько дней, чтобы провести там отловы грызунов. Поэтому продуктов с собой он взял немного. Было ружье, но к нему всего несколько патронов – так, на всякий случай. В тундре еще лежал снег, погода неустойчивая и видимость часто не очень хорошая. В общем, высадили парня и обещали забрать дня через два-три. А он вскоре обнаружил, что оставили его на речном острове. Он ловит леммингов, ждет вертушку, а ее нет. Подъел все припасы, охотиться тут особо не на кого, ни лодки, ни сетки. Пришлось переключиться на свои научные объекты... Но вовремя вспомнили про робинзона, забрали.

В другой раз по дороге на Бованенково надо было забросить сотрудника на фабрику Хадыта. Времени с моего пребывания на ней прошло много, местность неузнаваемо изменилась, да и Алексей, которого мы там оставили, был не очень внимателен во время прилета. Оказалось, что высадили его совсем в другом месте. Хорошо, что он сориентировался и пешком сумел выйти на фабрику, пройдя пару десятков километров вдоль реки.

Но один случай забавным не назовешь. Тогда попутно в низовья Юрибея, где работал еще один отряд биологов, следовало завезти пару бочек бензина. На стационаре в Лабьтнанги из хранилища горюче-смазочных материалов залили две емкости и загрузили в вертолет. В полете вдруг почувствовали запах бензина, осмотрелись, однако ничего опасного не обнаружили. Вертолет с ходу сел у юрт, в которых жили полевики. Бортмеханик стал открывать створки в хвостовой части машины и буквально остолбенел, мы тоже – из машины на землю полилась струя бензина. Когда выбросили бочки, выяснилось, что одна из них в полете

лопнула по краю днища. Сказалось то, что бочка была не первой свежести, бензин из хранилища залили холодным да под завязочку, погода стояла жаркая, а с набором высоты и наружное давление снизилось. Вот бочку и расперло. Топливо стало выливаться из вертолета, и любая искра от двигателей могла привести к катастрофе. Один из пилотов задумчиво констатировал: «Да, могли полыхнуть как...» Дальше без комментариев. Такие дела.

Но на базе вся наша команда устроилась неплохо, заняв несколько жилых бочек, над входом в одну из которых кто-то до начала наших работ установил плакат с надписью: «Берегите природу – мать вашу!». В определенном смысле – девиз всей нашей деятельности, хотя и с подтекстом, потому и не сняли. В командирском вагончике теперь была установлена рация, по которой мы связывались с городом Лабытнанги, согласовывали рейсы вертолета, проезд и отъезд специалистов.

Зоологи между площадками перемещались на лодках, ну, а наземные работы выполняли на пеших маршрутах. Но некоторым специалистам, например почвоведом, надо было собирать пробы, да и груз иногда требовалось куда-нибудь по земле доставить. Поэтому возникла идея использовать достаточно редкий тогда вид транспорта – вездеход на шинах низкого давления, или трекол, как потом стали называть такие машины. По идее, на нем можно было двигаться по бездорожью, пересекать водные преграды, и тундру он не повреждает, в отличие от гусеничных машин. В общем, в 1990 году где-то приобрели такую таратайку, забросили вертолетом на СУ-33. Но что-то пошло не так. По кочкам езда оказалась экстремальной, из воды на сушу выбраться можно было лишь в немногих местах с низкими берегами. А потом и двигатель приказал долго жить, не реагируя ни на какие ре-

монтные усилия. Отправили «технику» обратно в Лабытнанги. Да и там нам пришлось его от вертолетной площадки вручную катить до стационара.

Не замирала жизнь и в бытовом смысле. С подачи Миши Головатина часть коллектива увлеклась закаливанием по методике Порфирия Иванова. По утрам обливались холодной водой на территории вахты или даже купались в Сеяхе и соседнем пойменном озере, хотя к концу сезона похолодало, а температура воды в воде понизилась до двенадцати градусов. Но никто не заболел. О том же говорит и опыт моих многолетних странствий. Мы мерзли во льдах Карского моря и на пронизывающих полярных ветрах, мокли в палатках, на пеших и лодочных маршрутах, однако ни одного случая простуды участников экспедиций не припоминаю. Возможности человеческого организма велики. Конечно, были и другие причины. Здесь мы не контактировали с потенциальными и реальными переносчиками бактерий и вирусов, которых в городах и поселках достаточно, находились в экологически чистой среде, где воздух, вода и пища укрепляли, а не ослабляли иммунитет. Но мобилизацию защитных сил человека в условиях если не экстремальных, то сложных, со счетов сбрасывать нельзя.

Запомнился мне и день рождения одного из наших ребят, Вити Куприна, работавшего в Свердловском подразделении Института охотничьего хозяйства, или ВНИИОЗ. Встал вопрос о чем-то вкусненьком к столу. Повседневная еда разнообразием не отличалась, а новорожденного хотелось порадовать чем-то особенным. Помогли наши ихтиологи. Перед этим они на появившемся на Бованенково небольшом катере типа КС сходили в устье Мордыяхи и залив Мутный Шар. Для оценки рыбных ресурсов делали там пробные отловы рыбы, обрабатывали полу-

ченный «материал», который, естественно, не выбрасывался, а засаливался для дальнейшего использования по назначению. Но в жаркое лето 1990-го сохранить рыбу можно было только в ямах, вырытых до уровня не оттаявшей мерзлоты и закрытых сверху слоем изоляции – моховой дерниной, кусками дорнита или другого материала. А тут они не успели это своевременно сделать, и рыбка немного «пошла», то есть посол получился, как принято говорить на севере Сибири и в Предуралье, «зырянский». Это не тухлая рыба, а квашеная, вроде как капуста. На вкус и аромат не всякому по душе. Решили поступить рационально: из этой рыбки напечь расстегаев. Так и сделали. Праздничный стол, должен вам сказать, получился царским. Ведь пропадающий тогда улов состоял из муксунов. Еще бы – расстегаи с муксуном! Больше я такой вкуснятины в своей жизни не ел, а жаль.

Вообще, с ихтиологами и гидробиологами, как и с геоботаниками, мы очень тесно сотрудничали и в научном, и в бытовом плане. Зависимость объектов наших исследований всегда была очевидна. Пользу от таких контактов с ихтиологами, по крайней мере в практическом отношении, мы всегда ощущали. В конце июля 1990 года на Мутной начался ход ряпушки. В маленькую сеточку, длиной всего десять метров, за час попадало по ведру этой рыбки. И в это же время небольшая, но очень многочисленная северная травка пушица стала разбрасывать свои семена. Каждое ее семечко имело небольшой пушистый парашютик, и от родного места ветром его уносило на многие десятки, сотни метров, а то и километры. Во множестве они падали в озера и реки, неслись по их поверхности ветрами и течениями. Так что к концу первого рыбацкого дня сетка натурально превратилась в оренбургский пуховый платок, вычесать из которого

семена пушицы ихтиологи пытались целый день, но ряпушкой мы полакомились вдоволь.

В эти же годы на месторождении рыбу ловили многие вахтовики, добирались на соседние озера, обставили сетями Сеяху. Местами на поворотах, где были глубокие ямы и более слабое течение, стояло до десяти-пятнадцати сеток подряд, причем не все были видны. Один раз мы возвращались с площадки на нагруженной лодке, прошли один поворот, а тут она совсем села – мотор не тянет, понять ничего не могу. Только когда подъехали к берегу, определили причину: оказывается, за собой мы тянули целую гирлянду из сетей. Каким-то образом не намотали на винт, двигатель молотил, но с таким грузом уже справиться не мог.

Надо сказать, что тогдашний практически бесконтрольный лов рыбы отрицательно повлиял на ее запасы в бассейнах Сеяхи и Мордыхи. Ихтиологи впоследствии обнаружили, что в сети с ячейей крупнее тридцати миллиметров почти перестало что-либо ловиться. И даже личинки муксунов, проклюнувшиеся из икринок в верховьях и скатывающиеся по течению вниз, перестали попадаться в специальные ловушки. Численность производителей катастрофически упала. Это и понятно – рыба на севере растет медленно, крупных размеров и половой зрелости муксун и щокур достигают только на шестой-седьмой год жизни. И такой интенсивный лов просто не позволял им дожить до нужного возраста.

В этом отношении показателен другой случай, отмеченный нами. Как-то пересеклись мы с некими математиками, передвигавшимися по тундре на треколе. Не помню точно, какие научные проблемы они здесь решали, но в разговоре с нами упомянули об одном небольшом озере

в пойме Сеяхи, на котором поставили сетку и поймали крупных рыб, судя по описанию, чиров, или щокуров. Показали и место на карте. Мы заинтересовались, откуда там рыба. Озеро небольшое, с рекой протокой не соединяется, да от нее и не близко. Решили проверить. Оказалось, что оно действительно рыбное. Все пойманные экземпляры – действительно чирьи, причем одного возраста, кажется, семилетние. Обследование озера ситуацию прояснило. Оно оказалось глубоким, до шести метров и более, зимой не промерзающее, с богатой донной фауной беспозвоночных – бентосом, который для щокура и является основной пищей. Но как попали сюда рыбы? Объяснение могло быть только одно. Семь лет назад во время особо мощного весеннего половодья озеро соединилось с рекой. В это время как раз происходит самый массовый скат личинок рыбы, которых потоками воды сюда и занесло. Место оказалось благоприятным для выживания молоди, оно не облавливалось, поскольку некому это было делать, вот и образовался такой своеобразный рыбий питомник.

Свои задачи решали радиобиологи. Ямал ведь находится не очень далеко от Новой Земли, где во времена СССР существовал ядерный полигон, взрывы производились не только подземные, но и в атмосфере. А в этом районе Арктики действует регулярный и достаточно мощный северо-западный перенос воздушных масс, значит, в направлении полуострова, где тоже выпадали радиоактивные осадки. Мои родители рассказывали, что во время испытаний осенью 1961 года всех жителей Яр-Сале попросили покинуть дома и укрыться на южном склоне мыса, на котором находится поселок, а ведь от него до места испытаний более тысячи километров. Но то были испытания термоядерной царь-бомбы – именно ее имел

в виду Никита Сергеевич Хрущев, предупреждая вероятных противников, что покажет им кузькину мать, ежели что. Кстати, мой шеф с коллегами тогда оказался на берегу пролива Малыгина. По радио они получили предупреждение, но укрыться смогли только под перевернутыми шляпками. К счастью, никто не пострадал. Так что вопрос о радиационной безопасности на месторождении и в других районах Ямала не был праздным.

Я тоже интересовался у специалистов, какова обстановка здесь на тот момент, спустя десятилетия после испытаний. Как удалось выяснить, выпадения осадков были, но очень неравномерные, где больше, где меньше, причем со временем изотопы в результате вымывания погрузились уже на глубину ниже активного слоя почвы. Следовательно, из круговорота веществ исключались, в состав грибов, лишайников, мхов и других растений не попадали. И дальше по пищевым цепям ни к оленям, ни к птицам, ни к человеку не поступали. Оставался, правда, вопрос, а если эти слои будут подняты на поверхность, например, в карьерах? Потому необходимый контроль должен вестись во всех районах работ. Те замеры, которые делали при мне, показали, что радиоактивный фон везде был в пределах нормы: самый высокий (двадцать микрорентген в час) на бетонной вертолетной площадке, а самый низкий (четыре микрорентгена в час) – на аэродроме в Мысе Каменном. И это понятно – бетон включает в себя щебень, то есть горные породы, которые сильнее «фонят», а песок на аэродроме многократно был промыт дождями и талыми водами.

Проблемами восстановления, рекультивации нарушенных земель занимались ботаники. На первых порах действительно казалось, что местами разрушения катастрофические. Возникла даже идея разбрасывать с воз-

духа семени злаков. Мы в шутку предлагали с вертолетов раскидывать также навоз. Смех смехом, однако для некоторых территорий, как я уже отмечал, проблема зарастания не такая уж простая. Но, как оказалось, не для этого конкретного района Ямала с преобладанием суглинистых и глинистых грунтов и богатой флорой. Был введен запрет на свободное передвижение транспорта летом, стали отсыпать дороги, защищать мерзлоту от протаивания, и природа сама начала зализывать раны.

Когда я в последний раз прилетел на Бованенково в 1997 году, многое тут сильно изменилось. По всей территории были отсыпаны дороги, по которым и передвигалась техника. Почти все постройки в знакомом вахтовом поселке ЯЭГБ были установлены на специальных санях типа полозьев из половинок разрезанных вдоль труб большого диаметра, к которым был приварен остальной каркас под основание зданий. Так поверхность почвы меньше прогревалась, а зимой хорошо промерзала, что уменьшало риск возникновения пльвунгов. Крупный поселок был возведен в пойме Сеяхи. Здесь мерзлотные угрозы были значительно меньше, а восстановление растительности на нарушенных местах приближалось к исходному состоянию, о чем, собственно, и говорили ученые. Были введены и более строгие природоохранные правила относительно мусора, бытовых стоков, браконьерства. Всё это радовало.

Однако на наших опытных площадках на водоразделе изменения флоры и фауны были всё же хорошо видны. Одним из самых заметных типов растительных сообществ тут стали луга. Злаками, осоками и разнотравьем были покрыты все ранее нарушенные куски тундры. Место леммингов заняли полевки. В том году у соседнего Харасавэя была довольно высокая численность

леммингов, а вот на Бованенково я уже этого не обнаружил. Повлияло это и на животных – песцов, зимняков, поморников, численность которых упала. Дело в том, что полевки в три раза мельче сибирского или копытного леммингов и более шустрые. Кроме того, один из обитающих здесь видов, узкочерепная полевка, живет колониями в системе глубоких нор. Всё это делает этих зверьков более трудной для поимки и менее сытной добычей, поэтому хищникам сложнее прокормиться самим и вырастить молодняк.

Вот и заканчиваются мои работы на Бованенковском месторождении. Жду погоды, чтобы вылететь в Харасавэй. Вахтовый поселок накрыл густой туман, накрапывает дождик, полный штиль, тишина. Снимаю на видеокамеру панораму окрестностей. Да, хорошие тут были времена, отличные друзья, интересная работа, нескучная жизнь...

Ровнять или не ровнять?

В начале 1980-х годов от небольшого полуостанка Обская в пятнадцати километрах от города Лабытнанги началось строительство железной дороги на север полуострова Ямал к Бованенковскому месторождению. Параллельно ей была проложена и автомобильная трасса, без которой невозможно решить производственные задачи – доставку самых разных грузов, специалистов, рабочих. Для прокладки дорог требуется огромное количество строительного материала – скального грунта, щебня, песка, следовательно, организация карьеров для добычи. А это значит, что в ходе строительства возникают значительные площади нарушенных земель, куда,

кроме собственно самих дорог, входят карьеры, подъезды к ним, территории полустанков и временных рабочих поселков.

По природоохранному регламенту такие места после окончания основных работ необходимо рекультивировать, привести в порядок, то есть убрать весь производственный мусор, выровнять раскопанную территорию и, в оптимальном варианте, провести мероприятия по восстановлению растительного покрова. Со временем такие места начинают зарастать и естественным образом, без вмешательства человека.

К 1996 году возраст многих карьеров в южной части трассы составлял уже более десяти лет, поэтому можно было ожидать, что на них успели произойти заметные перемены в растительности и населении птиц. Мне интересно было выяснить, что же изменилось к этому времени в таких местах, как они зарастают, какие птицы стали здесь селиться и как тип местности влияет на характер изменений. Поэтому в течение двух сезонов я работал вдоль железной дороги, начиная от сто семьдесят четвертого километра трассы Чум – Лабытнанги и до двести пятого километра дороги Обская – Бованенково. В первый год удалось отработать район до реки Щучьей, или до сто девятого километра, а в следующем сезоне – севернее Щучьей. Кроме того, в 1997 году мне помогал мой товарищ Михаил Головатин, взявший на себя обследование участка дороги между тридцатым и пятьдесят пятым километрами, от реки Харбей до разъезда у ручья Лаптаеган.

Чтобы не искать карьеры вслепую, надо было располагать информацией о них: на каком километре дороги находятся, на каком удалении от нее, влево или вправо, тип карьера, когда началась и закончилась разработка, проводилась ли рекультивация. Такие сведения, хотя и не всег-

да полные и точные, удалось получить в отделе «Ямалгазпрома», отвечавшем за согласование землеотводов под строительство объектов. Так что достаточно полным списком карьеров, их координатами и картами этого района мы располагали.

Схему работы я выбрал самую простую. Надо было попасть в точки, откуда доступны несколько интересующих меня мест, обустроиться здесь, обследовать окрестные нарушенные территории и переместиться на новый участок трассы. Первоначально я заезжал на ближайšie к городу территории на машинах нашего стационара, ну, а дальше пути-дороги получались разные. Между удаленными районами передвигался на попутках. Тогда по автодороге еще достаточно регулярно ходили машины, только надо было иногда подождать какое-то время, а водители в помощи ни разу не отказывали. Однажды меня подбросили на тепловозе, в другой раз – на дрезине. Но если карьеры или другие места находились не очень далеко друг от друга, просто шел по дороге от одного к другому, подворачивая к каждому, проводил обследование и шел дальше.

При такой работе экипировку следовало выбирать максимально облегченную, но полностью автономную, чтобы не тащить на себе лишний груз, однако для жизни и работы иметь всё необходимое. Выбрал среднего размера станковый рюкзак как наиболее подходящий для этой цели. Снизу к нему подвязывался синтетический тент от палатки в скрутке со стойками и колышками, сбоку коврик и компактная удочка. Внутри помещался лёгкий пуховый спальник в непромокаемом чехле, дождевик, немного сменной одежды, легкие кеды, запас продуктов, небольшой топорик и разная нужная мелочевка. Конечно, спички, запас мази от комаров, карты, ремонтный набор, в общем, всё, что требовалось в таких условиях. По кар-

манам полевого костюма – дневник с авторучкой, карта, компас, рулетка, флакончик с «ДЭТой», спички, на поясе нож. На шее бинокль, за спиной небольшой ходовой рюкзачок, на ногах короткие сапоги. Боевой комплект!

Когда останавливался в палатке, еду готовил на костре – топлива везде было достаточно. С собой взял жестяную банку с дужкой, в которой по очереди варил какой-нибудь супчик, макаронки или кашу с тушенкой, а потом кипятил чай. Из посуды только кружка и ложка. Продукты выбирал простые, по возможности легкие: сублимированные супы в пакетах, крупу, сухари. Но тушенку, сахар и картошку тоже надо было иметь. На подножный корм тут особо рассчитывать не приходилось. В июне и начале июля грибов и ягод не было, времени на рыбную ловлю почти не оставалось, да и мест, где на это можно было надеяться, в этих краях немного. Всё же на ручье Халятальбей у Щучьей и на Харбее удалось поймать несколько харьюзков и полакомиться свежей рыбкой, испеченной на вертеле, с гарниром из дикого лука.

В тех случаях, когда оказывался возле разъездов, обходился без палатки: хозяева мне находили местечко, чтобы можно было здесь остановиться на один-два дня, пока отработаю на соседних карьерах. Так устроился на тридцать седьмом километре у Харбея, семьдесят шестом возле Лонготъегана, сто двадцать девятом к северу от Щучьей и сто пятьдесят седьмом недалеко от верховьев Ензоряхи. Протекающую рядом с последним разъездом речку Ензоряху дорога первый раз пересекает в ее верховьях, а дальше к северу, уже на двести третьем километре, в нижнем течении. В верховьях реки находится и одно примечательное место – небольшой отрог Полярного Урала, сопка Ензорседа, с месторождением редкого поделочного камня ензорита, названного по

имени этого небольшого скалистого массива. Здесь в невеликом по площади карьере я к тому же наткнулся на целый парк техники – самосвалов и тракторов, то ли забазированных, то ли брошенных за ненадобностью. А что, обнаружил ведь на одном из карьеров целый железнодорожный вагон?!

В общем, везде на станциях встречал понимание и помощь в работе. На разъезде у Лонготъегана попал даже в гости к моему соседу по дому Ивану Максимовичу, работавшему здесь. Разъезд выполнял важную роль на трассе, поскольку возле него находился большой скальный карьер, с которого на строительство поступал щебень.

Иногда устраивался в уже заброшенных разъездах, хотя на них было неуютно и грязновато, кое-где у города встречались охотничьи вагончики; в крайнем случае, выручала палатка.

В ходе работ постепенно сложилось достаточно полное представление о разнообразии территорий, вовлеченных в строительство дороги, об их состоянии на тот момент времени и о птицах, заселивших новые местообитания. Хорошо различались по многим признакам скальные, скально-щебенчатые, гравийные, песчано-гравийные и песчаные разработки. Два первых типа встречались на восточном склоне Полярного Урала и местами в его предгорьях, то есть в южной части трассы, что было вполне понятно. Остальные имелись на всем ее протяжении, но с выходом дороги за пределы последних горных отрогов становились единственным видом таких выработок.

Расположение галечных карьеров чаще было приурочено к приречным территориям, а песчано-гравийные встречались и на значительном удалении от речных долин. Образование этих отложений происходило еще в далекие доисторические эпохи – во времена оле-

денений, морских трансгрессий и формирования полуострова Ямал.

Тип и расположение карьеров, других созданных человеком ландшафтов влияли на характер растительности на них и в ближайших окрестностях, на характер разработки, площадь нарушенной территории. А это, в свою очередь, определяло и восстановление фауны.

Во-первых, население птиц менялось с продвижением к северу, как и в естественных условиях, поскольку дорога начинается в северной тайге, пересекает лесотундру и выходит в зону тундры, тоже неоднородную. Во-вторых, характер местообитаний на скальных, галечных и песчаных карьерах отличался очень сильно по степени зарастания, обводненности, наличию укрытий для гнезд, источников пищи. Потому состав и численность птиц везде заметно менялись. В-третьих, немалое значение имели размеры нарушенной территории – чем она была больше (а в тундре площадь карьеров неизбежно увеличивалась по техническим причинам), тем медленнее возвращались в состояние, хоть в чем-то близкое к состоянию соседних природных экосистем.

Вот некоторые примеры. Скальные карьеры занимали обычно небольшую площадь, характер рельефа здесь принципиально не менялся, но при взрывных работах возникало больше ниш, укрытий, навалов камней, углублений, которые заполнялись водой и сносимым грунтом. Мало менялась и растительность в сравнении с той, что была здесь до разработки. Потому фауна в основном оставалась прежней. Но создавались места для обитания видов, которые здесь или в таких условиях ранее не встречались. Так, на одной скальной выработке возле Щучьей в грудке каменных обломков я обнаружил выводок лисиц. Карьер уже не использовался, проложенная по нему дорога уходила да-

леко в глубину скальных выходов, и место, где поселились лисы, было надежно укрыто от непрошенных гостей.

На другом карьере у Харбея в каменной насыпи устроила гнездо самка гоголя – утка, чаще всего гнездящаяся в дуплах деревьев. Появились вдоль дороги и пуночки. Ранее я встречал их только в поселках и на морских побережьях Ямала от Нового Порта и севернее и на Полярном Урале. Теперь же они оказались здесь, строили гнезда в разных укрытиях на карьерах, среди скальных и щебенчатых дорожных насыпей. Не преминули воспользоваться новыми местами, удобными для постройки гнезд, дрозды-рябинники – заселили скальные выработки, но особенно любили мосты через водные преграды. Кстати сказать, мостовые переходы стали важнейшим местом гнездования и воронов, которые благодаря железной дороге далеко продвинулись на север. Небольшие водоемы здесь привлекали уток и куликов. Так что скальные карьеры оказались далеко не самыми скудными в отношении живности местами.

Но особенно разнообразными надо признать галечные и песчано-галечные выработки. Первые часто приурочены к рекам, а речные долины везде являются средоточием жизни. Здесь богатство растительности, много воды, а подстилающие породы часто глинистые, водоупорные, способствующие образованию небольших озерков и луж. Условия для обитания птиц очень подходящие. Иногда такая ситуация возникает и на месте карьеров песчаных и смешанных, если ниже отложений песка и песчано-гравийной смеси, которые и необходимы для строительства, подстилающие породы оказываются суглинистыми, глинистыми. Здесь углубления заполняются водой, сюда сносятся ветрами и водными потоками семена растений, отмершая растительность. Накапливается плодородный

слой, берега начинают зарастать, а в воде и на суше появляется корм для птиц, мелких грызунов и, далее по пищевой цепочке, для хищников.

Более сложная ситуация складывается на песчаных карьерах. Зарастают такие земли хуже, вода быстро просачивается глубоко в почву, особенно если подстилающие породы ее не удерживают. Мне встречались и такие, где благодаря глинистой подложке водоемы на песчаных карьерах возникали, и такие, которые оставались натуральной пустыней, с которой песок сносился ветрами, талыми и дождевыми водами. Для заселения животными они, конечно, были малопригодны.

А как обстоят дела с рекультивацией? Действия, которые подразумеваются в рамках этого мероприятия, обычно следующие: уборка всего строительного и бытового мусора, выравнивание (планировка) территории и восстановление растительного покрова путем посева трав, кустарников с внесением удобрений и веществ, препятствующих размыву и развеиванию грунта.

Ну, с мусором понятно, на большинстве карьеров и на других нарушенных участках его убирают, как я смог убедиться, хотя не везде или не полностью. На части карьеров, в основном песчаных, видны были следы планировки; для скальных она, понятно, невозможна и не имеет смысла. Однако выровненные площади оказались самыми бедными по части флоры и фауны на них и наиболее подверженными эрозии. На нескольких выработках я наблюдал признаки и результаты посадки растений. Результаты эти надо признать ничтожными, если принимать во внимание затраченные на это силы и средства. В одном месте на песке остались грядки низкорослых захудалых злаков, в другом – жидкий рядок кустов ольшаника, в третьем – несколько молодых лиственниц, там и сям выживших на голой земле.

Что мы имеем в сухом остатке? Уборка мусора на местах работ является необходимой и обязательной, тут не поспоришь. А вот с планировкой дело обстоит иначе. Гораздо лучше естественным путем восстанавливаются и растительность, и фауна на карьерах, где остается сложный рельеф местности, особенно если в его понижениях присутствуют водоупорные грунты. В таких местах накапливается вода, сюда отовсюду сносятся растительные остатки, семена и споры растений, грибов. Они становятся очагами жизни на карьере, привлекают насекомых, птиц, мелких млекопитающих. Искусственное внесение глинистых грунтов в такие понижения активизирует эти процессы.

Надо подчеркнуть также один момент, связанный с разработкой и рекультивацией карьеров. Рабочий строительный материал обычно лежит не на поверхности, а скрыт под почвенно-растительным покровом или еще каким-либо перекрывающим слоем, который снимается с месторождения. Оно, как говорят, вскрывается, а вскрыша сдвигается на края выработки. Благодаря своему составу эта периферия карьера быстро зарастает и заселяется всякой живностью. Но сплошь и рядом я видел, что потом, при рекультивации эта масса земли, часто глинистая и с большим содержанием торфа, гумуса, растительных остатков и семян, не используется. Не распределяется по территории карьера или хотя бы в самые заглубленные его участки, что, несомненно, ускорило бы темпы восстановления.

Очевидным для меня стало и то, что однократная рекультивация малоэффективна и даже бесполезна, если не следить за развитием ситуации в течение длительного времени, не вносить удобрения, новые семена и саженцы. Но в первую очередь следует использовать великую

силу живой природы, ее способность к самовосстановлению. Надо только не мешать ей, а помогать, брать на вооружение такие приемы рекультивации, которые внешне, может быть, не столь эффективны, но результативны и требуют меньше затрат.

КРОВЬ ЗЕМЛИ

Большинство месторождений на Ямале дают газ и/или газовый конденсат, но есть одно нефтегазоконденсатное – Новопортовское. Во времена работы в поселках в конце 1980-х годов слышал о нем, о том, что там был построен рабочий поселок, названный Ямальском. Я даже ходил в маршруты из Нового Порта вдоль разбитой вездеходами и тракторами трассы к этому заброшенному недострою. А десяток лет спустя на правом берегу Ензоряхи у железной дороги Обская – Бованенково рассматривал столб со стрелками-указателями, одна из которых была направлена в сторону Нового Порта. Но дорогу туда не прокладывали.

Нефть нередко называют кровью земли, наверное потому, что она несет людям много полезных веществ, как кровь в нашем организме... Но я где-то прочитал, что нефть этого месторождения очень сложная, тяжелая и вязкая, мол, ее лопатой можно грузить. А потому надо перед транспортировкой подогревать и перевозить по железной дороге в цистернах. Такие были мифы. Потом еще долго ничего про месторождение не слышал, как вдруг в 2014 году получаю предложение принять участие в экспедиции Института экологии на это самое место. Тема мне близкая, район знакомый, финансовая сторона вопроса тоже интересна.

В начале июля в составе группы из четырех человек я прибыл на место работы. Отряд возглавлял Михаил Головатин, с которым мы уже немало полазили по Ямалу, Полярному Уралу и пойме Оби. Кроме нас, двух зоологов, в десант входили две женщины, геоботаники, с которыми мои экспедиционные пути-дороги тоже не раз пересекались, – Людмила Михайловна Морозова и Светлана Эктова. Позднее планировался приезд ихтиологов и гидробиологов для обследования местных водоемов. Нам предстояло осмотреть немаленькую территорию месторождения, которая простиралась на сорок километров с юга на север и на двадцать с запада на восток, изучить современное состояние фауны и флоры, оценить экологические риски от промышленного освоения территории и определить меры снижения вредного влияния на природу.

Но сначала надо было решить вопросы с бытом. От вертолетной площадки нас довели до соседнего главного жилого комплекса, или ЦПНС (центральный пункт нефтесбора). Вахтовый поселочек оказался компактным сооружением на песчаной отсыпке, окруженной по периметру забором, на которой размещались главное здание с управленческими и бытовыми службами, ряды жилых вагончиков, столовая, насосная, электростанция и всё остальное, нужное для жизни. На въезде стоял шлагбаум с пропускным пунктом – свободные прогулки по тундре тут явно не приветствовались. На окраине разместился теплый освещенный туалет, баки для мусора, у выезда – специальная пристройка с лавками и урнами для курящего народа. В командном здании были и душевые, и спортзал. Вагончики, в которые мы заселились, обогревались электричеством, здесь же можно было приготовить чай. Помещения регулярно убирались, что было очень важно, поскольку песок тут был везде, за обувь

постоянно таскался и, несмотря на то, что обувь мы снимали у входа, внутрь всё равно просачивался.

Очень понравилась и столовая. Здесь подавали не менее двух-трех видов первого, несколько вариантов вторых блюд и гарниров, салаты, нарезку сыра, колбасы, вареные яйца, выпечку и напитки. Цены весьма разумные. Можно было взять паек с собой, если уезжаешь на целый день в тундру, или на вечер, чтобы попить чайку после ужина. Работа у поваров в столовой, надо сказать, была нелегкой. Людей много, всех следовало кормить с раннего утра до позднего вечера, чтобы никого не задерживать. «Газпромнефть», которая проводила разработку месторождения, быт вахтовиков наладила очень хорошо. Даже сотовая связь работала, хотя и не со всеми операторами устойчиво, и телевидение действовало, и сухой закон соблюдался.

Знакомство с территорией мы начали с пеших экскурсий в окрестностях основной базы, постепенно расширяя район исследований. Для дальних поездок нам выделили небольшой вездеход «Бобер» на резинометаллических гусеницах, на котором можно было передвигаться не только по отсыпным дорогам, но и по тундре и даже форсировать небольшие водные преграды. Одна из дорог от базы уходила на строящуюся площадку для сбора твердых бытовых отходов, другая – на большой карьер у реки Сетной и в соседний вахтовый поселок, третья – к действующим кустам промысловых скважин и другим производственным объектам. От скважин к ЦПНС и далее в направлении Мыса Каменного, где осуществлялась перегрузка нефти на танкеры, пролегал надземный трубопровод, установленный на металлических сваях. Вдоль дорог от базового поселка тянулись линии ЛЭП, снабжавшие электричеством потребителей. На одном из озер оборудован был водозабор.

Вообще, во всём ощущалось очень разумное и аккуратное освоение территории. Не прошло мимо нашего внимания и то, что откосы песчаных дорог для предотвращения их размыва были укреплены с помощью специальных материалов и посева трав. Тяжелая техника передвигалась по дорогам, а за их пределами использовались треколы или машины вроде выделенной нам. Народ по тундре не бродил, да и когда этим заниматься? Такую же картину мы увидели и на одной из действующих скважин, куда заехали перекусить.

Конечно, далеко не все последствия разведки и разработки месторождения можно было предотвратить. Часть площади неизбежно оказалась занята карьерами, дорогами, вахтовыми поселками, буровыми и другими объектами. Лунным ландшафтом выглядел большой карьер, возле которого мы работали и по которому успели полазить. Оттаявший, насыщенный водой грунт сгребался в высокие бурты для просушки, грузился на тяжелые самосвалы и развозился по местамстроек. На дно выработки стекали потоки грязи, которую перемешивали колеса и гусеницы машин и наши ноги. Хотя по периферии карьера делалась обваловка, местами жижа прорывалась в соседний овраг и речку, но и тут апокалиптических явлений не наблюдалось. На старых разведочных буровых кое-где попадался брошенный мусор, железные конструкции. Но одновременно мы встретили во время одной из поездок трекол с прицепом, в который рабочие грузили встречавшийся в тундре хлам. Так что общее впечатление о соблюдении природоохранных мероприятий на месторождении оказалось очень благоприятным.

Чтобы максимально широко охватить территорию, первые дни мы передвигались на вездеходе, делая в разных точках остановки. Женщины занимались описанием

растительности, а мы с Мишей на коротких экскурсиях осматривали окрестности, потом перемещались на новую точку, и всё повторялось. Ближе к завершению работ доезжали до рек Сетной к северу от базы и Нгояхи к югу, откуда на длинных маршрутах обследовали прилегающие районы, а вечером нас снова забирали.

В результате удалось получить весьма полное представление о природе этого края. В общем-то, не богатой. Местами тундра казалась даже унылой. Рельеф здесь достаточно однообразный, выровненный, долины небольших речек нешироки. Более крупные озера расположены на обширных плоских впадинах. Кустарников сравнительно мало. Лишь на отдельных буграх, по склонам речек и оврагов встречаются заросли ольхи, ивы и ерника, редкие кусты можжевельника. Везде видны следы выпаса оленей. Песцовых нор мы нашли всего несколько штук, чаще встречали, пожалуй, зайцев-беяков. Год выдался не «мышинный», потому и пернатых хищников гнездились мало. Не отличался район и богатством водоплавающих – редкими оказались гуси, да и уток на озерах и реках встречалось немного.

Однако интересные встречи нас все-таки ждали. На одном из озер неожиданно для себя встретили выводок краснозобых казарок с уже крупными птенцами. Обычных для гнездования этой редкой птицы обрывов по берегам не наблюдалось, все они оказались низкими, большей частью заболоченными. Сапсанов и зимняков, возле которых любят селиться эти маленькие гуси, тут тоже не было. Может быть, гнездо было устроено на бугорке с остатками старой буровой, видневшимися на другой стороне озера? Как бы то ни было, находка подтверждала благополучное состояние популяции казарок на Ямале в последние годы, которые постепенно расширяли область своего распространения.

Неплохо себя чувствовали здесь и привычные спутники человека в тундре – белые трясогузки и каменки, кулики – галстучники и белохвостые песочники. Заметно выросла со времени моих давних работ численность желтых трясогузок, а дрозды-рябинники приспособились сооружать свои гнезда на опорах нефтепровода. В долине Нгояхи обнаружили еще одни «гости с юга» – средние кроншнепы, пара которых встретила меня на маршруте своими протяжными трелями.

Но столкнулись мы в этот год и с другими, совсем не веселыми событиями. Как я уже отметил, этот район полуострова испытывал высокую пастбищную нагрузку, что наглядно было видно по степени стравливания растительности. А зима 2013/14 годов в округе выдалась многоснежной и, кроме того, в ее начале неоднократно чередовались оттепели и снегопады в период похолоданий. В снеговом покрове образовался многослойный пирог из насту и снега. После тяжелой зимовки в подобных условиях и во время весеннего перегона оленьих стад на юг Ямала с крайне бедными пастбищами ослабленные животные попали в очень тяжелые кормовые условия и стали массово погибать. Трупы погибших оленей встречались нам повсеместно. Только на одном из обследованных участков в радиусе трехсот метров я в бинокль насчитал десять павших оленей. И регулярно их видели во время вездеходных поездок и на пешеходных маршрутах. Картина напомнила мне последствия зимы 1998/99 годов, когда метели продолжались до конца мая, а высота сугроба у моего дома в городе Лабытнанги к концу этого месяца почти достигла крыши двухэтажного сарая. Падеж домашних оленей тогда тоже был немалым.

На территории месторождения во время наших работ располагались две стоянки местных жителей. Одна из них

находилась у озера к северо-западу от базового поселка. Мы проезжали мимо, заметили у озера резиновую лодку, сети в воде и на обратном пути подъехали к чумам, чтобы порасспросить о ситуации с оленями, о том, какая рыба водится в этих озерах. Хозяин поведал печальную историю. В результате падежа он потерял практически всё свое стадо, около трехсот голов, теперь сидят на рыбе, которая тут еще, слава богу, не перевелась, и надеются только на помощь государства. Да, вот так, в одночасье, было утрачено всё, что собиралось годами... Потом мы у дороги на кусты буровых встретили шесть олешек, которые щипали молодую травку прямо на откосе, где делали подсев семян при рекультивации, и совершенно не обращали внимания на наш грохочущий вездеход. Чьи они, может, выживут и хозяева найдутся?

Наши исследования подходили к завершению, задачи были решены. Погода стала портиться, набежали дожди. Можно было задержаться в курилке, пообщаться с народом. За этими разговорами был, кстати, развенчан миф о качестве местной нефти, который застрял у меня в памяти. Когда я спросил о том, а как же качать эту «кровь земли», если она практически «свернулась», одна из лаборанток ответила, что это не так. То есть совсем не так. «Ну, что Вы, я не первый год работаю, а такую нефть впервые вижу. Она очень светлая, как растительное масло», – вот ее ответ. Потом я действительно нашел информацию о том, что новопортовская нефть, очень легкая и с низким содержанием серы, стала, подобно известным сортам Brent, Urals или WTI, отдельным сортом под названием Novy Port.

Накануне нашего отлета небо над приютившей нас базой нефтедобытчиков украсила чудесная радуга как знамение грядущих успехов этого промысла, которых я всем его труженикам и желаю!

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

ЗАКАЗНИКИ

Заповедные территории на Ямале занимают более десяти процентов площади округа. Только две из них являются заповедниками, а остальные имеют статус заказников. Почему так? Всё дело в особенностях региона и различиях в уровнях защиты природы, которые соответствуют тому и другому типу охраняемых территорий. Весь север Западной Сибири входит в сферу жизненных интересов коренных народов этой земли – ненцев, ханты, селькупов, для которых невозможно сохранение национальных традиций, культуры, быта, языка без сохранения традиционных форм хозяйствования. А это оленеводство, охота, рыбная ловля, сбор дикоросов. Заповедники являются строгой формой охраны природы. Здесь вмешательство человека в их существование, эксплуатация ресурсов не допускаются. Но таких территорий в округе практически нет – трудно представить, какие районы не используются северными народами для осуществления своей деятельности. Поэтому основное распространение здесь получили заказники, где ограничения не столь жесткие, определенные формы эксплуатации ресурсов допускаются, хотя это не означает, что контроль над нею может совсем не осуществляться. Но на практике всё складывается не так гладко.

В своей работе мне приходилось заниматься проблемами охраняемых территорий в округе, в том числе и заказников. В 2003 году я, можно сказать, приложил руку к созданию Полуйского заказника в среднем течении одноименной реки, написал обзор природно-климатических условий и фауны птиц района, в котором планировалось создание особо охраняемой природной территории. С такой просьбой ко мне тогда обратился

тогдашний руководитель департамента охраны биоресурсов Сергей Михайлович Ширшов.

В 2000-х годах удалось поработать на территориях Полярно-Уральского, Горнохадатинского и Нижне-Обского заказников и сходной с ними по статусу Сынско-Войкарской этнической территории. В 2014 году первые два заказника вошли в состав природного парка, охватывающего и участки в границах ЯНАО, и часть территории Республики Коми.

В районе базы Горнохадатинского заказника, расположенной близ впадения в Щучью реки Большой Хадаты на границе с Уральским хребтом, мне удалось побывать в конце марта 2003 года. Тогдашний директор заказника Николай Максимович Морозов предложил мне поселиться в его командирском балке, стоящем на скальном выходе выше остальных построек базы. А обустроена она была достаточно солидно, с несколькими домами, гостевым зданием и подсобными вагончиками. Рядом начинался большой загон, в котором паслись овцебыки, и стоял сарай с запасами сена. У сарая постоянно околачивались два яка, которые, в отличие от овцебыков, в тундру ходить не желали. Они, кстати, и не выжили здесь, видимо, не подошел климат, более влажный и холодный, чем у них на родине.

Время для наблюдений за птицами было не самым подходящим. В пойме реки держались стайки куропаток, летали чечетки, изредка у базы заказника появлялись сойки и пролетали со звонкими криками вороны. В лесочке на склоне горы заметил трехпалого дятла, обшаривавшего лиственницы и елки. Возле домов базы регулярно появлялись сероголовые гаички. Тут они обследовали колоды, на которых рубили мясо, отыскивая съедобные крошки. Вот, пожалуй, и всё.

Надо сказать, что дорога в заказник и обратно оказалась очень непростой. Зимник от сто пятого километра автодороги Обская – Бованенково пролегал по местам, переметаемым снегом, чистить его не чистили, движение было редким. Так что при заезде нагруженная машина с трудом пробивалась сквозь снежные наметы. Обратное до трассы прошли легче, но дальше дело пошло хуже. Началась пурга, из горных ущелий в разных местах вырывались мощные воздушные потоки, сдувавшие снег на дорогу. Машина в таких местах садилась на мосты и еле ползла. Но самый тяжелый участок ждал нас перед окончанием пути: прошли отметку восемь километров до Обской и среди ровной тундры въехали в сплошной занос на четыре километра. Ползли по нему, помнится, часа три.

На территории этого заказника я бывал не однажды во время поездок по Щучьей, сначала изучая возможности организации здесь туристических маршрутов, а позднее при обследовании Полярного Урала. Эти экспедиции принесли уже много интересных находок редких видов птиц – орланов-белохвостов, беркутов, кречетов, больших сорокопутов, и еще немало встреч пернатых, которых здесь прежде не видели или которые просто мало изучены.

Несколько рабочих сезонов были посвящены исследованию живой природы на бывшей Сынско-Войкарской этнической территории по рекам, которые и дали ей название. Эти экспедиции оказались настолько насыщены событиями, что каждая из них требует отдельного рассказа. Удалось побывать и на Полуе, где потом возник заказник, и в пойменной части Куноватского заказника, и, конечно, в хорошо мне знакомой дельте Оби.

Нижне-Обский заказник был создан в 1986 году и первоначально имел статус федерального, а в 2017 году стал региональным. Согласно Рамсарской конвенции его тер-

ритория имела ранг водно-болотных угодий международного значения. Заказник занимал почти всю площадь дельты Оби, где в большом числе гнездились и линяли лебеди, гуси, утки, обитали несколько видов чаек, крачек, куликов. В годы, когда здесь сохранялись деревянные триангуляционные вышки, на них строили свои гнезда орланы-белохвосты. Весной и осенью через дельту летели стаи гусей, краснозобых казарок. Скопления лебедей-кликун, собиравшихся на линьку, нередко включали сотни птиц. Несомненно, этот район заслуживал особого внимания, хотя он для посещения людьми не самый доступный. От ближайших населенных пунктов удален на десятки километров, пешком по заказнику передвигаться очень сложно. Но здесь находились сенокосные угодья, местные жители приезжали на рыбалку и охоту, летом на лодках, а зимой и на снегоходах, когда эта техника стала обычной. Так что охранный статус дельте следовало придать. Другое дело, что территория была очень обширная, штат сотрудников небольшой, финансирование скудное. Реально уследить за хозяйством было трудно, хотя работники, которые здесь заготавливали сено, за приезжими тоже приглядывали. Когда в августе 2003 года наша экспедиция на стационарном «Ярославце» появилась на Муринской протоке, они не преминули узнать, что за люди тут появились.

В тот год я обследовал дельту Оби, собирая дополнительные данные для подготовки Кадастра животного мира ЯНАО. Ранее здесь основное внимание уделяли только водоплавающим, а по другим группам птиц и зверей сведений оказалось мало. Первую остановку сделали в начале протоки Подъюбинской. Пешком от катера с большим трудом удалось добраться лишь на небольшую сенокосную гриву вдоль берега протоки Муринской, а дальше

тянулись сплошные, практически непроходимые заросли ольшаника с ивняками. Но отсюда можно было на лодке доехать до соседней соровой протоки и других мест. Работать здесь оказалось: приходилось пролезать сквозь заросли кустов и кочкарники, часто брести по колено в воде. Места эти я тут же окрестил «гнилухами», каковыми они и являлись. Но с птицами всё было нормально. На озерах и протоках держались стаи разных уток, частью еще нелетные, частью перелинявшие, выводки хохлатых чернетей, шилохвостей, связей. Здесь же обнаружились выводки красношейных поганок, озерные чайки и речные крачки, для которых этот район оказался северным пределом распространения в пойме Оби. Причем появились эти виды здесь лишь в последние десятилетия XX века. В нескольких местах наткнулся на тропы и лежки лосей. Лягушки тут тоже встречались, одну мои напарники, Александр и Наталья Соколовы, даже поймали в давилки, которые они ставили на грызунов.

Позднее мы переехали на левый берег Муринской протоки, где я наметил для обследования еще один участок дельты. Местность здесь заметно отличалась. Вначале у берега я попал на жуткий сырой кочкарник, где верхушки травяных гигантов доходили мне до пояса. Совершенно вымотанный, добрался до берега озера, кишевшего разными утками и куликами, а по его краю и до отундровешей поймы, тянувшейся на север до самого горизонта. Вдоль ее границы снова обнаружились набитые лосиные тропы, а дальше очень приятная для прогулок абсолютно плоская мохово-лишайниковая равнина с редкими невысокими кустами ольшаника и аккуратными озерками. Но живности здесь было заметно меньше.

Отсюда прошли вниз до протоки Юва, у которой стояла изба, где жили сенокосчики. От них узнали, что го-

дом ранее в пойме было много грызунов, а нынче их не видно, что подтверждали и наши наблюдения. Пару дней отработали здесь на участке тундры, но уже другой – более влажной, с моховыми кочками и пятнами высоких зарослей кустарников, где предпочитали обитать белые куропатки. На лодке съездили и вверх по протоке до озера Ювато. По дороге непрерывно вспугивали уток – шилохвостей, связей, широконосок, чирков-свистунков. На озере кормились более сотни уток, а на отмелях стайки куликов. У другого берега видна была моторная лодка – обитатели избы Верхняя Мура приехали проверять сети.

От Ювы мы снова пошли по Муринской вверх, чтобы продолжить работы в районе Яр-Сале. По дороге нас сопровождали орланы-белохвосты, с берегов взлетали стаи испуганных уток. Вот и выход в Хаманельскую Обь, последняя стайка крачек вьется вокруг катера, провожая нас своими пронзительными криками.

В следующий раз дельта встретила нас не теплой августовской погодой, а ветренными и прохладными днями конца июня 2013 года. Катер «Эколог» смог доставить наш небольшой отряд только до Большой Зырянской протоки, или Зырянской Оби, несколько ниже Панаевска – разрешения на выход в губу у команды не было. Дальше мы должны были идти на лодке в привычном составе: я, Михаил Головатин, Людмила Михайловна Морозова и Светлана Эктова. Невесть сколько народу в лодке, но с экспедиционным снаряжением и запасом бензина даже сорокасильная «Ямаха» не могла вытянуть «Казанку-2» на глиссирование, пришлось ползти, уповая на то, что топлива хватит и потом пойдем веселее. Перед выходом в Хаманельскую Обь немного зацепили отмелей, но без особых проблем. А вот ветер

продолжал крепчать и волну на речном просторе развел уже серьезную. Учитывая нашу скорость, приходилось буквально считать минуты до момента, когда смогли заметить едва различимый заход в Муринскую протоку. Однако и здесь оказалось не намного лучше. Ветер всё разгуливался, а протока достаточно широка. Лодка загребала волну, временами поливая нас свежей водичкой.

Так прошли мимо уже знакомой протоки Юва, одной из баз заказника и вошли в небольшую проточку Тиньяху, которая в низовьях впадала в губу. С местом для бивуака здесь было неважно: по берегам или сплошные заросли кустов, или кочкарники и болота. Нашли, наконец, небольшую проточку из озера с куском тундры возле нее. Тут и устроились. На полянке по краю ольшаника установили палатки и организовали место для костра и перекуса, где хоть не так задувал ветер. Всё казалось прекрасно, но это был только первый звоночек от природы и погоды.

Утром северный или северо-восточный ветер еще прибавил прыти, посыпала морось. Тут мы заметили, что течение в проточке, выходящей из озера, повернуло вспять, а уровень воды в ней стал быстро подниматься. Всё стало ясно: это типичное для дельты явление – подъем воды из-за подпора обского стока при сильных нагонных ветрах с севера. Такое я наблюдал у Яр-Сале, причем не только в начале лета, но и в августе. Кусты стало заливать, ветер не утихал, а температура воздуха выше плюс восьми градусов не повышалась. Пришлось переносить палатки повыше в тундру, хотя устанавливая их на открытом месте при таком сквозняке оказалось непросто. И вовремя – вскоре полянка, на которую я приладил накануне свою палатку, ушла под воду, да и кострище едва возвышалось над нею.

Покидали это место мы по высокой воде, с трудом отыскивая русло Тиньяхи среди речных разливов. Да, на-

гонные ветра в это время года, когда все птицы сидят на гнездах, – серьезная угроза тем из них, которые обитают в низинах. Конечно, на незатопляемых возвышенностях или на кустах гнезда не страдают, но многие гагары, утки, чайки, крачки, кулики, поселившиеся на лугах, в кочкарниках и других низинах, несут значительные потери.

Остановились мы в этот раз в балке, который заметили на левом берегу Муринской протоки несколько выше того места, где от нее отходит протока Лайская, и почти напротив знакомой мне Ювы. 1 июля ветер продолжал дуть, но постепенно слабел, вода стала быстро падать. Замеченный нами балок находился на краю обширного участка отундровевшей поймы с озерами. Мимо него протекал ручей, который у постройки расширялся, а чуть ниже соединялся с рекой, так что можно было подъехать к жилью на лодке. Жилье оказалась не идеальным. Складывалось впечатление, что его обитатели покидали балок в большой спешке или в панике. Дверь была нараспашку, внутри куча грязной посуды, обедков и прочего мусора, так что первым делом в избе пришлось наводить порядок. Да и окрестности обиталища чистотой не отличались. Судя по всему, весной сюда приезжали охотники. Не знаю, как они поохотились, но отдохнули, с учетом обнаруженной нами картины, по полной программе и на широкую ногу. Здесь же мы встретились с инспекторами рыбоохраны, которые уточнили, что охотничья хижина стоит за пределами заказника, хотя и у его границы. Так что формально нарушений в ее установке не было.

Ну, а мы сделали на этом участке немало интересных находок. Еще съездили на побережье Обской губы в низовья проток Салакоюм и Быстрая Бороздка, где все низины оказались покрыты илом после недавнего наводнения, поработали на протоке Юва и покинули приютивший нас

балок. Против ожидания скорость нашего продвижения существенно не выросла – шли теперь против течения. Только на Хаманельской Оби у острова Голец удалось на мелководье ускориться, но в Зырянской лодка снова осела и поползла. Однако до катера добрались и, не мешкая, вышли домой. Так закончилась последняя поездка в Нижне-Обский заказник.

И в заключение о Ямальском заказнике. Эта охраняемая территория, учрежденная в 1977 году, изначально состояла из двух частей. Южная занимала запад Среднего Ямала, северная – крайний северо-восток полуострова и остров Белый. Мне приходилось работать по границам южного участка в низовьях Юрибея, на Ясавэе и в левобережье Мордыяхи, а в 1995 году и на его территории у озера Халэвто. На северном участке я бывал при посещении острова Белого и при кратковременных работах на Холеяхе, северо-восточном побережье полуострова и у Дровяной. И выбор именно таких границ заказника мне не представлялся достаточно обоснованным. Многие места в этих районах полуострова, гораздо интереснее и богаче по своей природе, туда не входили.

А в 1990-х годах стало ясно, что расположение южной части заказника создает серьезные проблемы в освоении Бованенковского газоконденсатного месторождения и строительстве железной дороги к промыслу. Через его территорию намечена была прокладка газопровода. В качестве компенсации изымаемой полосы суши требовалось равноценно расширить площадь заказника.

Ответственным исполнителем этих работ выступал московский Научный центр охраны биоразнообразия под руководством академика РАЕН Виталия Григорьевича Кривенко. С нашими исследованиями в данном районе Ямала он был хорошо знаком, поэтому мы с Михаилом

Головатиным и занялись обоснованием изменения границ заказника. В результате были добавлены территории в среднем течении Мордыяхи и Ясавэе как наиболее ценные по многим параметрам. Они важны как места воспроизводства и нагула рыбы, концентрации водоплавающих, белой куропатки и других промысловых животных. На Мордыяхе находятся несколько речных обрывов с редкой флорой.

Но, как я уже отметил, в целом этот район полуострова уже в 1990-е годы испытывал исключительно высокую пастбищную нагрузку, от которой пострадали многие экосистемы, особенно на возвышенностях, занятых лишайниковыми тундрами.

ПРИРОДНЫЙ ПАРК «ЮРИБЕЙ»

Идею создания ООПТ в бассейне Юрибея ученые, побывавшие здесь, высказывали и до начала наших работ на реке, но она так и оставалась долгое время не реализованной. Хотя все признаки, по которым следовало сделать эту часть Ямала особо охраняемой, ей присущи. Я об этом уже говорил, но стоит вкратце повторить.

Здесь находится много археологических памятников, культовых мест коренного народа, святилищ. В толще вечной мерзлоты множество ископаемых останков древних животных. Юрибей – ценная рыбная река. Здесь немало редких видов растений и птиц. С другой стороны, район исключительно важен для ведения оленеводства и просто жизни местного населения. Кроме того, к нему примыкают месторождения углеводородного сырья.

В таких условиях большое значение приобретают определение границ охраняемой территории и выбор

ее статуса, что позволяет максимально учесть интересы всех землепользователей и задачи охраны природных ресурсов. В наибольшей степени этому могла соответствовать такая форма ООПТ, как природный парк с четко обоснованными границами и дифференцировкой его площади по степени заповеданности и допустимым формам хозяйствования.

У меня сформировалось твердое убеждение в необходимости разработки проекта природного парка «Юрибей», а предложения, направленные в администрацию округа, нашли понимание и финансовую поддержку. Непосредственное взаимодействие стало осуществляться через департамент информации и социально-политических исследований администрации ЯНАО. А все договорные и финансовые вопросы решались в отделе координации научных исследований этого подразделения. Руководитель отдела Святослав Евгеньевич Алексеев и его помощник Дмитрий Олегович Замятин стали главными людьми, через которых решались все официальные вопросы. Такое сотрудничество для ученых Института экологии и лабытнангского стационара оказалось очень плодотворным благодаря заинтересованному отношению к исследовательским планам не только Святослава Евгеньевича и Дмитрия Олеговича, но и сотрудниц отдела, на долю которых тоже выпало немало хлопот.

Результатом стали новые экспедиции в 2004–2005 годах в места, где до этого последний раз я побывал пятнадцатью годами ранее. И о тех, и о других поездках я уже рассказывал. Но история с парком на том не закончилась. Вот об этом и хочу поведать, об истории до ее финала.

Для подготовки проекта ООПТ надо было не только обобщить данные о растительном и животном мире этой

территории, чем мы в основном и занимались, но и собрать максимально полные сведения о целом комплексе других ее характеристик: геологии, рельефе, водах, климате, палеонтологическом и археологическом значении, хозяйственном использовании. Всё в соответствии с Требованиями к составу и содержанию материалов комплексного экологического обследования участков территорий, обосновывающих придание этим территориям правового статуса особо охраняемых природных территорий, предоставляемых на государственную экологическую экспертизу. Фу, дописал наконец... Но это – документ, материалы должны отвечать всем его требованиям.

Специалисты готовили свои разделы. Надо было оценить состояние разных видов растений и животных в бассейне Юрибея, их численность, выявить тех, которые требуют особых мер охраны, уточнить места их обитания и еще многое другое.

Не менее важным стало и определение границ парка, а также функционального значения отдельных его участков. Сложность состояла в том, что в бассейне реки есть газоконденсатные месторождения, в низовьях ее должна была пересечь железная дорога. Это важный район оленеводства, охоты и рыбной ловли для коренного населения. Так что задача не была простой. Решение состояло в том, чтобы границы парка охватывали наиболее ценные районы бассейна реки, включающие собственно Юрибей, систему Яратинских озер и низовья главных притоков. Именно здесь сосредоточены основные гнездовья редких птиц, места размножения и линьки лебедей, гусей, уток, рыбные ресурсы, палеонтологические и археологические памятники, места постоянного проживания коренных северян. Территории месторождений сюда не должны были входить.

Кроме того, как это обычно применяется в природных парках, в общих границах выделяются зоны с разным уровнем охраны: наиболее ценные и строже охраняемые и буферные, а также те, где допускается рекреация. В границах последних возможен экологический и этнографический туризм, даже лицензионная охота и рыбалка, разумеется, в условиях строгого контроля и в научно обоснованных размерах. Намечалось также, что парк станет и зоной мониторинга за состоянием природной среды Ямала, с тем чтобы можно было сравнивать трансформации в районах промышленного освоения с процессами в мало измененных, близких к эталону экосистемах. Такие функциональные зоны и площадки для мониторинга тоже были выбраны.

Кроме того, требовалась оценка площади, предлагаемой под планируемый природный парк и отдельные его зоны, и надлежащая картографическая схема. Я и мои коллеги, с которыми мы готовили материалы по парку, такими возможностями не располагали. Нужен был специалист, который бы в этом нам помог. И он нашелся, причем неожиданно, но если разобраться, то вполне закономерно. Им оказался Константин Анатольевич Ощепков, возглавлявший тогда земельный комитет Ямальского района. В пятом и шестом классах Костя был на моих уроках биологии и географии своеобразной палочкой-выручалочкой, всегда готов был ответить на вопросы учителя, если остальные ученики затруднялись. Вот теперь у меня к нему появились вопросы уже не школьного уровня. Накануне нового, 2006 года я отправил Константину Анатольевичу карту с намеченными границами парка, описание ключевых ее точек и вскоре получил и экспликацию земель, и готовые карты территории ООПТ. Руководитель и сотрудники отдела помогли поставить финальную точку в разработке юрибейского проекта.

Еще через полгода пришел ответ из департамента по охране и использованию биоресурсов ЯНАО, что наш итоговый отчет соответствует требованиям, которые предъявляются к научной документации, обосновывающей создание охраняемых природных территорий, и работа по практической реализации проекта и созданию природного парка «Юрибей» уже ведется. Потребовалось, однако, еще несколько лет до законного утверждения его статуса. Одним из последних документов, подписанных тогдашним губернатором округа Юрием Васильевичем Нееловым, стало постановление администрации ЯНАО от 28 января 2010 года № 46-А «Об образовании природного парка «Юрибей». Были определены и руководители новой структуры. Казалось, всё будет развиваться успешно, но дальнейшие события показали, что на пути голубой ленты Юрибея имеются подводные камни.

Судя по всему, появились финансовые проблемы в создании кордонов на территории, наборе штата егерей, организации реальной охраны, проведении мониторинговых наблюдений, развитии туризма и прочих возлагавшихся на парк задач. Фактически он так и остался бумажным.

А через несколько лет стационар посетила группа активных сотрудников одной известной землеустроительной организации. Мы с ними долго беседовали, рассказывали о своих работах по природному парку и Ямальскому заказнику, делились информацией. Потом стало ясно, что то была разведка перед реализацией встречной, еще более призрачной охраняемой территории на Ямале. А что – проекты парка и модернизированной южной части Ямальского заказника в администрацию округа были сданы, оставалось только немного поколдовать на эту тему.

Так что месяца через три уже стало известно, что на полуострове будет образована обширная территория заказника, включавшая и его прежний южный кусок, и площадь парка с прибавлением немалых земель без дополнительного обследования. В мае 2013 года статус ООПТ был утвержден. Теперь почти вся средняя часть Ямала стала заказником. Если вы спросите, помогло ли это делу охраны живой природы здесь, отвечу, что размер на севере, конечно, имеет значение, только не в этом случае. На бумаге можно много чего обозначить, однако без финансовой поддержки и конкретного труда людей, заинтересованных в сохранении природных богатств, мало что получится в действительности. Но особого стремления к этому я, если честно, ни у кого не видел.

Вообще, исходя из опыта изучения региона, надо признать, что без решения проблем численности стад домашних оленей, перевыпаса, деградации пастбищ и растительного покрова в целом перспективы охраны природы на Ямале крайне неутешительны. Никаких открытий я тут не делаю – все специалисты говорят об этом уже на протяжении многих лет. А борьба с браконьерством, загрязнением, минимизация площади земель, изымаемых под строительство, и тому подобное будут только дополнять основные природоохранные усилия.

ЗАВЕРШАЯ МАРШРУТЫ

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ЖИЗНЬ. БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА И НОВАЦИИ

Условия жизни и работы в экспедициях, как и всё в нашем мире, не оставались постоянными. Кое о чем я уже упоминал в своих рассказах, а в заключение хочется рассмотреть это в целом и в сравнении. Как было несколько десятилетий назад и как стало, что менялось, какие появились плюсы или возникли минусы? От этого вообще-то зависят качество работы, возможности получить больше или меньше информации, безопасность труда и здоровье тех, кто работает «в поле». В среде научных сотрудников, использующих экспедиционный метод, такое понятие давно прижилось. «В поле» – значит, не в лаборатории. Живую природу ведь можно изучать в камеральных условиях, наблюдая за растениями и животными, которые содержатся в теплицах, дендрариях, вивариях, зоопарках или просто в цветочных горшках, аквариумах и клетках.

Но без наблюдений в естественной среде очень многое в жизни растений и животных познать просто невозможно. Нельзя оценить их численность и причины ее изменения, особенности распределения организмов по планете, характер их взаимоотношений друг с другом и еще очень многое. Потому исследования в живой природе – неотъемлемая часть научной работы биологов. Я всегда считал себя «полевым» зоологом, экологом, в экспедициях и коротких поездках прошла немалая часть жизни. Отсюда и особое отношение к ее качеству. Практически такое же, как к своему проживанию в постоянном доме. Мало кому захочется обитать в холодном жилище с протекающей крышей, без воды, электричества и всего того, что создает удобство и уют. И хотя человек ко всему привычен – и к шалашу, и к землянке, и к бараку, стремление к улучшению

своего бытия нас никогда не покидает. Вот и посмотрю, а что изменилось за годы моей экспедиционной жизни, сравню, как было и что появилось нового.

Начну с транспорта. Мы, конечно, не застали времен, когда основными средствами передвижения в экспедициях были парусные суда, весельные лодки, лошадки, олени или иной гужевой транспорт. Хотя веслами приходилось порой поработать изрядно. Основным транспортом в первые годы работы были и по сей день остаются самолеты, вертолеты, автомашины, вездеходы, катера и моторные лодки. Но кое-что и здесь изменилось.

Вместо Ан-2, с которых мы проводили авиаучеты птиц, появились легкие гидросамолеты с достаточным полетным ресурсом. Однако стоимость авиарейсов, особенно на вертолетах, возросла многократно – если не предполагаешь нужными средствами, то и не доберешься в отдаленные места, куда других путей нет.

На смену бортовым ГАЗ-66 и ЗИЛам пришли машины серии «Урал», где есть и место для груза, и закрытая кабина для людей. Ездить намного комфортнее, да и машины более проходимы. А по бездорожью, кроме стареньких гусеничных ГАЗ-71, АТЛ или МТЛБ, почти повсеместно стали использовать разные модификации треколов и небольших вездеходов, в том числе плавающих.

Наш научный флот изменился мало. Трудяга «Костромич» оказался списан в утиль. В какой-то степени как замену ему стали использовать небольшие «КС-ки», которые с водометными движителями способны были проходить по мелководьям. Только они очень прожорливы оказались, а для груза и людей места на них мало. Для перемещения между населенными пунктами теперь вместо сравнительно тихоходных теплоходов используются скоростные и комфортабельные. Нет, старенькие «Коме-

ты» на подводных крыльях по Оби по-прежнему бегают, а вот катеров типа «Заря», способных ходить по малым рекам, не стало.

При оценке моторных лодок имеют значение несколько параметров: габариты, вес, грузоподъемность и мореходность. Плюс удобство компоновки и безопасность конструкции. Первые два качества важны при перевозке лодок другим транспортом, особенно на вертолетах. Значение веса понимаешь, когда приходится лодку грузить на машину, в вертушку или выгружать ее, вытаскивать на сушу, поднимать на береговую кручу или тащить по мелководью. Чем тяжелее посудина, тем тяжелее будет и мотору.

Хотя у нас в стационаре почти все дюралки остались еще с советских времен, по качеству они сильно различались. Достаточно легкая и вместительная «Казанка-М» (с булями) на волне вела себя как бодливый бычок, а путники в ней были открыты всем ветрам и брызгам, носовой отсек для вещей не отличался удобством. «Прогресс-2» был тяжелее и габаритнее, но в нем оказалось удобнее размещать вещи, лучше была защита для людей, а почти плоское днище позволяло развивать скорость, достаточную для глиссирования даже при серьезной нагрузке. Но эта модель совершенно не терпела волну, за что ее прозвали «утюгом». Причина – в неудачной установке брызгоотбойников по бокам форштевня лодки, слишком низко выведенных на его передний край. В результате даже при небольшой волне лодка буквально зарывалась носом в волну и рыскала в стороны, едва не уходя под очередной набегавший вал.

Несколько старых моделей были нехороши из-за веса, неспособности идти по волне, потери скорости при умеренной нагрузке и прочее, и прочее. Среди них «Тюмен-

ка», «Воронеж», «Днепр», «Крым» и другие. Немногим лучше оказались и разные варианты лодок типа «Обь» и «Казанка-5». Мореходнее, есть носовой трюм. Но «морда» у «Оби» была такая низкая, что лодка получила неофициальное прозвище «коровий шлепок». Чуть заезвался на беспокойной реке, жди порцию воды в штаны, которую «Обянка» своим низким рылом с удовольствием зачерпывала и через лобовое стекло выплескивала на сидущку, прямо под зад.

Все «Казанки» проектов 5М после первой модели тоже восторга не вызывали. Лучшей считаю «Казанку-5М2», на которой мы с шефом на двух моторах «Вихрь-30» обогнули Ямал и побывали на острове Белом. Испытания и лодка, и моторы в ней выдержали. Остальные оказались почти не мореходными, с худшими обводами. Короче, лодки для местного применения. В море, даже у берега, соваться не рекомендую. А наилучшей для движения по волне оказалась «Казанка-2». Она и вместительная. Кроме того, выносной транец уменьшает эффект кавитации, снижающий скорость лодки. Но большие габариты и вес делают ее удобной в использовании на Оби, когда лодку не надо далеко везти или можно транспортировать на буксире за теплоходом. И моторчик для нее требуется посolidнее, лучше сил от сорока. Жаль, что не предусмотрели конструкторы носовой люк и лобовое стекло с откидной дверцей. А так почти идеально всё.

Что касается работы на реках в отдаленных районах, то здесь стали выручать надувные лодки, рассчитанные на использование под мотор. В упакованном виде они удобны для перевозки, сравнительно быстро приводятся в рабочее состояние, имеется жесткий пол. Даже не слишком мощный мотор позволяет развивать скорость выше тридцати километров в час при грузоподъемности

лодки до тонны! Но вот при непогоде начинают проявляться и минусы. Ветер, дождь, брызги при встрече с волной – всё летит внутрь. Несмотря на жесткий пол, лодка на волне начинает «играть» от носа до кормы. Попадающая внутрь вода скапливается у кормовой банки и при каждом прогибе лодки точнехонько выплескивается на штаны рулевого. Обнаружив эту подлянку, я стал на пол под сидушкой тряпку укладывать – не самое приятное дело рулить с мокрым задом.

Немного о моторах. Чаще всего мы использовали «Вихри» в двадцать пять и тридцать «лошадок». Некоторые проблемы с ними, конечно, возникали, не без того, но в целом они свое предназначение выполняли, возили нас по сотням и тысячам километров дорог. И самое главное – они были ремонтпригодны! Детали, которые могли выйти из строя, стоили недорого и обычно имелись в запасе, разборка и сборка мотора была привычна. Чаще проблемы возникали небольшие. На мелководных реках страдали водяные помпы, куда попадала вода с песочком. На мелях и других подводных препятствиях срезались шпонки, иногда и лопасть винта отлетала. Барахлила система зажигания или карбюратор засорялся. Но это всё достаточно быстро исправлялось. Так что «Вихорькам» мы должны быть благодарны за службу.

Неплох был и «Нептун», тоже весьма неприхотливый и надежный, только послабее «Вихрей». А вот рычаг переключения скоростей, реверса, был у него удобнее. Не однажды приходилось мне использовать и «Ветерок-8». Этот работяга был! На полет с ветерком с ним рассчитывать нельзя было, конечно, но даже тяжелогруженую лодку он тащил всегда примерно с одной и той же скоростью – около шести-семи километров в час. Позднее появились импортные моторы, в основном Yamaha. Техника хоро-

шая, надежная, но дорогая и сложная в ремонте. Каждая запчасть по цене кусается. Система шпонок в креплении стального винта у них отсутствует. Как результат при ударе о препятствие либо лопасти гнутся, либо редуктор выходит из строя. Лопасти нам приходилось выгибать, что очень непросто. А сам винт раз в десять дороже, чем для «Вихря», про редуктор и не говорю. Ну и, понятно, топливо и масло для иноземцев требуются получше.

Однако в комплекте с удобным дистанционным управлением эксплуатация этих двигателей становится приятной. Удобен также пуск от аккумулятора и наличие системы предупреждения его, если реверс не поставлен в нейтральное положение. У наших старых моторов последняя предосторожность отсутствовала, а переключение передачи было достаточно сложным: надо было всегда внимательно следить за тем, в каком положении находится ручка реверса, буквально ловить момент, когда она поставлена в позицию «нейтраль». Если не забудешь, конечно, об этом, а то мотор вдруг возьмет и на ходу запустится... Знаю немало таких случаев, среди коих были не только анекдотичные, но и трагические, которые, особенно при использовании старых легких лодок, приводили к гибели людей.

От этого места рассказ пойдет о полевых жилищах, об условиях жизни в палатках, о добывании корма, готовке пищи и нашей полевой одежде. В часто посещаемых местах можно было устроиться в какой-нибудь небольшой избушке, дощанике или вагончике с печками, а рядом с небольшими поселениями даже с электричеством. Однако основным жилищем оставались палатки. До начала XXI века таковыми служили обычные брезентовые палатки, чаще небольшого размера, рассчитанные на двух-трех человек. Вдвоем в такой можно было разместиться

сравнительно свободно. Оставалось еще пространство между спальными местами, где помещался «стол» в виде небольшого фанерного ящика или просто куска фанеры.

Палатка поддерживалась двумя деревянными стойками и продольной хребтиной. Этот же крепеж можно было использовать как примитивную мачту для паруса. Такую конструкцию придумал Вячеслав Федорович Сосин на крайний случай при поездках по морю – если что серьезное с мотором, оставалась надежда на ветер. Но устойчивость палатки на таком креплении была относительной. Помогали, конечно, оттяжки на специальных длинных кольях, которые можно было глубоко забить в грунт, особенно в мерзлый или слишком мягкий. Тем не менее устанавливать свои жилища мы всегда старались в местах, защищенных от ветров, хотя там комаров всегда было в изобилии. Только когда погода не предвещала ничего плохого, вылезали на обдуваемые площадочки.

В холодное время весной и осенью в пойме Оби я пользовался палаткой ПП-4, где можно было установить печку-жестянку, разместить запасы дров, всякое снаряжение и даже организовать рабочее место из выючного ящика и колпака с лодочного мотора.

Брезентовые палатки от дождя защищали не всегда. Их можно было дополнять и тентами из такого же материала, но мы их в тундре обычно не брали из-за экономии веса. Поэтому во время дождей в палатке надо было вести себя очень аккуратно, стараясь не касаться крыши и стен, поскольку в этих местах ткань сразу начинала протекать. А если одновременно дул ветер, неся водяную пыль почти параллельно земле, то начинали промокать бока или торцы убежища, подставленные напору стихии. Дверь представляла собой две створки, соединяемые си-

стемой матерчатых петель, которые пропускались через металлические кольца с отверстиями в полотнищах двери и друг через друга. Таким манером вход зашнуровывался, закрывая от ветра, но не от гнуса. Хлопотно и закрывать, и открывать, особенно если надо быстро выбраться. Тем более, что и внутри преграды тоже имелись.

Спальные места были устроены просто. На пол укладывался надувной матрац, такой как для пляжа, на него полоса кошмы, сверху спальный мешок, обычно пуховик как наиболее легкий, компактный и теплый. Под голову – вещички, кое-что сырое – на веревочку под коньком палатки или под себя, мелочевку в кармашек на стенке палатки. Кстати, самым нелюбимым для меня занятием оказалось надувание матраца, чем приходилось заниматься на каждом очередном бивуаке. От гипервентиляции легких даже голова начинала кружиться. Странно, почему мы не использовали для этого дела обычные лодочные насосы, только переходник следовало изготовить. Потом уже перешли на пенки. Они легче, надувать не надо. Спать жестче, но привыкаешь. А еще более позднее новшество – автоматически надувающиеся конструкции. Прогресс!

Внутри палатки следовало установить полога от комаров, обычно марлевые, более легкие и проницаемые для воздуха, чем бязевые. Перед сном начинался процесс подвязывания угловых и других растяжек от пологов к петлямкам в нужных точках палатки. Потом происходила процедура быстрого раздевания, проникновения под полог и борьба внутри с проникшими комарами на уничтожение злодеев. Всё аккуратно, чтобы не впустить новых и не повредить полог. Да, москитными сетками палатки тогда не оборудовались, и специальных дымовых спиралей от гнуса тоже не имелось.

Только в 2002 году удалось приобрести палатки Red-Fox Soure 4. Они представляли собой полубочки на трех металлических дугах. Снаружи был синтетический тент, через карманы в котором пропускались дуги, они одним концом упирались в глухой конец кармана, а другим фиксировались специальным штырем. И там, и там имелись петли для крепления края тента к земле. Изнутри к тенту сразу была прикреплена собственно палатка из дышащей хлопчатобумажной ткани, с непромокаемым дном, антимоскитной вентиляционной вставкой и такой же дверью на молнии. Дверь дополнительно можно было закрыть тканевой вставкой на молнии. Кроме спальной части, где могли разместиться четыре человека, под тентом оказывался еще и достаточно вместительный тамбур, который использовался для хранения вещей, продуктов и даже для приготовления еды во время дождя. Вход в тамбур также закрывался на молнию.

Вообще конструкция палатки оказалась на редкость удачной. При сравнительно небольшом весе она была вместительна, не промокала, имела пространство помимо спального, на ветру оказалась устойчива, особенно если использовать дополнительные растяжки, которые были в комплекте. При наличии спиралей от комаров проблемы с ними решались очень быстро. Входить в палатку и выбираться из нее стало намного проще. А система с дугами, причем почти самосборными, сильно упростила процесс ее установки. Такая дуга состоит из серии трубок из прочного алюминиевого сплава, соединенных резинками. Чуть направишь друг к другу соседние отрезки трубы, они тут же соединяются, и так во всю длину. Чик, чик, чик, и все дуги собраны. Протолкнул в карман, зафиксировал, следующую, третью. Всё, дальше укрепить две продольные оттяжки, а потом зафиксировать пол и остальные от-

тяжки по краям. Я без чьей-либо помощи собирал эту палатку за десять минут, особо не напрягаясь. И разбирается она так же легко.

В дальние походы всегда брали с собой рыболовные сети, часто удочки и ружье, обычно легкое. Получали разрешения на добычу птиц и лов рыбы в научных целях, а последней также для котлового довольствия. Так что рыбу мы старались ловить при каждой возможности, но ружье в ход пускали только в крайних случаях – на маршруты его, как правило, не брали, чтобы не таскать лишний груз, а в другое время и не до охоты было. Однако обстоятельства складывались в поездках по-разному. Запас продуктов с собой всегда был ограниченным из-за жесткой экономии веса. Потому подножный корм выручал. Да и случись что с транспортом, без связи в десятках и сотнях километров от жилых мест пришлось бы на него и ориентироваться. Добывалось всё исключительно на еду, лишнее в дорогу тащить нежелательно, да его еще и сохранить надо. В остальном действовал тот же принцип, который я применял, работая на карьерах вдоль железной дороги в Зауралье и на Южном Ямале: продукты простые, калорийные, длительного хранения, не габаритные и желателно не тяжелые. Когда это было в продаже, использовали сухие овощи – картофель, лук, морковь. Обязательно мясные консервы, крупы, макароны, сахар, соль, чай, сухари и сушки, для разнообразия банки три-четыре овощных консервов, вроде фасоли в томате или салата, джем. Если была возможность, брали немного сала, копченой колбасы. В общем, в основном без деликатесов обходились, хотя дополнительной выплаты полевого довольствия, которая в 1980-х годах составляла три рубля пятьдесят копеек в сутки на человека, на еду вполне хватало.

Готовили пищу на костре или бензиновом примусе «Шмель». Дрова для костра можно было найти почти везде, кроме самых северных внутренних районов Ямала, но в непогоду с этим возникали проблемы. Тогда разжигали в палатке примус, варили, а заодно обогревались и сушили промокшие вещи. Единственная беда – это качество приснопамятных «Шмелей». Очень уж капризными были оные агрегаты. Сначала требовалось поднять давление в топливном бачке насосом, который вечно привередничал, открыть кран и прогреть примус, чтобы он зашумел и заработал в полную силу. А выходное сопло обычно засорялось, пламя задувало ветром. Так что регулярная разборка и чистка примуса были неизбежны. Потом уже стали использовать газовые таганки и небольшие складные плитки, однако костры всегда оставались нашими добрыми экспедиционными спутниками. Они создавали особый уют и атмосферу полевой жизни. Как и моя палаточная печка-экономка, на которой холодными осенними вечерами томилась в сковороде картошечка с рыбьими потрошками и весело взбулькивал кипяток в закопченном чайнике. В изголовье постели тихо бормотал радиоприемник, горела на ящичке свеча, а над палаткой на темном небосводе яркой россыпью сияли звезды. Сколько было таких памятных моментов в экспедициях, когда палатка или небольшая избушка на время становились самым желанным пристанищем, твоим вторым домом. Пусть временным, неказистым, но уютным и спасительным.

Что касается одежды и обуви, здесь изменения произошли неоднозначные. Появились новые ткани и синтетические материалы, легкие, непромокаемые и даже дышащие. Однако основные костюмы (противоэнцефалитные комплекты, костюмы геологические летние, или КГЛ, водолазные свитера) первых экспедиций были практичнее

и долговечнее. Новые часто оказывались сделанными из плохой синтетики или слишком тонких и непрочных натуральных тканей, с замками-молниями, ломающимися через короткое время эксплуатации. Исчезла практичная кошма, которая шла и на лежанку, и на стельки, трудно оказалось найти сукно для курток и теплых портянок, фланель. Болотные резиновые сапоги стали в голенище такими тонкими, что их в развернутом виде приходилось уже подвязывать к поясу. А то из пластика пошли – легкие вроде, но если пробьешь такой, заклеить проблема. Появились куртки из нового материала, в которых и в жару не отпотеваешь, и на холоде не мерзнешь, удобные дождевики и защитные комплекты из брюк и куртки, уместающиеся в небольшой пакетик.

Хорошую обувь и одежду, конечно, найти было можно, вот только купить не всегда по карману. Прежняя система централизованного снабжения научных организаций была ликвидирована, а финансирование по этим статьям постепенно сошло на нет. Или где-то зарабатывай на снаряжение, или пользуйся тем, что есть. Да только ли это перестало поступать в организацию, если даже бумагу и чернила для принтеров приходилось покупать на свои деньги, лимит на топливо стал минимальным. То же касалось и средств связи, научных приборов, фототехники...

Что касается последних, то здесь, конечно, произошли огромные сдвиги. Мы раньше путешествовали вообще без всякой связи. Сейчас есть спутниковые телефоны, а в районе населенных пунктов работает сотовая связь. Для ориентировки на местности широко стали использоваться навигаторы. Теперь не надо фотографировать карты, проявлять фотопленку, а потом распечатывать. Достаточно отсканировать и распечатать цветные копии. Компьютер стал незаменим в обработке полевых матери-

алов – тут и набор дневниковых записей, расчеты численности и всё прочее, что раньше приходилось вручную выносить на кипы бумаги и считать на калькуляторе. На маршрутах я стал чаще записывать наблюдения на диктофон – так меньше отвлекаешься на записи в дневник, больше деталей регистрируешь. Цифровой фотоаппарат позволяет без проблем получать снимки, которые хорошо иллюстрируют и особенности мест, где работал, и гнездования птиц. Появились новые методы сбора и обработки данных, такие как генетический анализ, спутниковое слежение за животными, снабженными компактными передатчиками, и многие другие.

Всё это хорошо, нововведения облегчают полевую жизнь и делают ее безопаснее, создают новые возможности для изучения живой природы. Только вопрос не в том, лучше ли стали средства и возможности экспедиционной работы, а в том, насколько они доступны. На одном энтузиазме трудно состязаться с коллегами, у которых снаряжение, оборудование на самом передовом уровне, а не застряло во времени на десятилетие и более.

Подводя итоги

Вот и подошло к финалу наше путешествие по земле ямальской. Пройдены маршруты по Карскому морю и Обской губе, по самым крупным рекам полуострова – Юрибею, Мордыяхе, Ясавю, Сеяхе – Мутной и Зелёной. Мы побывали на острове Белом, на озере Халэвто, в старых ямальских поселках, на буровых и у новой железной дороги. Обсудили проблемы освоения Ямала и задачи охраны его природных богатств.

Я постарался вспомнить места на полуострове, которые посетил за многие годы странствий, рассказать о работе, о своих коллегах и земляках, о природе Ямала и о нашей жизни в экспедициях.

Надеюсь, читатель нашел в моих записках что-то новое, интересное для себя, или вспомнил знакомые края, особый колорит минувших лет. Конечно, далеко не всё удалось припомнить, не обо всём поведать. Да и территория, на которой происходили описанные события, в основном ограничена Ямальским районом нашего округа. А ведь были, кроме того, экспедиции на Приполярный и Полярный Урал, в пойму Нижней Оби, в тайгу и лесотундру севера Западной Сибири. Если мои зарисовки привлекут внимание читателей и появится возможность продолжить их, буду надеяться, что мои северные дороги еще не закончились. С тем и прощаюсь.

*Всегда ваш,
полярный странник
и полевой зоолог
Сергей Пасхальный*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
НАЧАЛО	7
Мой ранний Ямал.....	8
Воспоминания о школе.....	16
Хадыта.....	28
За порогом родного дома.....	35
В дельте Оби. Пейзаж с птицами.....	42
Предзимье. Зима.....	47
Весна.....	49
Лето.....	51
Осень.....	53
Уроки острова Сенного.....	54
Ярсалинские походы.....	60
МОРЕ КАРСКОЕ ДАЁТ ДОБРО	67
Ямальская «кругосветка».....	68
Домой.....	76
Речка Мануфактурная.....	80
Погранзастава.....	82
Вокруг Ямала.....	86
ОСТРОВ ТУМАНОВ	97
Знакомство.....	98
Картографическое отступление.....	101
Остров.....	103
Работа и быт.....	105
Живая природа.....	110
Прощание.....	115
ГОЛУБАЯ ЛЕНТА ЮРИБЕЯ	117
Мой Юрибей.....	118
Уроки ненецкого.....	125
В СЕРДЦЕ ЯМАЛА	137
Дорогами поморов.....	138

О ямальском волоке.....	139
В сердце Ямала.....	145
Команда в сборе.....	146
Шквал.....	147
Вниз по Юрибею.....	148
На север.....	150
По земле, предками хоженной.....	153
Юрибей – Сеяха. Дальняя дорога.....	159
Финальный заплыв.....	168
Жизнь и смерть тундрового озера.....	179
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЮРИБЕЮ.	
НОВЫЕ РЕАЛИИ	189
Правый Юрибей.....	190
Хэто – Юрибей. Большой десант.....	195
Ярато – Хэто. Встречи и впечатления.....	200
НА ЮЖНОМ РУБЕЖЕ ПОЛУОСТРОВА	207
Пыряяха, более известная как Щучья.....	208
Туризм и птицы.....	210
Французский вояж по-русски.....	215
Не всяко лыко в строку.....	220
ДЕРЕВЯННЫЕ ГОРОДА	227
Яр-Сале.....	229
Новый Порт.....	234
Мыс Каменный.....	238
Сеяха.....	245
Сабетта.....	248
Харасавэй.....	252
ЯМАЛ ПРОМЫШЛЕННЫЙ	259
На буровых.....	260
Бованенково.....	266
Первые результаты.....	266
Наука и жизнь.....	273
Ровнять или не ровнять?.....	285

Кровь земли.....	294
ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА.....	301
Заказники.....	302
Природный парк «Юрибей».....	311
ЗАВЕРШАЯ МАРШРУТЫ.....	317
Экспедиционная жизнь. Былые времена и новации.....	318
Подводя итоги.....	331

Сергей Пасхальный

На краях «края земли»

12 +

Редактор и корректор О. Виноградова
Препресс Н. Бай
Верстка Л. Мифтахова

Подписано в печать 22.03.2021 г. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Бумага офсетная ВХИ 80 г/м².

Тираж 700 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии АНО «Ямал-Медиа».
629008, г. Салехард, мкр-н Б. Кнунянца, д. 1.

Об авторе

Сергей Петрович Пасхальный родился в 1956 г. в г. Раквере Эстонской ССР. С 1963 г. обучался в Ярсалинской школе-интернате, в 1973 г. поступил на биологический факультет Уральского госуниверситета. По окончании вуза работал учителем биологии и географии в с. Яр-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа.

В 1981 г. приглашен на работу в Салехардский (позднее Экологический, а ныне Арктический) стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, где проработал 35 лет, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. В 1995 г. защитил диссертацию по теме «Птицы антропогенных ландшафтов Субарктики Западной Сибири». Занимался изучением биоресурсов полуострова Ямал, Полярного Урала, Приобья и поймы Нижней Оби, фауны и экологии птиц, проблем охраны природы Севера. Участвовал в обосновании природоохранных мероприятий на нефтегазовых месторождениях округа, разработке и модернизации проектов ООПТ, подготовке Кадастра животного мира Ямало-Ненецкого автономного округа.

Автор более 250 научных публикаций, в том числе монографий и коллективных монографий «Птицы антропогенных местообитаний полуострова Ямал и прилегающих территорий», «Птицы Полярного Урала», «Млекопитающие Полярного Урала», «Север, птицы, люди». Его статьи вошли в издание «Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа» и Красную книгу Ямало-Ненецкого автономного округа.

В течение 10 лет был ответственным редактором журнала «Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа».

